

Джозеф де Бекер

ГЕЙШИ

J.E. de Becker

The Nightless City

Geisha and Courtesan Life
in Old Tokyo

Джозеф де Бекер

ТЕЙШИ

История, традиции, тайны

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 176.5
ББК 60.54
Б42

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Бекер де Дж.
Б42 Гейши. История, традиции, тайны / Пер. с англ.
А.И. Шмелева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. —
318 с.

ISBN 978-5-9524-4800-1

Исследовательский труд Джозефа де Бекера повествует об истории квартала Ёсивара — места, где находились публичные дома старого Токио (Эдо). Автор знакомит с классификацией публичных домов, приводит медицинскую и юридическую статистику, детально описывает быт гейш.

Вы узнаете, что входило в обязанности гейш, сколько стоили их услуги, во что одевались японские куртизанки, какие прически они носили и многое, многое другое.

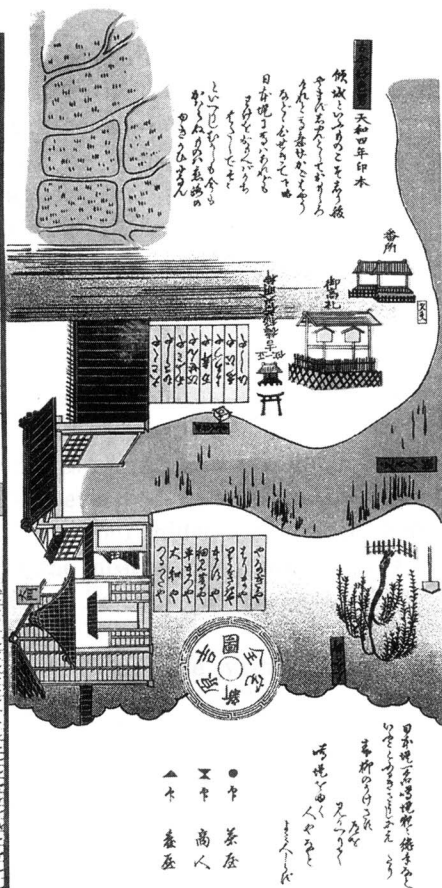
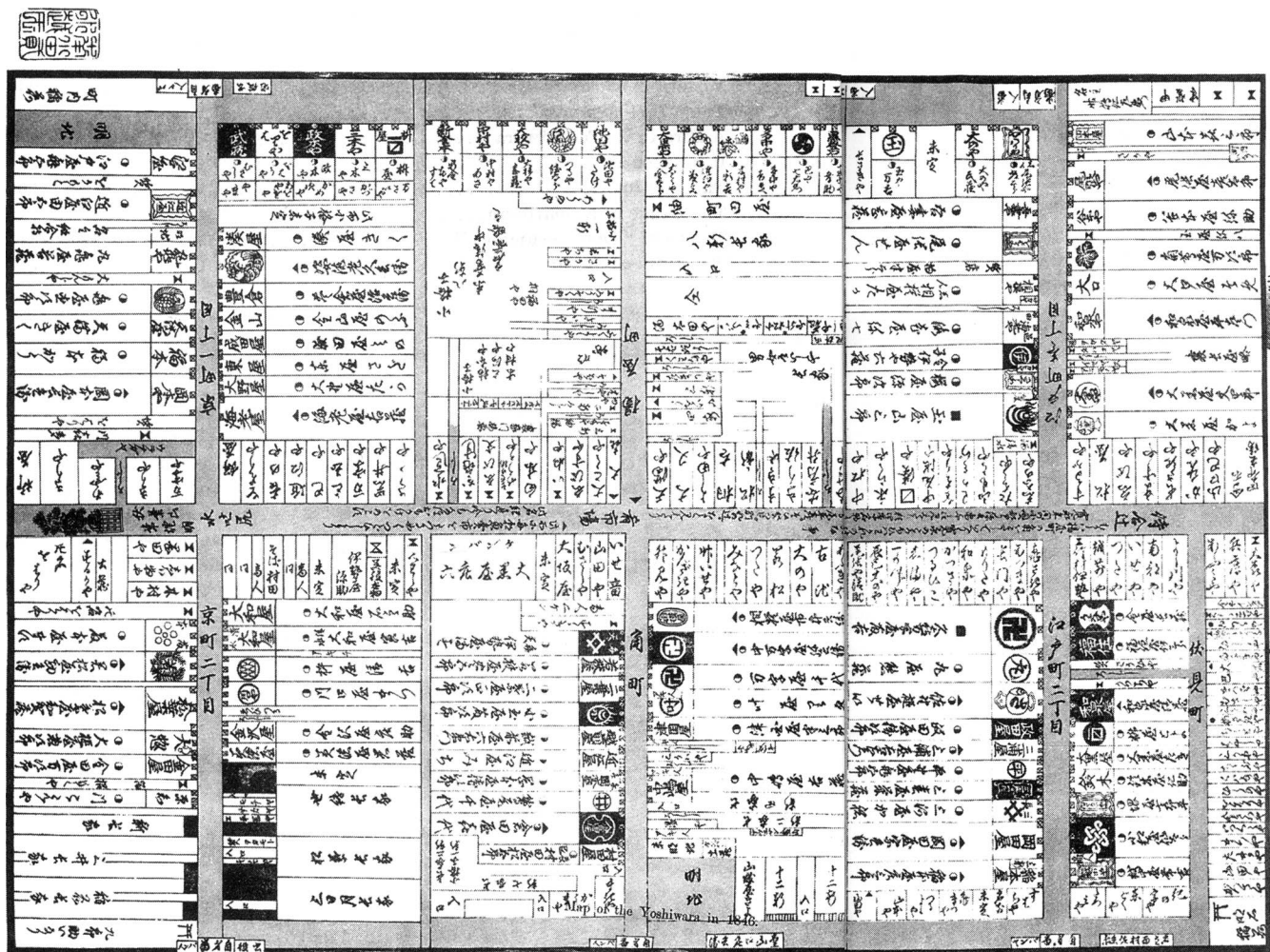
УДК 176.5
ББК 60.54

ISBN 978-5-9524-4800-1

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2010
© ЗАО «Центрполиграф», 2010

ТЕЙШИ

История, традиции, тайны

План Ёсивара 1846 г.

Добродетельные люди говорят языком поэзии и классической науки о том, что дома терпимости для куртизанок и уличных проституток являются гнойными язвами городов и селений. Но это неизбежное зло, ведь, если их запретить, люди нечестивых помыслов совершенно распустятся.

*73-й раздел «Наследия Иэясу» —
первого сёгуна Токугава (1542—1616)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

До тех пор, пока будет существовать человечество, до тех пор, пока человеческие потребности будут требовать удовлетворения любой ценой, до тех пор, пока кровь будет течь по жилам, пока мужчины будут обуреваемы страстями, а женщины будут слабы, до тех пор, пока низменные удовольствия будут привлекательны для сбитого с толку и погрязшего в грехе человечества, до тех пор, пока похоть «грубого животного» будет произрастать на земле, разврат и беспутство, несомненно, будут продолжать нуждаться в тысячах несчастных жертв.

«Порок, как болезнь, витает в воздухе», и, несмотря на упорные усилия искоренить проституцию, предпринимаемые во всех странах во все времена, она продолжает существовать — безудержная и неодолимая.

История доносит печальную правду о том, что все усилия были и, наверное, будут недостаточными, чтобы справиться с задачей искоренения этого социального зла в наших умах, и нам приходится признать, что большее, чего мы можем достичь, облегчая последствия, — это регламентация и контроль над худшими его проявлениями.

Множество достойных европейцев желали реформами искоренить порок, но эти попытки неизменно приводили к разочарованию. Церковь проклинала и предавала анафеме, светские власти издавали суровые и даже жестокие законы, но куртизанки продолжают процветать и, несомненно, будут процветать, пока пучина времени не поглотит мир.

В своих усилиях решить проблему проституции Япония не осталась в стороне от остального мира, и существующая ныне система государственного контроля над всеми сторонами этой деятельности сложилась около трехсот лет назад.

Принимая как факт существование Ёсивара, понимаешь, что система, проходившая проверку в течение трехсот лет, должна иметь некоторые положительные черты и что за три столетия вокруг этого явления сложилось много интересных — хороших или дурных — обычаев.

Не будучи ее сторонником, я принимаю ее как факт и надеюсь, что содержание книги будет интересно тем, кто готов беспристрастно исследовать обычаи одного из самых необычных общественных институтов этой страны. Книга была написана с целью предоставить иностранцам, изучающим социологию, людям, занимающимся медициной и общественной деятельностью, надежную информацию, касающуюся функционирования главного квартала проституток в японской столице, с тем чтобы они сами составили свое мнение, оценив все за и против, успехи и провалы политики строгого изоляционизма, принятой в этой стране.

Японцам, которые могут посчитать Ёсивара позором Японии, я хочу заметить, что их страна не обладает монополией на порок. А иностранцам, с пафосом заявляющим об «аморальности японцев», предложить почитать «Историю проституции» доктора В.В. Сангера. Вы не можете позволить себе слишком резко критиковать эту страну, поскольку вы не посмеете положить руку на сердце заявить, что только вы и ваша раса имеете монополию на добродетель.

ИСТОРИЯ ЁСИВАРА ЮКАКУ¹

До тех пор, пока город Эдо не стал резиденцией правительства Токугава, постоянных мест с дурной репутацией там не было, а места расположения публичных домов и домов свиданий не регламентировались вплоть до периода Кэйтё (1596—1615)².

В этих обстоятельствах публичные дома в Эдо были разбросаны по всему городу группами по два или три дома. Среди них выделялись три группы, где публичные дома находились в большем числе, бок о бок занимаясь своим постыдным промыслом.

1. В Кодзимати хаттёмэ было 14 или 15 публичных домов. Они перебрались из Рокудзё в Киото.

2. В Камакурагаси (район Канда) количество домов было таким же, что и в Кодзимати. Эти переселились из Мирокумати в Футю (сейчас Сидзуока?) в провинции Суруга.

3. В Утиянагимати, недалеко от Охаси (сейчас Охаси — это ворота Токивабаси, а Янагимати — это Досангасидори)

¹ Ю к а к у — изолированный городской квартал с публичными домами и домами свиданий. (*Здесь и далее примеч. авт., кроме особо оговоренных случаев.*)

² Здесь и далее автор пользуется традиционной японской системой летосчисления — нэнго. Подсчет лет по этой системе идет от дня восшествия на престол очередного императора. Как показывает история, период его правления может оказаться очень коротким, тем не менее он получает благожелательный девиз, который затем становится посмертным именем императора. В историографии эти периоды называют эпохами или эрами, а также просто годами. Так период правления предпоследнего императора Хирохито называется эпохой Сёва (1926—1989), а годы правления его преемника Акихито — Хэйсэй (1989). Таким образом, в Японии сейчас идет 21-й год Хэйсэй. (*Примеч. пер.*)

было 20 домов. Здесь работали только жительницы Эдо. Некоторые авторы считают, что название улицы Янагимати произошло от двух гигантских плакучих ив, что росли в начале улицы.

Ранее, в период Тэнсё (1573—1592), некто по имени Хара Сабуродзаэмон основал квартал публичных домов в Мадэ-но-Кодзи, Янаги-но-Баба в Киото. Но, несмотря на то что место в Эдо получило данное название, оно вряд ли ведет свое происхождение из Города-на-Западе (то есть Киото).

В 10-м году Кэйтё (1605) правительство выбрало район Янагимати для строительства эдосского замка, и все публичные дома были перемещены к храму Мотосэйгандзи.

С ростом населения в Эдо из Сюмокумати в Фусими, Кицудзимати в Нара, а также другие места вблизи Киото переселялись содержатели публичных домов.

Но Эдо продолжал расти и богатеть, торговля развивалась. Власти занимались благоустройством города. Прокладывались новые дороги, строились новые мосты, по причине благоустройства городских кварталов многие здания должны были быть снесены. Многие люди были вынуждены сменить место жительства. В этих обстоятельствах содержатели публичных домов решили, что настал подходящий момент для подачи петиции властям о разрешении на выделение в Эдо специального места для них. Иными словами, они ходатайствовали перед властями об организации официального кэйсэймати¹. Однако их петиция не была удовлетворена, и все осталось по-прежнему.

В 17-м году Кэйтё (1612) некий Сёдзи Дзиньюэмон (уроженец Одавара в провинции Сагами) продумал идею объединения всех публичных домов и домов свиданий Эдо в отдельный городской квартал, после долгих консультаций со своими коллегами (потому что этот благородный «реформатор» сам принадлежал к членам этой «профессиональной корпорации») он сделал представление правительству, сообщая, что «в Киото и в Суруге, а также в других плотно

¹ К э й с э й м а т и — квартал куртизанок. Кэйсэй означает «разрушенный замок». При этом имеется в виду то, что подобные женщины могут привести к падению государства.

населенных и оживленных местах (числом более двадцати) в соответствии с древней традицией и прецедентами были устроены официально разрешенные кэйсэймати. Тогда как в Эдо, который с каждым днем становится все более оживленным и населенным, нет отдельного юдзёмати (квартала куртизанок). В результате такого положения дома терпимости в большом количестве разбросаны по всему городу, по всем направлениям. Это по целому ряду причин пагубно влияет на общественную мораль и благополучие и т. д. и т. д.».

Податель петиции далее перечислил преимущества, которые могут быть достигнуты с помощью предлагаемой им системы, и представил меморандум из соображений и аргументов, поделенный на три рубрики, который выглядит следующим образом:

«1. Сейчас дело обстоит следующим образом. Когда гость приходит в публичный дом, он может нанять для своего развлечения юдзё (проститутку) сообразно своему вкусу и предаваться наслаждению и блуду независимо от его положения, благосостояния, а также рода деятельности. Он может оставаться в публичном доме целыми днями, если имеет на то силы и желание, и хозяин публичного дома будет его привечать и развлекать как гостя до тех пор, пока у того есть на это деньги. Как естественное последствие из этого вытекают пренебрежение долгом перед господином, растраты, воровство и т. д., и тем не менее держатели публичных домов позволяют своим нечистым на руку гостям находиться в их домах до тех пор, пока те могут за это платить.

Если бы все публичные дома находились в одном месте, все эти пороки могли бы оказаться под контролем посредством проведения проверок и инспекций. Пребывание в публичном доме может быть ограничено 24 часами, и этот запрет следует сделать обязательным.

2. Также следует законодательно запретить похищение детей в этом городе, потому что к такой практике похищения и сманивания девочек из родительских домов прибегают порочные и беспринципные негодяи. Несомненным фактом является то, что некоторые злонамеренные личности сделали своей профессией отбор девочек из бедных семей

под предлогом их удочерения. Однако, когда девочки вырастают, их принуждают к сожительству и проституции, каким образом удочерители собирают золотой урожай. Очевидно, это и есть тот класс распутных негодяев, которые даже осмеливаются красть чужих детей. Также несомненным фактом является и то, что содержатели публичных домов нанимают женщин, отлично зная, что те в детском возрасте были удочерены с целью их дальнейшей продажи в публичные дома. Если бы публичные дома находились в одном месте, стали бы возможны строгие проверки на предмет выявления похищенных детей и детей, ранее принятых в семьи с целью продажи. Информация о выявлении таких случаев могла бы немедленно передаваться властям.

3. В стране сейчас мир, но, поскольку покорение провинции Мино¹ произошло не так давно, по стране скитаются множество ронинов², ищущих возможности совершить злодейство. Эти негодяи, конечно, не имеют определенного убежища или места жительства и просто бродят без цели, что делает, при отсутствии должного контроля, невозможным наблюдение за их перемещениями, тем более что они могут находиться в домах с дурной репутацией неограниченное количество дней. Если власти удовлетворят данную петицию и позволят локализовать существующие публичные дома в определенном месте, содержатели их будут обращать особое внимание на эту проблему, наводить справки о людях, проводящих время в публичных домах, и при малейшем подозрении не преминут известить об этом власти.

И было бы великой благосклонностью со стороны августейших властей удовлетворить эту петицию во всей полноте их великодушной милости».

Следующей весной (1613) Сёдзи Дзинъюэмон был вызван в городской суд, где его выслушал Хонда — губернатор провинции Садо. Ответ на петицию был обещан позже, после чего Сёдзи отпустили.

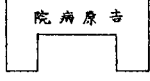
¹ Решающее сражение между Иэясу (1542—1616) и Хидэёри (1593—1615), сыном великого Хидэёси (1536—1598) Тайко-сама, произошло при Сэкигахара в провинции Мино в 1600 г.

² Ронины — самураи, потерявшие своего господина. (Примеч. пер.)

花 園 地

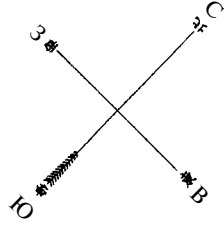
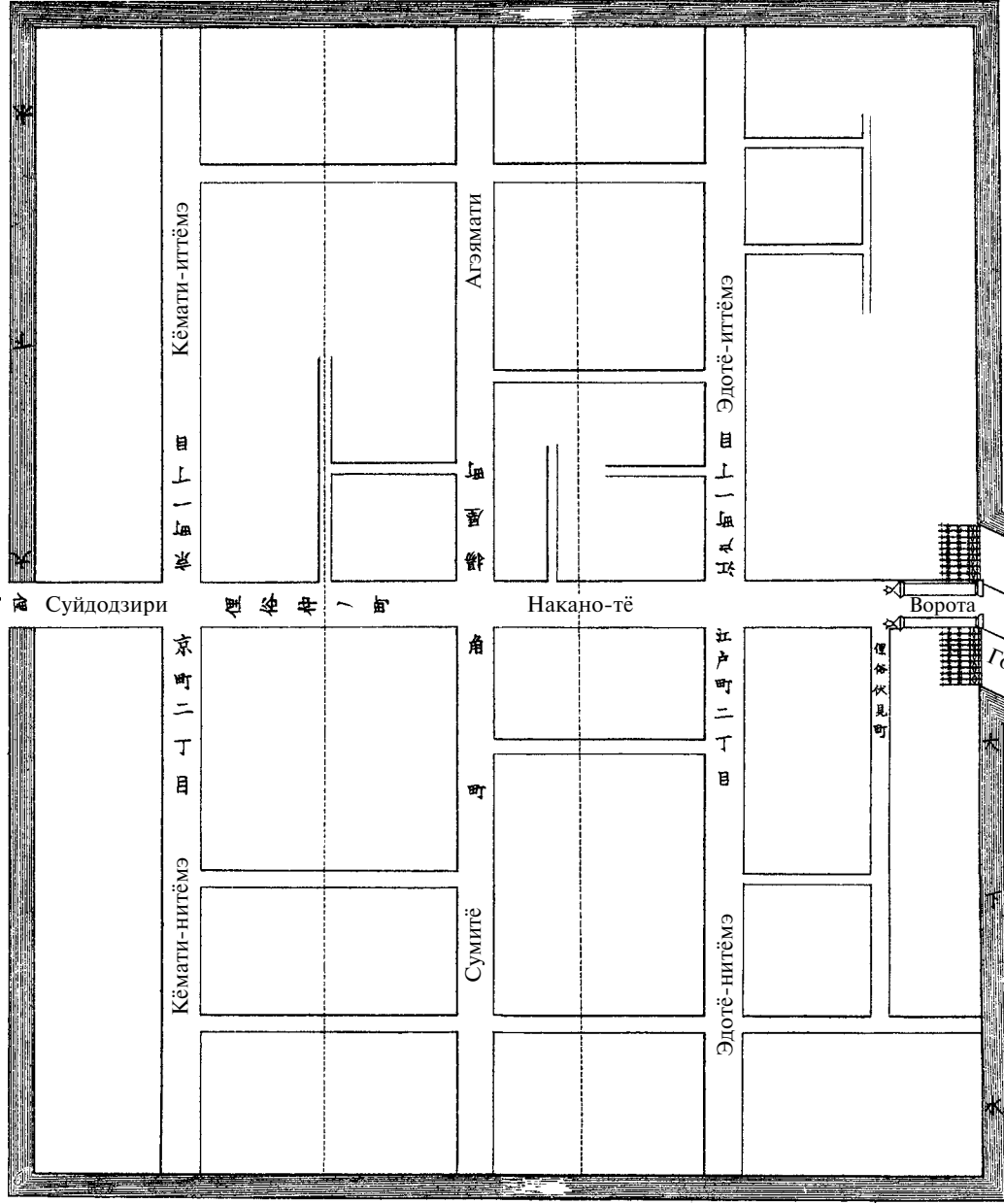
Контора инспектора

Больница

Парк

水堀

Мигаэри янаги

日本堤

План Ёсивара 1899 г.

Весной 3-го года Гэнна (1617) Дзинъюэмон был опять вызван в суд, где в присутствии нескольких чиновников Хонда было объявлено о том, что его петиция удовлетворена. Также его информировали о выделении под строительство квартала проституток двух квадратных тё (около 2,4 га) земли и о том, что все это будет находиться в Фукиямати. В благодарность за получение этой привилегии Дзинъюэмон пообещал, что, за исключением выделенного квартала, ни одной проститутки не останется в Эдо и окрестностях и что, если такие женщины будут где-либо обнаружены, об этом, во исполнение долга, будет немедленно доложено властям им самим или же любым другим держателем публичного дома. В это же время Сёдзи Дзинъюэмон получил должность кэйсэйматинануси (начальник квартала проституток) и был проинструктирован бугё (чиновник, наделенный административной, военной и судебной властью) о соблюдении следующих правил.

«1. Обязанности содержателя публичного дома не могут исполняться нигде, кроме определенной территории, и никакие вопросы о возможном нахождении проституток где-либо за пределами этой территории рассматриваться не будут.

2. Ни один гость не может находиться в публичном доме более 24 часов.

3. Проституткам запрещается носить платья с золотой или серебряной вышивкой. Разрешается только обычная крашенная ткань.

4. Публичные дома не должны строиться в вызывающем стиле, а жители кварталов проституток должны исполнять те же обязанности (пожарных и т. д.), что и обычные жители в других частях Эдо.

5. Надлежащим порядком должна устанавливаться личность любого посетителя публичного дома, благородного или простолюдина, и при малейшем подозрении информация должна передаваться в бугёсё (канцелярия бугё).

Вышеизложенные инструкции должны строго выполняться.

(Дата) Бугё».

В низине Фукиятё, которая была выделена властями, сейчас находятся Идзумитё, Такасаготё, Сумиёситё и Наниватё, а кохори (канавка) у Хэцуигаси была когда-то внешним рвом вокруг квартала проституток. Нынешняя Омондори (улица Главные Ворота) была раньше улицей, идущей к Омон (Главным воротам). Во времена, которые я описываю, эта местность была одним обширным болотом, заросшим сорняками и тростником. Поэтому Сёдзи Дзинъюэмон занялся очисткой Фукиямати. Осушил болота, насыпал землю и обнес все забором. В память о тростниках, которые росли здесь, место было переименовано в Ёсивара (Тростниковая равнина), но позже название изменили на Ёси-вара (Равнина удачи), чтобы у местности стало более благоприятное название.

Работы по отсыпке и выравниванию земли и последующее строительство были начаты в 3-й год Гэнна (1617), и к ноябрю следующего года «бизнес» заработал. Однако работы по разбивке улиц и формированию околотков еще не были закончены к 9-му дню 10-го месяца 3-го года Канъэй (28 ноября 1626).

ОКОЛОТКИ В ЁСИВАРА

Эдотё-иттёмэ. Это были первые кварталы проституток, образованные в городе после того, как правительство Токугава сделало Эдо своей столицей. И в надежде на свою долю в процветании города счастливое название Эдотё (околоток Эдо) было признано наиболее подходящим для нового околотка. Все дома из Янагитё и среди них Нисидая (Дом западного рисового поля), который держал сам Сёдзи Дзинъюэмон, переехали в Эдотё.

Эдотё-нитёмэ. В этот околоток (второй околоток Эдотё) переехали все дома, ранее находившиеся в Мотокамакура-хаси.

Кёмати-иттёмэ. Сюда перебрались дома из Кодзимати. Большинство этих заведений происходили из Рокудзё в Киото. Поэтому околоток называли Кёмати, используя первый иероглиф 京 из слова «Киото»¹, сохранив, таким образом, ассоциации со старой столицей.

¹ По-японски — Кёто. (Примеч. пер.)

Кёмати-нитёмэ. Держатели публичных домов из Хисагомати в Осаке, Кицудзи в Наре и других мест, услышав об открытии Ёсивара, решили перебраться сюда. Дома в этом околоте были закончены двумя годами позже домов на других улицах, поэтому этот околоток в просторечии называли Синмати (Новая улица).

Сумитё. Публичные дома из Сумитё в Кёхаси, переехав в этот околоток, сохранили название прежнего места и «окрестили» так новую улицу.

После всех превратностей судьбы держатели публичных домов наконец поверили, что обрели постоянное место и никакие перемены им больше не грозят, однако их ждало разочарование. На 19-й день 10-го месяца 2-го года Мэйрэки (4 декабря 1656) бугё Исигая Сёгэн собрал старейшин (тосиёридомо) Ёсивара и проинформировал их о том, что участок, занимаемый кварталом проституток, понадобился властям для застройки и что публичные дома должны куда-нибудь перебраться. Исигая добавил, что взамен Ёсивара власти готовы предоставить участок земли по соседству с Нихон цуцуми (Японской дамбой) позади храма Асакуса или же поблизости от Хондзё.

Решение властей повергло представителей Ёсивара в ужас, в результате чего появилась жалобная петиция, в которой сообщалось, что публичные дома существуют уже 44 года и что их владельцы столкнутся с огромными неудобствами и денежными потерями при внезапном переезде в другой район. Перечислив упомянутые факты и указав на несомненный ущерб, который понесут «заинтересованные круги», петиция заканчивалась мольбой о том, чтобы власти милостиво разрешили публичным домам продолжать свое нелегкое дело на прежнем месте. Петиция, однако, не была удовлетворена, и старейшины после серьезного размышления попросили отдать им участок земли у Нихон цуцуми, а также выделить из общественных фондов деньги на переезд.

В ответ на последнюю петицию власти предоставили подходящий участок вблизи Нихон цуцуми и, принимая во внимание сложности переезда домов в такой отдаленный и неблагоустроенный район, Исигая Сёгэн и Камио, губернатор провинции Бидзэн, согласились на следующие условия, касающиеся нового Ёсивара.

«1. До сих пор выделенный участок ограничивался 2 квадратными тё (около 2,4 га). В новом месте площадь увеличивается на 50% и будет составлять 2 на 3 тё (около 7,2 га).

2. Поскольку до сих пор деятельность домов разрешалась только в дневное время, принимая во внимание перемещение домов в столь отдаленный район, в будущем домам разрешено функционировать и днем и ночью.

3. Существующие ныне в квартале более 200 фуроа (бани¹) должны быть закрыты.

4. Принимая во внимание то, что Ёсивара перемещается в отдаленный район, его обитатели должны тем не менее исполнять обязанности по противопожарной охране в дни празднеств в Санно и Канда, а также оказывать помощь в случаях крупных пожаров и т. д.

5. Сумма в 10 500 рё выделяется на покрытие расходов, связанных с переездом, из расчета 14 рё за маленькую комнату².

Любопытно, что Япония не единственная страна, где можно было встретить подобные «бани». В книге «История общественной морали в Германии» немецкого автора Вильгельма Рудека утверждается, что «бань» было множество. Ранним утром горн возвещал о том, что все готовы, и мужчины, женщины и девушки, раздевшись дома, почти обнаженными направлялись в бани, где работали в основном банщицы, весьма вольно трактующие свои обязанности. Во многих случаях ванны были достаточно просторны для дво-

¹ Эти «бани» были на самом деле домами свиданий и практиковали нелегализованную проституцию. Ведя свое дело под такой невинной вывеской, они привлекали женщин, называемых камиараионна, или (выражаясь мягче) «банщиц». На самом деле эти женщины были дзигу (незарегистрированные проститутки) и отбирались по своим внешним данным с целью завлечь клиента «принять ванну». Такие «банщицы» были не только привлекательны и умелы, как официальные проститутки, но значительно дешевле, а также могли предлагать свои услуги и днем и ночью, в то время как официальные представительницы данной профессии могли работать только днем. Нелегализованных проституток было так много, что они серьезно мешали официальному бизнесу Ёсивара, и пресечение их деятельности было одной из главных забот легальных держателей публичных домов.

² Интересно отметить, что уже в те времена государство придерживалось принципа компенсации при исполнении суверенного права государства на принудительное отчуждение частной собственности.

их, поперек них устанавливалась доска, на которой выставлялись напитки и закуски, а свидетельства о браке никто не спрашивал. В рыцарских замках дамы частенько сопровождали гостей-мужчин в бани и наоборот. А на водных курортах, таких как, например, Висбаден, фрау Венера, похоже, правила безраздельно. Весьма фривольные иллюстрации из старинных фолиантов показывают ряд ванн с досками, положенными поперек их, на которых выставлены кушанья и напитки. Существуют иллюстрации, воспроизведенные со старых гравюр, показывающие еще более непристойные сцены, и мы должны признать, что это было обычным явлением в банях.

На 27-й день 11-го месяца того же года (11 января 1657) старейшины и ответственные за ежемесячные проверки (цукигёдзи) отправились в отделение Казначейства в Асакуса и получили компенсацию за переезд. В то же время они обратились к чиновникам с просьбой остаться в Ёсивара еще на ближайшие три или четыре месяца, обещая закончить переезд к апрелю.

Просьба была признана обоснованной и была удовлетворена. Переезд отложили до 4-го месяца, однако 2 марта 1657 года в Маруяма в Хонго случился ужасный пожар, известный как Фурисодэ кадзи (пожар платьев с широкими рукавами), который бушевал в городе Эдо три дня и три ночи¹.

Пожар нанес большой урон городу, а Ёсивара уничтожил полностью, так что для задержки переезда предлога больше не оставалось. Руководители Ёсивара были снова вызваны в канцелярию бугё и получили приказ вследствие пожара более не медлить с переездом.

В мае 1657 года Исияга Сёгэн, Камио, губернатор провинции Бидзэн, и Сонэ Гэндзаэмон отправились к Нихон цуцуми, чтобы проинспектировать, как идет строительство нового квартала. Пока дома строились и обустраивались, по соседству с Санья и Имадо были возведены временные сооружения, которые назывались коягакэ (временные постройки), в них (как и в частных домах, снятых для подобных нужд) продолжалась все та же омерзительная деятельность.

¹ См. главу «Фурисодэ кадзи».

В сентябре 1657 года новые публичные дома были отстроены, и все «сообщество» поспешило в Син-Ёсивара.

Син-Ёсивара (новый Ёсивара) был так назван, чтобы отличаться от Мотоёсивара (прежний Ёсивара). Он расположился в местности, ранее известной как Сэндзокумура всего в нескольких тё от Асакусадзи (храм).

Здесь есть холм (или, скорее, склон), спускающийся от Нихон цуцуми к Син-Ёсивара, который называется Эмондзака, или Нарядный холм, из-за того, что посетители веселого квартала, проходя этой дорогой, начинали приводить себя в порядок. По другой версии, название Эмондзака просто перекочевало сюда из Киото.

Дорога, ведущая от Эмондзака в Ёсивара, известна как Годзиккэнмати. Легенда гласит, что на службе у Сёдзи Дзинъюэмона (основателя квартала) был слуга по имени Кохэйдзи, который предложил своему хозяину проложить дорогу в виде трех криволинейных участков, считая такое решение более изящным, чем просто прямая дорога. Другая легенда утверждает: в таком виде дорога была выстроена по приказу Камио, губернатора провинции Бидзэн, но, как бы там ни было, заметно, что прокладывал дорогу некто, наделенный (с японской точки зрения) поэтическим воображением. На каждой стороне этой извилистой дороги было выстроено по 25 чайных домиков (тяя), таким образом всего их было 50 (годзикэн), отсюда и популярное название Годзиккэнмати (улица пятидесяти домов). В конце улицы находились ворота, которые были входом в Ёсивара, а прилегающая местность была известна как Омонгути (вход через Главные ворота). Ворота сами по себе назывались Омон (Главные ворота). Пройдя через Омон, посетитель оказывался на территории Син-Ёсивара.

Син-Ёсивара был примерно наполовину больше, чем старый квартал (Мотоёсивара), протянувшись на 3 тё (327,27 м) с севера на юг и на 2 тё (218,18 м) с запада на восток, занимая таким образом около 7,2 га земли. Огороженную территорию окружал ров с водой, а улицы внутри были проложены таким образом, что в плане напоминали китайский иероглиф 田 (та — рисовое поле). Как видно из приложенного плана Син-Ёсивара, Накано-тё проходит через центр, тогда как Эдотё (иттёмэ и нитёмэ), Сумитё и

Кёмати (иттёмэ и нитёмэ) идут направо и соответственно налево. Так же как в случае с Мотоёсивара, для удобства функционирования агэя¹ была добавлена еще одна улица и названа Агэямати. Эта улица находилась напротив Сумитё, направо от Накано-тё, если стоять лицом к Суйдодзири.

На 8-й год Камбун (1668) была произведена облава на дзигоку (проституток без лицензии), всех пойманных отправили в Ёсивара, но, поскольку их насчитывалось 512 душ, возникли проблемы с размещением — в квартале совсем не было места для новых публичных домов. В таких обстоятельствах на задворках у каждого публичного дома на Эдотё-Нитёмэ было отрезано по небольшому кусочку земли, где было выстроено почти семьдесят пять небольших домиков в ожидании новых переселенцев в этот земной рай. Поскольку большинство вновь прибывших были уроженками Фусими и Сакаи, то улицы, на которых встали их дома, стали называть Фусимитё и Сакаимати. Сакаимати был уничтожен пожаром в годы Мэйва (1764—1772) и более не восстанавливался, а Фусимитё можно увидеть и сейчас.

Поначалу на пяти улицах Син-Ёсивара располагались в основном публичные дома, на Агэямати — агэя, а на Накано-тё — торговые лавки. Но с течением времени агэя постепенно исчезли, а их места заняли тья (чайные домики). Также постепенно лавочники с Накано-тё перебрались в другие места, а их лавки превратились в чайные домики. Число чайных домиков на Агэямати продолжало расти, и сейчас их, наверное, столько же, сколько и публичных домов.

Следующий фрагмент из «Цуйко Ёсивара тайдзэн» (старинная книга, описывающая происходящее здесь) может оказаться интересным для моих читателей.

«Угол Накано-тё и Эдотё-иттёмэ называют Матий-но-цудзи, или «Аллея ожидания», потому что женщины сидели здесь на пороге своих домов в ожидании клиентов... Угол Эдотё-нитёмэ назывался Аомоно-итиба (Овощной рынок),

¹ А г э я — дома свиданий, где в соответствии с обычаями того времени гость мог остановиться и вызвать любую проститутку, с которой имел или хотел бы иметь отношения. Агэя вызывали проститутку и предоставляли все необходимое для свидания.

угол Сумитё — Сакана-итиба, потому что в дневное время здесь собирались зеленщики и торговцы рыбой. Летними вечерами на этих улицах также можно встретить продавцов светлячков (хотаруури). Что касается названия Суйдодзир (Конец акведука), то говорят, что раньше в Ёсивара не было своих колодцев и всю воду приходилось приносить из колодцев в Яриба и Томбо, но в годы Гэнроку (1688—1704) и Хозэй (1704—1711) крупный купец из Эдо — Кинокунья Бундзаэмон (см. ниже) — распорядился выкопать на дворе Овария Сэйдзюро в Агэямати первый колодец, который компенсировал недостаток воды. А поскольку трубы, по которым вода доставлялась в разные части Ёсивара, заканчивались в конце Накано-тё, это место получило название Суйдодзир (см. выше). В другой книге — «Дзисэ-кигоко» — говорится о том, что «название Суйдодзир возникло не в старом Ёсивара, а, напротив, в новом. Однако на планах старого Ёсивара такое название все же существует. Улица, идущая вдоль ручья в Кёмати-иттёмэ, называлась Дзёнэнгаси. Говорят, что название произошло от имени сына главы квартала Сёдзи Дзинъюэмона, который проживал в этом месте».

Еще одна книга — «Кию соран» — сообщает, что в годы Камбун (1661—1673) появились сантя (разряд дешевых проституток, о которых будет рассказано в надлежащем месте) и что по просьбе Гэнъюэмона, главы Кёмати, в Сакаимати, Фусимитё и в Минамитё были построены новые дома. Первый околоток был так назван, потому что находился на границе (сакаи) Сумитё-нитёмэ, а второй — в честь предков старейшины околотка (Ямадая, Ямадзабуро, Ямагутья Ситироэмона, Адзумага Дзихэя и Окадая Китидзаэмона), которые перебрались в Фусими из Котобукитё, Бунгобаси и других мест в период строительства Ёсивара. Улица, идущая вдоль ручья в Кёмати-иттёмэ, называется Нисигаси в память о младшем брате Сёдзи Дзинъюэмона (основателя Ёсивара) Татибанае Сайнэне¹, который жил здесь. Улица в Кёмати-нитёмэ, известная как Расёмонгаси или просто Ва-

¹ По-японски иероглиф 西 (сай) в имени Сайнэн произносится «ниси» (запад), отсюда Ниси (запад) + гаси (берег реки). В Японии вообще принято образовывать названия таким образом.

ругаси (Гиблый берег ручья), получила свое название из-за того, что там находился небольшой публичный дом Ибаракия, обитатели которого приставали к прохожим, хватая их за рукава, совсем как воин Ватанабэ-но Цуна¹, который отрезал руку великану во время своих приключений в Расёмон недалеко от Киото. Тэндзингаси находилась у Суйдодзири, и здесь стояло 25 дешевых публичных домов. Эта улица была названа в честь великого ученого Сугавара-но Митидзанэ², который был канонизирован, и день его памяти выпадал на 25-е число каждого месяца³.

НИХОН ЦУЦУМИ

(«Японская дамба»)

В книге «Добо гёэн» говорится о том, что потомственный земледелец из Миновы по имени Сибадзаки Ёхэй слышал от своего деда, что Нихон цуцуми была построена около ста лет назад в год Большой обезьяны. Сельские жители и теперь часто называют год Косин годом Большой обезьяны. А что касается рассказа деда Ёхэя, то это может быть 7-й год Гэнна (1621). В дополнениях к этой книге также сообщается, что изначально при написании названия использовались иероглифы 二本 (ни хон — 2 линии), а не 日本 (Нихон—Япония), потому что там были две дороги, одна из которых вела из Сёдэнтё в Саньябаси. По мере расширения Эдо холмы срывались, прокладывались каналы, и постепенно дорога на Саньябаси исчезла, а иероглифы 二本 были заменены на 日本 и теперь имели отношение только к оставшейся дороге. Ко времени строительства Нихон цуцуми по обеим сторонам дороги было посажено множество лаковых деревьев (уруси-но ки), образовавших настоящую аллею³. По-

¹ История приключений Ватанабэ-но Цуна была напечатана издательством «Кобунся» в «Серии сказок» под названием «Рука великана».

² Сугавара-но Митидзанэ был канонизирован под именем Тэндзин. Он был известным ученым и священнослужителем, но пал жертвой клеветы и умер в изгнании. Его почитают как бога каллиграфии.

³ Деревья, которые подобным образом высаживали власти, назывались гоёбоку, или «государственные деревья». Лаковые деревья ядовиты, их сок при попадании на кожу вызывает появление сыпи.

пулярной шуткой в то время было с серьезным видом предупредить завсегдатая Ёсивара: «Когда идешь по дороге Санья, постарайся не отравиться лаком!» Дамба¹, начинающаяся от Сёдэнтё на западе и Ёсиномати (Асакуса) на востоке, тянулась до Харадзюку (Ситая), имея в длину 834 кэн (около 700 м), 10 кэн (18 м) в ширину и дорожку для всадников средней шириной в 5 кэн (9 м).

МИКАЭРИ ЯНАГИ

(«Ива прощального взгляда»)

Знаменитая ива стоит у входа в Годзиккэнмати, слева ниже Нихон цуцуми. Называли ее так, потому что многие посетители Ёсивара, покидая квартал и проходя мимо этой ивы, оглядывались, сожалея об оставленных там радостях, атмосфере праздника и случайных возлюбленных.

ЁСИВАРА ДЗИНДЗЯ

(«Храм Ёсивара»)

Он находится справа от Годзиккэнмати. Раньше здесь стоял храм, который назывался Ёситоку-Инари, но впоследствии прочие храмы Ёсивара (Эномото-Инари на углу Эдотё-нитёмэ, Кайун-Инари на углу Кёмати-иттёмэ, Куросукэ-Инари на углу Кёмати-нитёмэ и Акаси-Инари на углу Эдотё-нитёмэ и Фусимитё) объединили в один. Новому храму дали название Ёсивара дзиндзя, и он стал храмом-покровителем «огороженного квартала». Через каждые двенадцать дней в день лошади в храме проводятся

¹ Автор не вполне внятно объясняет происхождение названия и, собственно, что же было построено. В те времена добраться до квартала Ёсивара можно было только водным путем, повернув из реки Сумида в канал Саньябори, а затем, высадившись на берег и пройдя по дамбе Нихон цуцуми вдоль канала Саньябори, попасть в квартал. Дамба была возведена в 1620 г. для защиты от наводнений, в ее строительстве принимали участие даймё со всей Японии — возможно, этим объясняется ее название «Японская дамба». *(Примеч. пер.)*

празднества, на которые собираются толпы людей со всей окрестности, а также множество бродячих торговцев, известных как эннити акиндо (праздничные торговцы). Празднества превратились в одну из достопримечательностей Ёсивара. В книге «Симпэн Эдоси» говорится, что храм Куросукэ Инари был основан в старом Ёсивара в 4-м году Вадо (711?). Позже человек по имени Тиба Куросукэ перенес его на границу затопленного поля, и с постройкой Ёсивара в годы Кэйтё (1596—1615) этот храм стал храмом-покровителем квартала проституток. Согласно источнику «Кайгай манроку», первоначально после переезда в новый Ёсивара храм Куросукэ-Инари был расположен ниже Кёмати-нитёмэ и примерно в годы Тэнна (1681—1684) стал называться Куросукэ-Инари, потому что напротив жил человек по имени Куросукэ.

О происхождении бяккосэки (камня седой лисицы) из храма Акаси-Инари, который является главной святыней в Эдотё-нитёмэ и раньше находился на земле некоего Нисимуры, но по просьбе обитателей квартала был вместе с храмом перенесен на нынешнее место, говорят, что при строительстве храма в земле был обнаружен странный предмет, который при ближайшем рассмотрении оказался красивым черноватым камнем, напоминающим фигуру бякко (седой лисицы), скачущей по полю. Люди посчитали это добрым предзнаменованием и освятили камень под именем Акаси-Инари (акаиси — «яркий камень» или даже «яркий и явленный камень») и молились ему как богу, который сможет принести удачу и благополучие, а также защитить квартал от разрушительных пожаров.

АИСОМЭДЗАКУРА

(«Сакура первого свидания»)

и

КОМА ЦУНАГИ МАЦУ

(«Сосна для привязи боевого коня»)

Эти деревья растут недалеко от храма Ёсивара.

РЁДЗИН-НО ИДО

(«Колодец странников»)

Этот колодец находится почти посередине Годзиккэнматти справа.

ДОСКА С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПОСТАНОВЛЕНИЯМИ И УЗАКОНЕНИЯМИ НА ОМОН

Во времена Реставрации — где-то 30 лет назад — следующие официальные узаконения были вывешены перед Омон (Большими воротами) Ёсивара:

«Въезд в каго (паланкин) или в норимоно (портшез) запрещен всем, кроме врачей.

Длинное оружие запрещено»¹. [Подразумевались пики или длинные мечи, которые были неотъемлемым атрибутом любой процессии даймё (аристократа).]

ОМОН СЕЙЧАС

Сейчас на Омон (Главных воротях) кистью Фукути Гэнь-итиро (знаменитого драматурга), более известного под своим литературным псевдонимом Оти Кодзи, начертаны следующие иероглифы:

春夢正濃滿街櫻雲。秋信先通兩行燈影

«Сюмму масса-ни комаяка нари мангай-но оун. Сюсин саки-ни цудзу рёко-но тоэй», или в свободном переводе: «Мечта о весне, когда все улицы полны цветущей вишни.

¹ Не следует забывать, что ни один самурай (воинское сословие) не допускался в публичный дом с мечом. Мечи сдавались под охрану специального персонала при входе в публичный дом. А.Б. Митфорд в своих «Сказках старой Японии» пишет: «Когда японец входит в дом терпимости, он должен оставить свой меч и кинжал при входе по двум причинам. Во-первых, во избежание драк, во-вторых, было известно о том, что некоторые женщины в таких домах настолько тяготеют своим существованием, что готовы прекратить его, как только смогут дотянуться до оружия».

Осенняя пора, когда по сторонам улиц стоят зажженные фонари».

Это стихотворение представляет собой панегирик, составленный из четырех предложений по четыре иероглифа в каждом. Такие белые стихи были очень популярны в эпоху китайской династии Цинь. Глубину смысла, которую передают эти шестнадцать знаков, невозможно постичь непосредственному и также почти невозможно передать полноту смысла в переводе. Слова, которые в переводе звучат: «Мечта о весне, когда все улицы полны цветущей вишни», имеют отношение к традиции посадки вишен прямо по центру Накано-тё от Главных ворот (Омон) до Суйдодзири. Вишни находятся в полном цвету примерно в 1-ю неделю 3-го месяца (это по старому календарю — теперь это апрель), и, если смотреть ночью на перспективу улицы, которая подсвечена тысячами ярко раскрашенных фонарей и сияющими электрическими лампами, кажется, что весь квартал утопает в цветах. Марево цветов кажется плотным пушистым облаком, покрывающим деревья водопадом весенней красоты, а яркие наряды несчастных женщин и прохожих создают впечатление калейдоскопа. Зрелище странное и одновременно пленительное, вызывающее ощущение ожившего сна. В одном из стихотворений женщины Ёсивара уподобляются «буйно цветущим ночным вишням», а их притягательность, в другом стихотворении, выражена так: «Ночные цветы вишни становятся утренними, а затем вновь ночными». А в еще одном стихотворении говорится о «Накано-тё, где буйно цветут ночные вишни (куртизанки)».

В этом есть двусмысленность, поскольку речь идет не только о цветущих вишнях Накано-тё, но присутствует намек на то, что веселье и удовольствия можно найти в «Весенней мечте, городе населенном прекрасными и чувственными женщинами, привязанность к которым их любовников подобна смешению цветов вишни». В стихотворении также присутствует косвенная аллюзия на эпизод из жизни одного из китайских императоров¹, прославившегося соломоновским стилем управления государством, любовью к прекрасному полу и гаремом из восхитительно красивых девиц, который он дер-

¹ Ши Хуанди (259—210 до н. э.), строитель Великой Китайской стены.

жал в Пусане. Слова «Осенняя пора, когда по сторонам улиц стоят зажженные фонари» относятся к обычаю вывешивать торо (фонари) на фасадах чайных домов Накано-тё в течение одного месяца, начиная с первого дня 7-го месяца (по старому календарю). Поначалу эти торо вывешивались в качестве подношения душе Тамагику — популярной куртизанки прошлых лет. Если во время этого фестиваля зайти в главные ворота, можно увидеть прекрасную перспективу из горящих фонарей. Некоторые из этих фонарей расписаны известными художниками и представляют собой произведения искусства. Эффект от зрелища усиливается во много раз искусственными цветами, развешанными между фонарями. Говорят, что приближение осени предвещают своим криком дикие гуси, но также говорят, что осень предвещают фонари на Накано-тё во время праздника мертвых. Кроме того, вид этих фонарей напоминает прохожим строки старинного стихотворения: «Увы! Это ночь, когда мертвая Тамагику приходит посмотреть на торо».

ПОЧЕМУ ПОХОД В ЁСИВАРА НАЗЫВАЛИ «ТЁ-Э ЮКУ»

В книге «Ёсивара окагами» («Большое зеркало Ёсивара») сообщается, что расхожее в прежние времена выражение «тё-но юку» (пойти в тё), означавшее «пойти в Ёсивара», появилось следующим образом. Раньше улицы Ёсивара были проложены в форме креста, но позже один из входов был закрыт и крест превратился в подобие китайского иероглифа «тё» 𠃪, отсюда и название. Позднее оно изменилось, и сейчас люди говорят о походе в Ёсивара «нака-э юку» (пойти внутрь).

КЛАССЫ ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ

В прежние времена публичные дома классифицировались в зависимости от их местоположения и репутации их обитателей. Как будет рассказано ниже, проститутки когда-то делились на таю, косидзёро, цубонэ, сантядзёро, умэтяд-

зёро (или байтядзёро) и киримисэдзёро. В соответствии с этой классификацией публичные дома делились на таюмисэ, косимисэ, цубонэмисэ, сантямисэ, умэтямисэ (или байтямисэ), киримисэ и т. д. Впоследствии таюмисэ и косимисэ стали называть ёбидаси, а вместо умэтямисэ появились так называемые дзасикимоти и хэямоти. После эры Кансэй (1789—1800) появились следующие классы публичных домов: 1-й класс — омагаки, 2-й класс — хаммагаки, 3-й класс — дайтёкомисэ, 4-й класс — когоси, 5-й класс — киримисэ и т. д. Куртизанки в ранге ёбидаси, хирусан и цукэмаваси относились к омагаки, в то время как дзасикимоти и хэямоти состояли при дайтёкомисэ.

Архитектурный стиль, использовавшийся при возведении цубонэмисэ, детально описан в «Добо гоэн». В той же книге отмечено, что основные архитектурные черты сантямисэ совпадали с фурия, находящимися в городе. После эры Кансэй (1789—1800) класс публичного дома определялся высотой клеток. Самые высокие магаки достигали потолка, самые низкие были высотой всего около 70 см. Планки на решетках омагаки (первоклассных заведений с решетками, доходящими до потолка) были шириной в 20 см и выкрашены красным. Сами дома были обычно размером 13 на 22 кэн (23,5 на 39,8 м). Решетки в заведениях более низких разрядов были, напротив, всего в 7,6 см шириной, и поэтому такие дома называли когоси (узкие решетки). В заведениях самого низкого класса планки располагались горизонтально, а не вертикально. Такие различия продержались до момента либерализации всего предприятия в 5-м году Мэйдзи (1872), и с тех пор публичные дома стали делиться на омисэ, тюмисэ и комисэ (большие, средние и малые заведения).

В настоящее время никакой регламентации в архитектуре не существует, однако чем выше класс заведения, тем приличнее публика туда обращается, и, соответственно, тем роскошнее здание снаружи и внутри и тем красивее его обитательницы. Лучшие заведения уже не выставляли своих женщин в клетках.

Вот названия 126 публичных домов, существующих в Ёсивара в 1899 году.

ГЕЙШИ

Омисэ

(Заведения первого класса)

Кадоэбиро	в Кёмати-иттёмэ
Инамоторо	в Сумитё
Даймондзиро	в Эдотё-иттёмэ
Синагаваро	в Агэямати
Номурано	в Кёмати-нитёмэ

Накамисэ

(Заведения второго класса)

Манкаро	в Эдотё-нитёмэ
Хорайро	в Агэямати
Аиидзумиро	в Сумитё
Накагомэро	в Кёмати-нитёмэ

Комисэ

(Заведения третьего класса)

Синханаиро	в Эдотё-иттёмэ
Сёэйро	—
Синитиноро	—
Нарихисаро	—
Сугимоторо	—
Кикуяро	—
Итиноро	—
Синкинкарро	—
Кадзитаро	—
Нисихасиро	—
Ёсиинабэнро	—
Фукусудзукиро	—
Фукураиро	—
Кацунакагомэро	—
Сёюро	—
Идзуцуро	—
Сэкиваро	—
Ханаокаро	—
Мотофудзиёсиро	—

Фукуёсиро	—
Кавататибанаро	—
Кётюро	—
Кёсинро	—
Кикумацуканэро	—
Мацумиро	—
Кацумоторо	—
Тамамикаваро	—
Тамаханаэро	—
Цунэмацуканэро	—
Хикотаро	—
Осакаро	—
Киёфудзимоторо	—
Отоханаиро	—
Мусасиро	в Эдотё-нитёмэ
Хисаханаиро	—
Яватаро	—
Рюгасакиро	—
Токуханаиро	—
Киккоро	—
Мацуэбиро	—
Сугиторо	—
Сумияватаро	—
Сукэкомацууро	—
Иваханаиро	—
Мотокомацууро	—
Ханаиро	—
Асахиро	—
Мацунакагомэро	—
Цуруёсиро	—
Тисэйро	—
Фудзиёсиро	—
Накаханаиро	—
Накамураро	—
Юсэнро	—
Канэкосикаваро	—
Мандзиро	—
Кинкаро	—
Хираханаиро	—
Мотокаватиро	—

Син-Ёсивараро	—
Ясунакагомэро	—
Масуиро	—
Синрюгасакиро	—
Кёсэйро	в Агэямати
Огаваро	—
Нисинакаро	—
Сэйкаро	—
Такахасиро	—
Накаинабэнро	—
Кикумоторо	—
Синфудзимоторо	—
Хэйдэйкокуро	—
Сэйхоро	—
Нарияматаро	—
Масукаватиро	—
Нисиокаро	—
Хорайро	—
Киннакагомэро	—
Исэро	—
Саваинабэнро	—
Овариро	—
Тамахорайро	—
Кикиинабэнро	—
Ямадаро	—
Саванакагомэро	—
Садакаватиро	—
Симмацудайкокуро	—
Умэманро	—
Симотакэро	—
Танакаро	—
Такэманро	—
Тамакаватиро	—
Айтүро	—
Тацуинабэнро	—
Сининабэнро	—
Симмацукинро	—
Камэинабэнро	—
Токуинабэнро	—
Нимасуро	—

Сёнакагомэро	—
Цутаинабэнро	—
Фукуяматоро	—
Хиросимаро	—
Ниикаваро	—
Нагаидзумиро	—
Такараро	—
Мацуокаро	—
Косикаваро	—
Дайкокуро	—
Тамакаватиро	—
Синаидзумиро	—
Инабэнро	в Кёмати-иттёмэ
Симманро	—
Аиманро	—
Синфукуокаро	—
Исинро	—
Хёдайкокуро	—
Тоёмацукинро	—
Мацумоторо	—
Синхорайро	—
Инагэро	—
Фудзимоторо	—
Маннэнро	—
Эдору	—
Сиокамоторо	—
Хокуэцуро	—
Микаваро	—
Мацуоварио	—
Сэнинабэнро	—
Кимманро-нитёмэ	
Мацуямаро	—
Мацукинро	—
Сэннакагомэро	—
Мацудайкокуро	—
Ёисдаро	—
Каватио	—
Мотохигасиро	—
Коиманро	—
Биттюро	—

Канэнакагомэро.....	—
Синнакагомэро.....	—
Гёкусайро.....	—
Вакатакэро.....	—
Кинхорайро.....	—
Синадзумаро.....	—
Тацукомацуро.....	—
Кадооварио.....	—

ХИКИТЭДЗЯЯ¹

(Чайные домики для знакомств)

Хикитэдзяя являются своеобразными звеньями между клиентами и публичными домами, с одной стороны, а также между клиентами и куртизанками — с другой. Внутри квартала (курува) имеется 7 таких домиков и 50 в Наканагая, Суйдодзири и с наружной стороны Омон (Главных ворот).

Кроме этого, множество домиков расположено в Эдотё, Сумитё, Кёмати (иттёмэ и нитёмэ), Агэямати и т. д. Упомянутые выше 7 домиков относятся к первому классу. Те, что в Наканагая, — ко второму, а те, что в Суйдодзири и в Годзиккэн, — совсем неважные. Прием гостей и ведение переговоров ведется служанками, которых в каждом чайном домике бывает по три-четыре. Поскольку репутация чайного домика во многом зависит от этих служанок, хозяева домов относятся к ним очень внимательно, отлично понимая, что чем лучше служанки выполняют свои обязанности, тем больше количество клиентов.

Когда гость появляется перед входом хикитэдзяя, хозяйка заведения и ее подручные встречают его криками «Ирас-сая!» («Добро пожаловать!»). Далее, в комнате, куда его провозжают (если это не постоянный клиент), служительница расспросит его о том, какой публичный дом тот хотел бы посетить и с кем из женщин желал бы встретиться. Если у гостя нет постоянной «подруги», ему предоставляют фотографии, по которым он выбирает свою ойран. Затем служи-

¹ «Чайные дома, куда приводят за руку».

тельницы сопровождают гостя в выбранный публичный дом, выступая в роли своеобразных посредников между ним и куртизанкой, а затем, когда все предварительные переговоры заканчиваются, терпеливо опекают гостя во время обильного ужина, бдительно следя, чтобы чашечки с сакэ не пустели. Когда приходит время оставить стол, служительница провожает гостя в спальное помещение, дожидается прихода «подруги», после чего незаметно удаляется из борделя. Беря на себя заботу о посетителе, служительницы на некоторое время становятся его личными слугами, исполняя все его пожелания. На профессиональном языке такие услуги называются *мавасу* (быть рядом, на подхвате), потому что они стараются исполнить любое пожелание гостя, к которому приставлены. Если гость вызывает гейшу (девушку, которая поет и танцует), служанка несет (в ночное время) *сямисэн* (гитару гейши) и ночное платье гостя в левой руке, в правой же — «камбан котин»¹ и белую фарфоровую бутылку с сакэ (*хакутё*)². Чтобы справиться с этой задачей, требовалась известная сноровка.

Никому, кроме гостей, не разрешалось находиться внутри публичного дома в сандалиях — *дзори*.

В последнее время стало правилом, что контора, которая занимается всеми делами Ёсивара, рассылает в чайные домики стандартные регистрационные книги, в которые должны подробно записываться личные данные всех клиентов: положение, место регистрации, профессия, внешние данные, одежда, особые приметы (то есть кольца, цепочки, часы и т. д.). Книги содержали графы: «Нос», «Уши», «Рот», «Положение», «Место регистрации» и т. д. И все эти графы должны были быть соответствующим образом заполнены. Короче говоря, эти книги (кстати, за них взималась плата

¹ *Букв.*: фонарь с вывеской, именуемый так потому, что на фонаре пишется название хикитэдзая. Традиционно служанка несет зажженный фонарь (даже внутри публичного дома) до двери куртизанки, которую выбрал гость. Фонарь играет роль пропуска, а также необходим для идентификации чайного домика, к которому принадлежит служанка. У двери комнаты фонарь гасится посредством встряхивания, а не задувания, как обычно. Существует суеверие, что, если задуть огонь, произойдет несчастье.

² *Хакутё*, или белые фарфоровые бутылки с сакэ, используемые в таких случаях, содержали около 1 сё, или около 1,8 л.

от 20 до 30 сенов¹), напоминали регистрационные книги японских гостиниц, но были более детальными, так что при правильном заполнении всех полей составлялось подробное описание всех гостей. Во всех публичных домах имелись подобные же книги, и сравнение записей из книг хикитэдзая и публичных домов было одной из обязанностей персонала конторы при Ёсивара.

Кроме того, к этим обязанностям добавлялось множество утомительных в своей мелочности полицейских узаконений, которые необходимо было соблюдать. Если, например, держатель хикитэдзая или кто-нибудь из obsługi тайно примет гостя, у которого с собой окажется взрывчатка, меч или яд, его ждет суровое наказание и проблемы до конца жизни. Оплату счета гость должен был производить утром, возвращаясь в хикитэдзая. Здесь гость оплачивает все, а затем владелец чайного домика осуществляет расчет с публичным домом. Строгие правила требовали производить такие расчеты ежедневно, но сложилась традиция делать это только дважды в месяц, а именно 14-го и 30-го числа каждого месяца. Если частый гость вдруг оказывается неплатежеспособным, хикитэдзая, как правило, не отказывается от обслуживания в кредит, рассматривая его как постоянного клиента и рассчитывая на дальнейшие визиты. Правда, случается, что частый гость оказывается в серьезном долгу у того или иного чайного домика и начинает искать кредит в других заведениях. Тогда вступает в дело местная секретная служба, что расстраивает все его планы. В сношениях между чайными домами существует нечто вроде «воровского закона» или чувства солидарности, так как информация о клиентах способствует собственной безопасности заведений. По этой причине, если клиент задолжал одному заведению, в других его уже не обслужат. Какой-нибудь ловкач может притвориться новичком в Ёсивара раз или два, но его быстро разоблачают. Честность и лояльность персонала в Ёсивара обеспечивалась таким же образом. Если служанка из одного чайного домика хотела перейти на службу в другое заведение, ей в первую очередь нужно было получить не

¹ Во времена написания книги японская иена еще делилась на 100 сенов. (*Примеч. пер.*)

только согласие своего нового нанимателя, но также и согласие своего старого хозяина. При заказе еды в дайя (место, где готовится еда, после чего рассылается по заведениям) или при покупке чего-либо у уличных торговцев в Ёсивара служанки, принадлежащие к любому из хикитэдзья, ничего не платили, потому что все отношения строились на доверии к чайному домику, название которого было указано на фонаре. Все заказы доставлялись без всякого колебания и промедления. В таких условиях недобросовестная служанка могла воспользоваться своим положением, но, будучи однажды уличенной, она уже не могла рассчитывать на какую-либо работу в Ёсивара.

В прежние времена 50 чайных домиков снаружи Омон (Главных ворот) назывались киттэдзья (билетные чайные домики) или киттэмисэ (билетные лавки), также на эдосском сленге — «Ёсивара-но годзимай киттэ» (50 билетов в Ёсивара), потому что обладали монополией на выдачу пропусков в Ёсивара. В книге «Хёка манроку» отмечается, что на 3-й год Кэйан (1650) один из чайных домиков, называемый Кикуя (Цветок хризантемы), выпустил билеты или, скорее, пропуска для прохода женщин через главные ворота. На одном из таких старых пропусков было написано следующее:

«Я подтверждаю, что эти шесть дам относятся к семейству господина, который является постоянным клиентом моего заведения.»

Январь 26 —

Билетная лавка

*Для (подпись) Кикуя Хамбэй,
хранителя главных ворот».*

Отсюда видно, что любая женщина, желающая войти на территорию на предмет осмотра достопримечательностей или по какой другой причине, должна была иметь пропуск. Позднее на Нихон цуцуми (Японской дамбе) стали строить мидзутяя (укрытия). Их количество постепенно росло, и они проникли на Накано-тё, где обычно селились торговцы. Так продолжалось до тех пор, пока мидзутяя не монополизировали всё и хикитэдзья не исчезли. Есть сведения, что начиная с годов Гэнроку (1688—1704) хозяева фунаядо (чайные дома, где имелись прогулочные лодки, сдаваемые внаем для экскурсий и пикников) стали организовывать свидания

для клиентов на своих лодках. «...Среди прочих достопримечательностей Эдо стоит отметить вереницы лодок, плывущих вверх и вниз по реке, полных ярко одетыми куртизанками и золотой молодежью города». В 8-м году Камбун (1668) все нелегальные проститутки в Эдо были отловлены и помещены в Ёсивара, примерно в это же время не слишком удобный обычай посещения публичных домов через посредничество агэя был отменен.

Чайные домики, которые изначально находились вдоль Нихон цуцуми, сейчас выступают в роли проводников (тэ-бики), направляя клиентов в публичные дома. Так старая местная традиция отмерла и появился термин «хикитэдзая». [Чайные домики, относящиеся к агэя, попавшие туда из старого Ёсивара, и амигаса дзяя (см. соответствующую главу), которые появились в то время, когда публичные дома после Фурисодэ кадзи (пожара) периода Мэйрэки временно расположились в Санья, суть разные заведения.] Таким образом, вновь появившиеся чайные домики стали успешно развиваться, и их влияние распространялось так быстро, что старые дома в Агэямати стали терять клиентов. Без сомнения, упадок старых заведений был обусловлен более широким спектром услуг, предоставляемых клиенту новыми заведениями. В прежние времена в чайных домиках Агэямати позволялось строить на втором этаже заведений балконы для удобства гостей, желавших насладиться зрелищем процессии куртизанок (юдзё-но дотю), которая являлась одним из самых интересных событий в жизни Ёсивара. До пожара годов Мэйва (1764—1772) второй этаж всех чайных домов в Накано-тё были оборудованы комнатами с решетками вместо наружной стены, но после пожара эти ограничения были сняты и дома стали строить так, чтобы предоставить наилучший обзор с верхних этажей. Правда, это послабление не имело особого значения для многих домов, потому что процессия проходила только по Накано-тё. К 10-му году Хорэки (1760) агэя полностью исчезли и вопросы организации досуга гостей стали монополией чайных домиков. Пользуясь полученными преимуществами, чайные дома стали богатеть и, злоупотребляя своим положением, позволять куртизанкам, гейшам, тайкомоти и клиентам осуществлять в своих заведениях предварительные любовные встречи между мужчи-

нами и женщинами низкой морали. Не только за это, но и потому, что чайные дома стали часто задерживать оплату услуг публичных домов или вносить ее нерегулярно, многим из них было запрещено заниматься своей деятельностью. В годы Тэмпо (1830—1843) все блюда для гостей хикитэдзя готовились тут же профессиональными поварами, состоящими на службе в этих домах.

Сейчас первое посещение гостем чайного домика называется сёкай (первое свидание), второе — ура (черный ход), а третье — надзими (на правах близкого друга). Согласно принятому обычаю, гости должны уплачивать определенные суммы денег, нечто вроде «вступительного взноса», при втором и третьем визите. Те же, кто изображает себя завсегда-таем, предпочитают внести обе эти суммы (уранадзимикин и надзимикин) сразу. Обычно надзимикин составляет от 2,5 до 3 иен, в зависимости от публичного дома, который хочет посетить гость. Если гость решает посетить публичный дом не первого (омисэ) или второго (накамисэ) класса, чайный дом не предоставляет провожатого. Помимо прочих мелких взносов, от гостя ожидаются чаевые сопровождающей его служанке в размере 20—30 сенпов. Если гость не платит добровольно, сумма аккуратно вносится в счет, в графу «отомо» (ваш помощник). Услуги рикши также отражаются в счете (цукэ — счет или какицукэ — написанный счет) в графе «отомо» (ваш помощник). Опыт общения с хикитэдзя убеждает клиента в том, что подобные заведения никогда не забывают вносить в счет все мыслимое и немыслимое. Возвращаясь с «опухшей головой» домой после бурной ночи, мужчина вряд ли найдет силы проверить счет.

Все расходы на посадку цветов весной, украшение улиц фонарями (торо) осенью и организацию уличных танцев (нивака) ложились на чайные дома.

Доходы хикитэдзя в основном складывались из комиссии с гонораров куртизанок и танцовщиц, а также процентов с сакэ и закусок, заказанных гостями. (Большой доход получали с сакэ, поскольку чайные дома продавали его сами.) Кроме того, серьезные суммы собирались с клиентов в форме «тядай» (букв.: чаевые), которые богатые транжиры оставляли в заведениях в ответ за подобострастие и услужливость. в праздничные дни гости частенько оставляли собана (подарок

всем обитателям дома), если были довольны обслуживанием. Щедрые чаевые золотым дождем сыпались в сундуки владельцев чайных домов, к тому же это был чистый доход.

В Ёсивара много любопытных обычаев, например, там стараются не произносить слово «фукидасу» (выдувать), а также дуть в свисток из сухого плода физалиса (ходзуки)¹.

Не могу обойти молчанием факт существования низкокласных чайных домиков, которые прибегали к вымогательству и открытому грабежу в отношении неопытных посетителей Ёсивара. Такие дома известны под общим названием боридзя, их *modus operandi*² состоял в том, что они отряжали своих жуликоватых служащих в окрестности квартала с целью заманить неискушенного визитера в курува (за ограду). Под разными предложениями неопытных гостей завлекали в боридзя, где их тут же окружали плотным вниманием и принимали с величайшей предупредительностью. Сакэ и закуски, включая блюда, которые никто не заказывал, подавались на стол. Даже если гости не выказывали такого желания, приглашались гейши. Позже накачанные алкоголем гости приглашались к посещению публичного дома по очень низким расценкам, но в ответ на такую любезность им предлагалось оплатить услуги гейш и прочие вещи. Если вдруг гость, опасаясь больших расходов, потребует счет, хозяин заведения под любым предлогом будет затягивать составление счета. Время идет, близится утро, но счет все не готов; при этом используется любая возможность задержать гостя до тех пор, пока, утомленный и переполненный сакэ, он не забудется пьяным сном на полу. Тем временем карманы несчастной жертвы тщательно обследуются, и, если выясняется, что больше взять нечего, незадачливому гостю позволяют уйти. Правда, иногда случаются

¹ В этих местах считается, что произнесение данного слова вслух может принести несчастье. Плоды физалиса обладают горьким или кислым вкусом, а поскольку беременные женщины обычно любят что-либо кисленькое, куртизанки считали, что, если подуть в такой свисток, можно забеременеть, а это пагубно отразится на их карьере. Обычные гейши (танцовщицы) обожают сидеть и издавать писклявые звуки, зажав между верхней губой и зубами сухой подсоленный плод физалиса. Похоже, гейшам это так же нравится, как жевание резинки некоторым иностранцам.

² Образ действия (*лат.*).

клиенты, которых так просто не обманешь, но в таких случаях их ждет действительно очень холодный прием.

Иногда случается, что хозяева боридззя переоценивают платежеспособность гостей, попавших к ним в сети, и обнаруживают, что кошельки тех не смогут выдержать выставленного счета. В такой ситуации гостю позволяют уйти, но в сопровождении одного из служащих дома. В его задачу входит плотная слежка за гостем, он ходит за ним по пятам, подобно призрак смерти, до тех пор, пока счет не будет оплачен. Таких служащих называют цукиума (спутник, или «пристяжная» лошадь). И если счет все не оплачивается, он будет сопровождать несчастного вплоть до дверей его дома, где ко всему прочему еще и устроит шумный скандал. Справедливости ради стоит, однако, отметить, что в Накано-тё таких низкопробных чайных домов нет.

Названия существующих хикитэдззя (1899)

В Годзиккэнмати

Яматоя	содержит	Кувагата Саку (ж) ¹
Хамаямато	—	Сакамото Комадзиро
Омия	—	Танака Фуми (ж)
Вакамацуя	—	Вакамацу Томи (ж)
Судзукия	—	Судзуки Нака (ж)
Осая	—	Ота Тамма (ж)
Цуруцутая	—	Эдда Хандзабуро
Синвакамацу	—	Огивара Риэ (ж)
Нанивая	—	Сада Кото (ж)
Яватая	—	Кобаяси Кику (ж)
Такаямато	—	Такамацу Камэ (ж)

В Эдотё-иттёмэ

Гинямато	—	Онодзука Гиндзиро
Такэдзи	—	Такэноути Дзибэй
Нагасакия	—	Кобосо Кихэй
Ямагути Томоэ	—	Симура Цунэдзиро
Фукудамая	—	Сугэнума Фуку (ж)
Коминомура	—	Куга Мицу (ж)
Такасагоя	—	Хагии Тэцу (ж)
Ронакамура	—	Оцука Тацу (ж)

¹ Обозначенные «ж» содержатся женщинами.

Овария	—	Ода Таробэй
Вакамидзу	—	Окубо Айкити
Масудавара	—	Окамура Ику (ж)
Тикахан	—	Симидзу Хансиро
Хаясия	—	Исии Минэ (ж)
Канэосака	—	Таката Канэ (ж)
Нисиномия	—	Сарубаси Сёдзо
Исэмацуя	—	Сугияма Тиса (ж)
Фукуноя	—	Миядзаки Фуку (ж)
Сайкэнцутая	—	Мацумаэ Саку (ж)
Масуминато	—	Исигуро Нобутаро
Дэндайкоку	—	Ито Син (ж)
Ёнэкава	—	Исикава Эйдзабуро
Увадзима	—	Увадзима Китидзо
Камэдая	—	Танака Харутаро
Кирия	—	Кимура Кин (ж)
Умэноя	—	Кагава Итидзо
Каноя	—	Курияма Цуру (ж)
Мацудзумия	—	Сакигава Рин (ж)
Ёсимурая	—	Ёсимура Тамэсити
Авамандзи	—	Ота Маса (ж)
Моритая	—	Мори Нао (ж)
Адзумия	—	Огия Фуку (ж)
Цурухикоисэя	—	Омори Хикодзиро
Инэя	—	Кацуя Хэйсукэ
Таниисэя	—	Като Тика (ж)

В Эдотё-нитёмэ

Уэкия	—	Какубари Тё (ж)
Кандзакия	—	Хирано Фуку (ж)
Хисаоно	—	Исидзака Хиса (ж)
Ицуцуя	—	Ямагоси Канэ (ж)
Иваямато	—	Кобаяси Хидэ (ж)
Тацумионо	—	Оно Саки (ж)
Монмацумура	—	Нэмото Мон (ж)
Мёгая	—	Коидзуми Фуку (ж)
Ямадзаки	—	Ямадзаки Мицу (ж)
Канэдамая	—	Нодзаки Юра (ж)
Монкадзуса	—	Томидзава Хансити
Синовари	—	Курода Гэндзиро
Мацуисэя	—	Сугияма Каё (ж)
Хисаямато	—	Одзава Масу (ж)
Кириса	—	Хирото Сахэй

ДЖОЗЕФ ДЕ БЕКЕР

Нобудзэн	—	Накалзима Кин (ж)
Миномура	—	Синохара Нацу (ж)
Котобукия	—	Нодзака Камэкичи
Синнагасима	—	Такасима Ику (ж)
Токусима	—	Сугимото Нисабуро

В Агэямати

Ханагавая	—	Катагири Ито (ж)
Мацумура	—	Икэда Каё (ж)
Умэмура	—	Момоока Мацуносукэ
Идзутора	—	Цудзи Току (ж)
Хорикавая	—	Утида Токудзи
Дайёси	—	Минагавва Фуку (ж)
Тамасэй	—	Сато Кин (ж)
Итимондзия	—	Сайто Кацу (ж)
Осимая	—	Саотомэ Кику (ж)
Дайтю	—	Вакидзака Кэндзиро

В Сумитё

Синкирихан	—	Симидзу Мацудзо
Судзукикадзуса	—	Судзуки Сигэ (ж)
Синакин	—	Миядзава Кин (ж)
Тамасаноя	—	Симидзу Тамасабуро
Нобуки	—	Ямамото Кисабуро
Мацумото	—	Ито Кихэй
Хацунэя	—	Накамура Синтаро
Исигакия	—	Миоура Дзингоро
Масумия	—	Ямадзаки Тэцу (ж)
Аояги	—	Исии Рихэй
Одзакия	—	Миядзаки Тано (ж)
Мансэн	—	Коно Тэру (ж)

В Кёмати-иттёмэ

Акасия	—	Акаси Сика (ж)
Кавагоэя	—	Мацумото Дзюбэй
Тамаёси	—	Судзуки Рика (ж)

В Кёмати-нитёмэ

Накаоми	—	Хагивара Ёси (ж)
Мацудая	—	Аmano Кин (ж)
Хёгоя	—	Ёсида Руи (ж)
Комацуя	—	Акао Ёсидзо

ДЗЮХАТИКЭН ДЗЯЯ

(Восемнадцать чайных домиков)

В книге «Ёсивара дзацува» утверждается, что в Агэямати, кроме собственно агэя, находилось восемнадцать чайных домиков, где люди собирались, чтобы посмотреть на таю, заходящих в различные агэя. Согласно правилам Ёсивара, существовавшим в старые времена, на вторых этажах этих домов разрешалось устройство цукиагэдо (ставен, уходящих в углубление над окном, как в магазинных витринах). На остальной же территории квартала такие ставни были запрещены. В чайных домах Накано-тё решетчатые двери использовались только на верхних этажах. Изначально только центральная часть Ёсивара, идущая от Агэямати, называлась Накано-тё. Другие части назывались Эдотё, Кё-мати и т. д. По свидетельствам коренных жителей Агэямати, эта улица была некогда объединена с Накано-тё. И именно в это время на ней появилась вывеска пожарной части с иероглифом 中 (нака), указывающим на связь обеих улиц. [Сейчас вся центральная улица носит название Накано-тё (средняя улица), потому что проходит через центр квартала.]

АМИГАСА ДЗЯЯ

(Чайные домики плетеных шляп)

В книге «Ёсивара тайдзэн» упоминается, что среди чайных домиков, стоящих за главными воротами по обеим сторонам Годзиккэнмати, были носящие название амигаса дзяя, потому что давали напрокат самураям, аристократам и гостям, желающим остаться неузнанными, шляпы амигаса, скрывавшие голову целиком¹. Такие шляпы обычно делались из тростника и были настолько глубокими, что напоминали перевернутые корзины.

¹ В Древнем Риме, вплоть до периода полной деградации, все мужчины, вне зависимости от их положения, входили в публичные дома, прикрыв лицо краем одежды.

Амигаса

Двадцать чайных домиков можно и сейчас увидеть на Годзиккэн-мати, однако тростниковые шляпы более не бросаются в глаза, ввиду их полного отсутствия. Кстати, следует отметить, что традиционно такие домики не имели второго этажа, выходящего на улицу.

В «Ёсивара кагами» говорится: «В давние времена перед главными воротами были амигаса дзя, и гости заходили в Ёсивара, надев глубокие тростниковые шляпы, взятые напрокат в этих домиках. Каждая шляпа стоила 100 монов (10 сенов), но, если гость возвращал ее на обратном пути, хозяин амигаса дзя возмещал ему 54 мона (около 6,5 сена).

Сейчас эти шляпы больше не используются, но название за чайными домиками осталось».

КУДЗЯКУ НАГАЯ

В книге «Эдо сунаго» мы находим следующий пассаж: «Кудзяку нагая (нагая — одноэтажный многоквартирный дом. В старину нагая использовались как разновидность барачков для слуг феодалов. Кудзяку — павлин) расположен на задах улицы на краю рисового поля и так назван, потому что с этого места открывается самый лучший вид на иллюминированный Ёсивара. Это место сравнивалось с телом павлина, а сияющий всеми цветами Ёсивара — с хвостом этой самовлюбленной птицы».

В книге «Бокусуй сёкароку» написано: «Ряд домов на возвышенности вдоль части Нихон цуцуми, по направлению к Тамати называются «Павлиньи нагая». Столь поэтическое название родилось по причине того, что в годы Камбун (1661—1673) в крайнем доме проживала молодая девушка, чья красота славилась на всю окрестность. И вот отдельные ее почитатели прибегли к причудливому поэтическому сравнению шеренги облесленных домов с телом, а изысканной красоты девушки с хвостом павлина».

КЭМБАНСЁ

(Контора, ведающая делами гейш)

В «Эдо кайгай энкакуси» говорится: «В 7-м году Анъэй (1778) в Ёсивара было приблизительно 100 профессиональных артистов, включая 20 отоко гэйся (гейши-мужчины), 50 гейш-женщин и 16 девочек-танцовщиц (гэйко)».

Хотя все эти люди и должны были иметь лицензию, выданную руководством околотка, фиксированным налогом их деятельность не облагалась, поэтому все заработки, включая чаевые (сюги) и гонорары (гёкудай), целиком оседали в их карманах. В таких обстоятельствах родилась идея о целесообразности налогообложения гэйнин (артистов) и направления полученных средств на разные общественные нужды Ёсивара. К этому времени нравы гэйнин пали столь низко, а поведение настолько вышло из-под контроля, что это начало создавать проблемы в квартале. Женщины-гейши начали конкурировать с обычными куртизанками, открыто предлагая себя, а мужчины-гейши вступали в интимные отношения с женщинами из публичных домов и поддерживали любовные связи с ними.

Все эти злоупотребления, несомненно, требовали установления надлежащего контроля над гэйнин и разработки правил, позволяющих положить конец их постоянным интригам, романам и неподобающему поведению в целом. В 8-м году Анъэй (1779) содержатель публичного дома Дайкокуя по имени Сёроку поднял этот вопрос и после консультаций со своими коллегами организовал Кэмбансё (контора найма гейш обоих полов). Оставив свое занятие по содержанию публичного дома, он стал руководителем (торисимарияку) нового образования. Под его надзором сформировалась система, при которой деятельность всех гэйнин, включая мужчин, женщин, детей, сказителей дзёрури, музыкантов и т. д., получила официальный контроль. Дела Кэмбансё велись двумя старшими клерками (банто) и примерно десятью младшими (тэдай). Последние выполняли функции современных хакоя (помощник, который носит музыкальные инструменты за гейшами), сопровождая гейш-женщин при выполнении ими заказов.

Мужчины-гейши также были обязаны осуществлять свою деятельность через Кэмбансё.

КЛАССЫ ПРОСТИТУТОК

Традиция делить проституток на классы появилась еще тогда, когда Ёсивара находился в Янагимати (недалеко от нынешнего Токивабаси). Тогда они делились на таю и хасидзёро¹. С течением времени появились еще три класса: косидзёро, цубонэдзёро и киримисэдзёро. После открытия нового (син) Ёсивара хасидзёро и цубонэдзёро исчезли, зато появились сантядзёро и умэтядзёро — годы Гэнроку (1688—1704). На конец периода Кансэй (1789—1801) сформировалась следующая классификация: ёбидаси, тюсан, цукэмава-си, дзасикимоти, хяэмоти и киримисэдзёро. Подробности всех этих изменений описаны в различных старых книгах и к тому же могут быть обнаружены в списках куртизанок, публиковавшихся в те времена. Что касается происхождения терминов «таю», «коси», «цубонэ» и пр., то они произошли от похожей классификации, принятой в Киото. А если моим читателям будет интересно проследить за происхождением этих терминов, то за дальнейшей информацией я рекомендую обратиться к книге «Добо гёэн».

Таю были куртизанками высшего класса, превосходящими своих несчастных сестер красотой и прочими достоинствами, и, как было сказано выше, этот термин появился еще тогда, когда квартал находился в Янагимати. В 20-м году Канъэй (1642) в Ёсивара проживало 18 таю, в период Мандзи (1658—1661) — 19, а ко 2-му году Кёхо (1718) — 14. Однако между 21-м годом Кёхо (1736) и 1-м годом Энкё (1744) их число сократилось до 5. В 4-м году Кансэй (1751) во всем Ёсивара проживала только одна таю, и к концу годов Хорэки (1751—1764) они полностью исчезли как класс. Поначалу гонорар (агэядайкин, агэдай) таю составлял 37 моммэ (около 6,14 иены), но к годам Дзёкё (1684—1688) он удвоился. В эпоху Кампо он уже составлял 97 моммэ серебром (около 16 иен). В те времена хасидзёро считались куртизанками очень низкого класса, и нет никаких надежных источников, позволяющих судить об их гонорарах.

¹ Лучшие женщины публичного дома всегда помещались в центре заведения (мисэ), а менее красивые или умелые — по сторонам. Отсюда и название хасидзёро («последняя» куртизанка).

Класс проституток косидзёро был близок к тому, что в Киото называли тэндзин. У этих женщин были свои комнаты позади решетчатых дверей (огоси), а книга «Добо гёэн» утверждает, что префикс коси перед словом «дзёро» (проститутка) был поставлен, чтобы отличать их от цубонэдзёро. Косидзёро были следующими после таю, и их гонорар составлял поначалу 25 моммэ (4,15 иены), но к годам Кампо (1741—1743) возрос до 60 моммэ серебром (около 10 иен). Как указывается в книге «Нанива сэйроси», изданной в 10-м году Хорэки (1760), термин «тэндзин» использовался не только в Киото, но и в Симмати в Осаке. Следующими после косидзёро идут цубонэдзёро¹, гонорар которых изначально составлял 20 моммэ серебром (около 3,32 иены), но после появления сантядзёро конкуренция сократила его до 15 моммэ (около 2,49 иены).

Перед домами, в которых проживали цубонэдзёро, устанавливались деревянные решетчатые экраны, сплетенные в виде восьмерки высотой около 2 м и являвшие собой довольно любопытное зрелище. Этот класс куртизанок, в свою очередь, был вытеснен умэтядзёро на рубеже годов Гэнроку (1688—1704). Правда, по окончании периода Тэммэй (1781—1789) появился класс проституток с таким же названием, но это были женщины самого низкого из возможных классов, которые не имели со своими предшественницами ничего общего.

Киримисэдзёро были предшественницами современных комисэдзёро (проститутки из мелких заведений) и проживали у ручья. Они жили в нагая (дома барачного типа) и предлагали свои услуги за скромную сумму в 100 монов (10 сенов). За это их часто называли хякудзо (в вольном переводе — женщина за 100 монов).

В начале периода Камбун (1661—1673) появился еще более низкий класс проституток, называемых кэндон, и еще

¹ Обычно цубонэдзёро селились на втором этаже. Слово «цубонэ» — «женские покои» в домах аристократов и феодалов — было присоединено к дзёро в память о дочери дворянина Итиномия. Говорят, она отправилась в путешествие в Хатакэ в провинции Тоса, но из-за непогоды оказалась в Хиросиме, где нужда заставила ее стать проституткой.

У местных жителей не нашлось слова для дзёро такого высокого происхождения, поэтому они придумали новое и оставили его в наследство будущим поколениям Ёсивара.

один низкий класс, носящий благозвучное название тэппо (пушка). Тэппо брали 2 сю (около 1,25 иены за день и ночь, однако после десяти вечера даже эта сумма из соображений конкуренции сокращалась до 400 монов (40 сенов).

Сантядзёро назывался класс женщин, который появился после облавы на дзигоку (проституток без лицензии, или гулящих) в Эдо. Тогда, в 5-й год Камбун (1665), они и женщины из фурая (бань) были свезены в Ёсивара. Происхождение слова «сантя» весьма любопытно. В его основе лежит игра слов. В старину так называли порошок чай, сейчас известный как маття или хикитя. Раньше обычный листовый чай заваривали, поместив его в мешочек и опустив, постоянно встряхивая, в кипяток. В японском языке глагол «встряхивать» звучит фуру, но это слово также используется (особенно проститутками) в значении «отказать» или «выказать гостю антипатию». Порошок чай (сантя), наоборот, в мешочек не помещался, а засыпался прямо в воду и потому не нуждался во встряхивании. Отрицательная форма глагола фуру звучит фурадзу, а фурадзу значит не только «не встряхивать», но и «не отказывать». В «Добо гёэн» говорится, что многие куртизанки высокого класса были высокомерными, как павлины, и, будучи в зените своей карьеры, позволяли себе выказывать антипатию некоторым своим клиентам и даже отказывать (фуру) им. Вновь прибывшие куртизанки, которых собирали со всех концов Эдо, были вполне сговорчивы и понятливы и не пытались отказывать (фурадзу) возможным клиентам. Отсюда и название сантядзёро (проститутки порошкового чая). Поначалу гонорар сантядзёро составлял 1 бу (золотой, около 2,5 иены). Эта категория женщин стала с течением времени настолько популярна, что в годы Анъэй (1772—1781) и Тэммэй (1781—1789) как само количество, так и цены на услуги таю и коси заметно снизились. К концу 1763 года вышеупомянутые классы исчезли, и, как только это произошло, сантядзёро захватили весь рынок. Примерно в то же время, однако, начал зарождаться более высокий класс — ёбидаси. И опять его поделили на две ступени. Как написано в «Ёсивара сайкэн» (список проституток) того времени, они обозначались значками ♪ и ♫ соответственно. Те, кого обозначили знаком ♪, отвечали всем требованиям таю. Их агэдай за 24 часа

составлял 1 рё 1 бу (около 12,5 иены). Те же, кого отмечали знаком , соответствовали косидзёро с гонораром в 1 рё (около 10 иен).

Сантя, в свою очередь, делились на тюсан (или хирусан) и на цукэмаваси. Их гонорары составляли 3 бу (около 7,5 иены) и 2 бу серебром (около 5 иен) соответственно.

И ёбидаси и тюсан могли прогуливаться по Накано-тё в хатимондзи гэта¹, в то время как остальные женщины, за исключением цукэмаваси, находились в харимисэ (похожие на клетки выгородки, внутри которых куртизанки демонстрировали себя). Примерно в годы Гэнроку (1688—1704) появилась категория женщин, называемая байтядзёро, и вступила в конкуренцию с сантя, но не смогла ее выдержать. Изначально гонорар этих байтя составлял 10 моммэ серебром (около 1,6 иены), но затем поднялся до 15 моммэ (около 2,5 иены). К наступлению эры Кампо (1741—1744) байтя исчезли. Дзасикимоти, хяэмоти, которые просуществовали до Реставрации², считаются наследницами байтядзёро.

После Реставрации (Исин) различные классы проституток перестали различаться специальными названиями, но их агэдай различались в зависимости от положения публичного дома, к которому они принадлежали. В настоящее время (1899) гонорары разнятся от 20 сенов до 1 иены 20 сенов, а женщины подразделяются на девять классов. Гонорары женщин из омисэ (больших заведений) и накамисэ (средних) составляли 1,20 иены и 90 сенов соответственно. Такие большие и средние заведения можно было посетить через посредничество хикитэдзая, за что те получали свою 10-процентную комиссию.

Между прочим, читателям может быть интересно ознакомиться с выдержками из «Косёку сигё сёкоку моногатари», написанной известным писателем Кёдэном (1761—1816) под псевдонимом Сёдзан. В этой книге даны подробные описания ёбидаси, дзасикимоти и хяэмоти, а также представлены живые зарисовки жизни и обычаев этих женщин в период между годами Тэммэй (1781—1789) и Бунсэй (1818—1830).

¹ Гэта — высокие японские деревянные сандалии. (Примеч. пер.)

² Имеется в виду незаконченная буржуазная революция 1868 г., в ходе которой была свергнута военная диктатура и восстановлена монархия. (Примеч. пер.)

«Ёбидаси (цена от 1 рё 1 бу до 1 рё 3 бу: около 12,5 иены до 17,5 иены). Великолепие ее облачения почти не поддается описанию. Ее платье представляет собой длинное одеяние из богато расшитой парчи. Ее голова украшена ослепительным сиянием заколок (сделанных из лучших черепаших панцирей), которые сверкают вокруг ее головы как искрящийся нимб святого. А ее восхитительная красота такова, что достаточно одного взгляда на ее лицо, чтобы разбить чье-нибудь сердце...»

После такого описания нетрудно представить уют ее комнаты, изысканность меблировки, изящество личных вещей. Каждая ойран уровня ёбидаси, как только наступают сумерки, выходит на прогулку по Накано-тё. Ее сопровождают две камуро (молодые девочки-служанки), двое взрослых мужчин (синдзо), человек с фонарем (хакодзётин), человек с открытым зонтиком на длинной ручке и пожилая женщина (яри-тэ) в качестве дуэньи.

Дзасикимоти (цена 1 бу, около 2,5 иены). Эти женщины принадлежат публичным домам хаммагаки. Их «рабочие часы» днем с 12 до 4, а ночью от заката до полуночи... Их наряды сшиты в основном из бархата, крепа, атласа, тонкого шелка или хабутаэ, их пояса (оби) сделаны из золотой парчи, бархата, дамаста и т. д. В распоряжении каждой из них обычно находится по две комнаты размером в восемь циновок.

Их футоны (вид мягкого матраца) из бархата или дамаста (толщиной более 20 см) покрыты специально сотканным крепом, и у каждой женщины по два таких футаона. Покрывала, используемые ночью, сделаны из черного бархата и обшиты красным крепом.

Хэямоти (цена 2 сю, около 1,25 иены).

Несмотря на то что они принадлежат небольшим заведениям, среди них много красавиц. Бархат, креп и другие шелковые ткани используются для их нарядов и постельного убранства.

Цубонэдзёро (цена 100 монов (около 10 сенов) или 200 монов (около 20 сенов) за день и ночь).

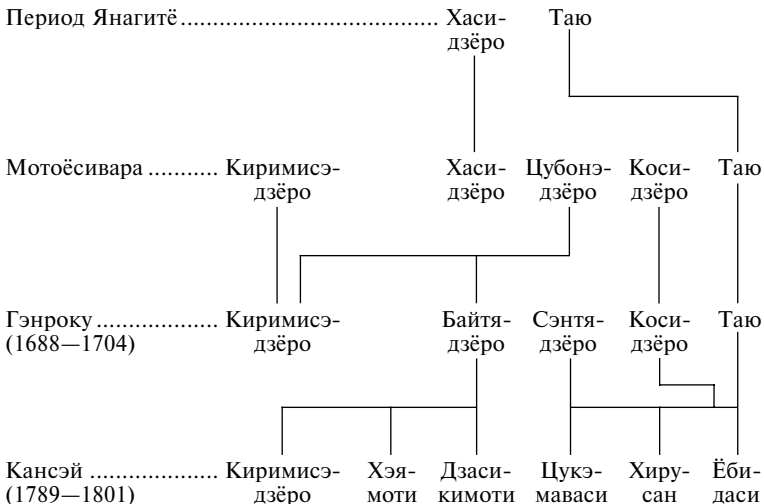
Эти женщины относятся к самому низкому классу, и их дома посещают подонки и отбросы общества со всей округи.

В этой среде существовал своеобразный сленг. Самурая, например, называли яма сан, священника — гэн сан, купца —

тёнин сан, молодого человека — муско сан. Представителям других классов и сословий давались не менее любопытные прозвища. Эти женщины любыми способами пытаются за- тащить в дом первого встречного, а через несколько минут, когда такой гость уходит, все повторяется сначала.

В юмористическом произведении Икку Дзиппэнся Икку (1765—1831), которое называется «Сато каноко сина сада-мэ», таю, коси, сантя, дзасикимоти и хяэмоти остроумно сравниваются с цветами, примерно в таком порядке: таю, как самых редких в наши дни, сравнивают с цветами вишни, потому что никакие другие цветы не могут сравниться с вишней по цвету и запаху, так и таю своей красотой и любвеобильностью превосходят всех прочих куртизанок. Косид-зёро, будучи мягкими и нежными, сравниваются с одиноким цветком вишни, поскольку они никому ничего не навязывают. Качества сантя и дзасикимоти могут сравниться с красными цветами сливы (кобай), потому что их цвет очень глубок (здесь присутствует двусмысленность, намекающая на искушенность этих женщин). Хяэмоти, как белые цветы сливы, бледные, но очень пахучие (!!!).

Далее приводится хронологическая таблица изменений классов и номенклатуры дзёро.

КАМУРО

(Девочки-служанки)

Как сообщается в «Ёсивара дайdzэн», кабу́ро (или камуро) назывались девочки-служанки при императорском дворе. Они отличались тем, что часть их головы была выбрита, оставляя одну длинную прядь. Девочки, прислуживавшие куртизанкам в старые времена, были одеты примерно так же, как дети-прислужники при дворе, и подстрижены в стиле кири-каму́ро. Их изображения часто встречаются на картинах укиёэ (реалистические картины) школ Тоса и Хисикава. Одежда для них, разработанная сантядзёро Миякодзи из Накаомия, шилась из отбеленного льна, на которую наносилось изображение сосны (вакамацу-но сомэ моё) или из набивного ситца.

Таю и косидзёро имели право на двух или трех камуро соответственно, тогда как сантядзёро имели право только на одну. Такая система была создана для маркировки класса куртизанок. Одежда из ткани огиядзомэ считалась у камуро достаточно модной. В период Хозэй (1704—1711) сантядзёро из Симмати во время прогулки по кварталу сопровождали две камуро, что вызвало пересуды среди старейшин квартала, оскорбленных нарушением традиции. Вопрос уладили, когда Миякодзи объяснила, что одна из девочек-служанок, сопровождавших ее, принадлежала ее сестре, тоже куртизанке. Этот прецедент дал повод сантядзёро время от времени появляться на улице в сопровождении двух камуро, правда с оговоркой, что одна из девочек не является служанкой конкретной куртизанки.

Говорят, что эта Миякодзи была очень популярна и что в доме Накаомия, к которому она принадлежала, память о ней сохранялась на протяжении нескольких поколений посредством наречения ее приемниц похожими именами. С тех пор вакадзу камуро и бодзу камуро вошли в моду, и в более поздний период традицией стало их облачение в наряды подобные костюмам куртизанок, которым они прислуживали. Даже сейчас сохранилась традиция, по которой камуро в первую неделю января, известную как мацу-но ути, носили платья с орнаментом в виде сосны.

В «Эдо кагайси» говорится: «Когда в публичный дом приводили девочку, хозяин заведения осматривал ее и давал имя. При этом тщательно избегались громкие имена, даваемые куртизанкам, а вместо этого выбирались простые и невинные. Такие имена редко были трехсложными и никогда четырехсложными. Если куртизанке принадлежали две камуро, им давались имена, подходящие друг к другу, например, если одну звали Намидзи (волны), то другую называли Тидори (ржанка¹), или, если одну называли Курэха (одна из разновидностей птиц-ткачиков из древнекитайского царства У), другая называлась Аяха (разновидность ткачика из другого китайского царства)². Куртизанку, которой принадлежали камуро, они называли анэдзёро (старшая сестра), а она, со своей стороны, обеспечивала их одеждой и всем необходимым. Содержатель публичного дома следил за характером и поведением всех камуро в его заведении, и, если кто-нибудь из них подавал надежды на то, чтобы в будущем стать заметной куртизанкой, он начинал обучать ее соответствующим манерам, игре на банджо (сямисэн)³, арфе (кото⁴), аранжировке цветов (икэбана), составлению ароматов (сэнка), чайной церемонии (тя-но ю) и другим умениям, считающимся необходимыми для овладения «профессией». Отношение камуро к своей анэдзёро было, как правило, самым почтительным. Они исполняли ее пожелания, прислуживали при трапезах, зажигали трубку, если та желала покурить, сопровождали ее во время прогулок по Накано-тё и исполняли все прочие поручения. Также камуро оказывали мелкие услуги гостям анэдзёро — носили воду для мытья рук и т. д. Изначально камуро не принимали участия в застольях. Им полагалось сидеть рядом со своей го-

¹ Аллюзия с классическим стихотворением о ржанке, которая стремится к морю. (*Примеч. пер.*)

² Японской традиции вообще свойственно сравнивать женщину с цветком или птицей, отсюда и имена. (*Примеч. пер.*)

³ Так в тексте. От китайского сансянь, букв.: «три струны» — щипковый инструмент. Имеется ряд разновидностей сямисэна, каждая из которых обладает специфической тембральной палитрой. (*Примеч. пер.*)

⁴ Ряд инструментов различного происхождения и конструкции, относящихся к семейству цитр. (*Примеч. пер.*)

спожой, так же как паж феодального владыки сидел позади хозяина, но позже порядок изменился и камуро стали прислуживать гостям, наливая им сакэ. Если случалось, что для камуро не было свободных анэдзёро, они прислуживали хозяину заведения. И если тот находил их красивыми и подходящими для того, чтобы в будущем стать успешными куртизанками, он удочерял их и за свой счет обучал всем необходимым умениям. С другой стороны, девочки, не подававшие определенных надежд, оставались при домашней работе, не получая никакого образования, и заканчивали свои дни в тоскливом забвении. В лучшем случае такие камуро могли читать хирагану (упрощенная форма местного письма) и взять пару нот на сямисэне. Если камуро, представленная к куртизанке, заболела, ее место занимала одна из девочек, прислуживающая хозяину; кроме того, при нехватке таких девочек существовал обычай одалживать камуро в соседних публичных домах. У камуро не было своего определенного помещения, но обычно они проводили ночи в комнате по соседству со своей анэдзёро. Ели они при кухне вместе с синдзо (см. соответствующую главу) и вакаймоно (см. соответствующую главу), а в дневное время могли бегать по галереям публичного дома и играть с подружками.

Термин «камуро» применялся только в Ёсивара. В Окабасё (куда входили кварталы проституток в Синагавва, Синдзюку, Сэндзю и т. д.) молодых служанок называли мамэдон или косёку. В Ёсивара существовал обычай, регламентирующий количество камуро, прислуживающих проститутке определенного разряда.

СИНДЗО

В книге «Ёсивара дайdzэн» говорится о том, что термин «синдзо» (вновь построенный) был позаимствован из кораблестроения — так называли новые, спущенные на воду корабли. Когда камуро (обычно эти девочки принимались на службу в возрасте от 5 до 7 лет) достигали 13 или 14 лет, они, по усмотрению анэдзёро, становились синдзо. За десять дней до этого события девочки получали (от семи раз-

ных приятельниц анэдзёро) некоторое количество охагуро¹ и в первый раз чернили зубы. В день церемонии готовилась соба (гречишная лапша), которой угощались все обитатели дома. Такое же угощение отсылалось во все заведения (дзё-роя, чайные дома, хикитэдзя и фунаядо), имеющие деловые или дружеские связи с публичным домом. Иногда вместо гречишной лапши использовался сэкихан (рис, отваренный с красными бобами). Традиционно по таким случаям перед публичным домом на длинном (от 3 до 5,5 м) столе из некрашеного дерева выставлялись несколько сэйро (котел для варки пищи). На другом столе (тоже из некрашеного дерева), но уже внутри публичного дома, в комнате анэдзёро, раскладывались отрезки тканей, кисеты для табака, веера, полотенца и т. д., которые затем раздавались друзьям дома в качестве памятных сувениров. Внутреннее убранство публичного дома в этот день было настолько пышным и великолепным, что авторы тех времен отмечали бессилие языка в попытке описать это зрелище. Синдзо или имотодзёро не сразу появлялись в заведении. Неделю или больше после дня инициации они прогуливались по Накано-тё (каждый день в новом платье) под руководством своих анэдзёро. Когда неделя представления заканчивалась, подруги-куртизанки вводили девочек в свой круг (симаицукавасу), начиная ангажировать их и по очереди выплачивая им ежедневную плату (агэдай). Кроме того, девочки получали от своих друзей подарки по случаю.

Случалось, что в одном и том же заведении одновременно проходили инициацию две и более синдзо. Если синдзо становилась девочка, выросшая вне Ёсивара, ее автоматически зачисляли в класс цукидаси (те, кого выставляют вперед) и у нее не было анэдзёро, которая бы о ней заботилась. Куцува (объяснение будет ниже) обеспечивали ее необходимыми постельными принадлежностями, одеждой и мебелью, соответствующими рангам хяэмоти, тусан (хирусан?) или цукэмаваси по обстоятельствам. Объем затрат

¹ О х а г у р о — краска, получаемая при помещении горячих железных опилок в воду с добавлением небольшого количества сакэ. Смешанная с толченым чернильным орешком, она использовалась замужними женщинами, а раньше аристократками, для чернения зубов. Сейчас этот обычай почти исчез.

зависел от красоты и привлекательности девочки. Так же как и в случае с проститутками, воспитанными внутри квартала, она должна была совершать прогулки по Накано-тё в сопровождении другой синдзо на протяжении недели после своего дебюта. Как необходимый аксессуар этой церемонии во все чайные дома и фунаядо рассылались в качестве подарка сакадзуки (маленькие чашки для сакэ) с нанесенными на них именем и геральдическим символом дебютантки.

В Ёсивара существовал еще один класс проститутток, называемый якко, куда изначально попадали по большей части женщины из самурайского сословия. Каждый раз, когда женщина благородного происхождения бывала уличена в недостатке добродетели, для восстановления строгих законов самурайской чести и в качестве примерного наказания за аморальное поведение ее на три и даже пять лет отсылали в публичный дом. Позже так же стали называть женщин, проданных в Ёсивара из других кварталов.

В книге «Эдо кайгай энкакуси» отмечается, что синдзо были разделены на два класса: фурисодэ синдзо и томэсодэ синдзо. Для краткости первых временами называли фурисодэ или фурисин.

Девочки для этого класса набирались из камуро, достигших 13—14 лет, или специально на стороне. Фурисин, достигшие возраста, когда фурисодэ (широкий рукав) их платьев становились необязательными, начинали одеваться как их старшие подруги. Со сменой нарядов менялось и их именование, теперь их называли томэ синдзо (синдзо с короткими рукавами), или, более просто, томэсодэ (короткий рукав), или еще короче — томэсин. Перед тем как камуро становилась фурисин, хозяин вызывал ее родителей и поручителя (сёнин) с тем, чтобы вручить им байся сёмон (свидетельство о покупке) в обмен на обычное хоконин сёсё (свидетельство об аренде), которое им было выдано в момент первого ангажемента молодой камуро. Также хозяин передает родителям сумму денег, которая выразительно называлась ми-но сирокин (деньги за тело), размер которой зависел от привлекательности и прочих достоинств несчастной девочки. Иногда случалось, что хитроумные родители девочки, заручившись поддержкой дзэгэна (профессиональный сводник), при встрече с содержанием публичного дома

забирали у него девочку, мотивируя это тем, что срок ее контракта в качестве камуро истек, а затем при посредничестве того же дзэгэна продавали ее в другой публичный дом по гораздо более высокой цене. Такой поступок родителей означал определенные финансовые потери для содержателя публичного дома, поскольку ему придется потратиться на обучение всем секретам профессии другой куртизанки, а так у него была бы девочка, знакомая со всеми тонкостями и секретами ремесла, готовая исполнять свои новые обязанности.

Из-за того, что первоначальный контракт предусматривал использование девочки в качестве камуро, по окончании срока ученичества той хозяйин был бессилен препятствовать родителям. В качестве меры предосторожности от будущих разочарований хозяева публичных домов практиковали покупку детей сразу, требуя составления свидетельства о покупке при поступлении девочки на должность камуро.

ЯРИТЭ

(Женщины-распорядительницы)

В обязанности яритэ входил надзор за всем, что происходит в публичном доме. Сюда относились и ведение дел куртизанок, и пригляд как за обитательницами дома, так и за их гостями. Сейчас этих женщин называют обасан (тетушка). Обычно комнаты яритэ располагались перед лестницей, что давало отличную возможность наблюдать за всем происходящим. Чтобы соответствовать этому важному посту, было необходимо досконально знать все тонкости внутренней жизни Ёсивара и иметь определенные навыки действий в различных ситуациях. Поэтому яритэ набирались по большей части из женщин в возрасте, в свое время работавших в качестве проституток. В омисэ (дома первого класса) яритэ обычно скрывались в своих комнатах и использовали синдзо в качестве помощниц, тогда как в комисэ (малые дома) им самим приходилось принимать посетителей и рекомендовать им подходящую куртизанку. Яритэ из комисэ были весьма заняты, потому что они не только принимали посетителей, организовывали встречи и т. д., но также сле-

дили за поведением девочек с гостями, гостей с девочками и имели еще тысячу других обязанностей.

Яритэ из комисэ можно с полной ответственностью называть вездесущими, потому что ничто не укрывалось от этих красавиц с орлиным взглядом! Первые яритэ появились в фурия (разновидность публичного дома) и изначально назывались кася (огненное колесо). В книге «Кию сёран» отмечается, что термин «кася» означал «хватать» (цукаму), что в прежние времена имело отношение к «покупке» проститутки. Кроме того, это слово носило смысл «бесстыдное себялюбие». А поскольку яритэ сами устанавливали правила для своих куртизанок, эти правила часто совершенно не учитывали их интересы, отсюда и название кася. Официальное жалованье яритэ было незначительным, однако реальным источником их доходов были чаевые и (по соглашению с хозяином) комиссионные. Они неизменно носили макиоби (пояс, просто обмотанный вокруг талии, без красивого узла на спине). В прежние времена они также носили капюшон или чепец поверх маэгами (челка), а макиоби были из черного атласа. Они получали жалованье два раза в год: в середине августа (тюгэн — 15-й день 7-го месяца: последний день фестиваля фонарей) 2 бу (5 иен) и в конце декабря (сэйбо) 3 бу (7,5 иены).

Помимо этого они получали комиссионные за закуски и другие вещи, доставляемые гостям.

(В те времена размер комиссии яритэ составлял 200 монов (20 сенов) с каждого бу, потраченного гостями на еду, и по 200 монов (20 сенов) за каждого гостя, пришедшего из чайного домика.)

До сих пор обасан получают комиссионные, и если они работают в популярном и часто посещаемом заведении, то не бедствуют. В более мелких заведениях гости дают «тетушке» по 20—30 сенов, и если они пренебрегут этим обычаем, то сразу замечают изменение отношения к ним. В некоторых домах, однако, бывают вывешены специальные объявления, гласящие, что обслуживающий персонал не ожидает чаевых, и что хозяин не хотел бы беспокоить гостей этой заботой, и что гости будут обслужены по высшему уровню, вне зависимости от их щедрости. Иногда вывешивается «жалобный ящик», рядом с которым висит, написанное жирными

ми иероглифами, объявление, повествующее о наилучших намерениях держателя публичного дома и призывающее гостей немедленно жаловаться на плохое обслуживание или замеченные недостатки в работе заведения. На практике же неписанные законы Ёсивара настолько укоренились в жизни квартала, что вряд ли найдется хоть один посетитель, решившийся подать жалобу.

В прежние времена у яритэ существовала отвратительная традиция осуществлять телесные наказания проституток, которых обвиняли в пренебрежении своими обязанностями. Пользуясь своим положением, яритэ частенько подвергали своих несчастных жертв свирепым и бесчеловечным истязаниям. К счастью, такая практика почти исчезла с признанием за куртизанками определенного объема свободы, но даже в эти светлые годы рассказы о жестоком обращении с женщинами в домах низкого класса продолжали появляться. Вне всякого сомнения, яритэ излишне часто пользовались своей властью, проистекающей из слишком большой степени свободы и самоуправства в отношении обитателей публичных домов. Они ощутили себя в доминирующем положении по отношению к другим женщинам (которые практически зависели от расположения этих женщин-надзирательниц), и за редкими исключениями яритэ давали выход своим эмоциям и настроению, приближая к себе одних и третируя других. С помощью взяток, вымогательства и ссуживания девочкам денег в рост обасан обеспечивали себе почти безбедное существование.

КУЦУВА

В «Ёсивара дайdzэн» говорится, что обычай называть хозяина публичного дома куцува сформировался в те времена, когда квартал проституток располагался в Янагитё. Место было выстроено в виде японской уздечки (куцува — уздечка в виде геральдического креста, вписанного в круг), и поэтому всегдашними стали называть публичные дома куцува.

В «Руйсю санъё» утверждается, что публичные дома стали называть куцува (что по-китайски читается 亡八 и означает «позабыть восемь»), потому что частые посетители пуб-

личных домов забывали о восьми добродетелях: почитании родителей, братской привязанности, верности, преданности, вежливости, добродетельности, честности и чувстве стыда. В периоды Гэнна (1615—1624) и Мэйрэки (1655—1658) куцува стали называть кими-га тэтэ (отец-и-господин или князь куртизанок), памятуя о том, что в момент открытия Ёсивара даймё и другие дворяне называли его основателя, Сёдзи Дзинъюэмона, этим именем. Сейчас этот термин не используется совсем.

В «Ёсивара энкакуси» отмечается, что куцува («узdechка» (馬衝) является другим словом, обозначающим публичный дом. Говорят, что Хара Сабуроюэмон (который работал раньше конюхом у Тайко) построил публичный дом и назвал его куцува в память о своем прошлом и узdechке, которую держал в руках. Другой источник сообщает, что квартал проституток в Фусими напоминал в плане узdechку и потому это название прижилось. Еще одна версия из «Нобунагаки» гласит, что слуга Нобунаги¹ по имени Ота Уманоскэ был однажды замечен в получении взятки. Это дошло до ушей хозяина, а тот, будучи в веселом расположении духа, написал следующее стихотворение и послал его провинившемуся. «Дзэни гуцува хамэрарэтару ка уманоскэ. Хитотикусё-то корэ-о юран» — «На тебя надели узdechку из денег Уманоскэ? Мы будем звать тебя человек-животное» («Тебе заткнули рот золотой уздой», «Теперь ты человек-животное»). По-китайски куцува (亡入) значит «себялюбие» или «алчность».

ВАКАЙМОНО

(Слуги-мужчины)

В «Ёсивара синхандзёки» написано: «По сложившейся традиции всех слуг мужского пола в Ёсивара называли вакаймоно (парень)». Вопреки всякой логике, так называли и взрослых и даже пожилых мужчин, работавших в публичных домах. Слово практически полностью совпадает с выражением «бой», которым пользовались европейцы, жившие на Востоке. Вакаймоно исполняли различные обязанности.

¹ О да Н о б у н а г а (1534—1582) — японский полководец, первый из объединителей страны. (Примеч. пер.)

В лучших домах они делились на мисэ-но хито (работник), накадон (домашний работник), токобан (постельничий), тюро (смотритель), нэдубан (ночной сторож — эту обязанность исполняли все мужчины по очереди), фурубан (банщик), ситабан (человек с первого этажа) и т. д. В домах среднего класса тюро отсутствовали, но существовал другой класс — оимаваши (смотритель). В низкоразрядных домах такого разделения не существовало и обязанности настолько четко не дифференцировались. В домах среднего класса все дела вели работники, домашние работники и люди с первого этажа, тогда как в домах низшей категории, расположенных в Варугаси, Расёмон и Фусимитё, пара мужчин занималась всем. Нет нужды пояснять, что число работников напрямую зависело от числа проституток, живущих в доме. Доходы этих людей составляли от 75 сенов до 1 иены в месяц (на 1899 год), что, конечно, было бы недостаточно для поддержания существования, если бы не чаевые и мелкое воровство. Например, работник (мисэ-но хито) имел 1 сен с каждого дай (порционного блюда) и 1 сен с каждого го (0,18 л) сакэ, заказанного гостями, кроме того, он получал по 5 ринов (0,5 сена) за каждую пару башмаков или сандалий, за которыми он присматривал. (Деньги за присмотр обуви вычитались из агэдай куртизанки.) Был еще совершенно нечистоплотный источник доходов. Он основывался на прямом — мягче выразиться невозможно — вымогательстве мелких, а иногда и крупных, в зависимости от гостя, сумм сдачи при выставлении окончательного счета.

К примеру, если счет составлял 1,90 иены, а гость давал 2 иены, то готовая к этому куртизанка предлагала или, скорее, вынуждала его оставить сдачу (цури) слугам. Возможно, это было совершенно не по душе гостю, но показаться скрягой в глазах девушки было еще неприятнее. Эти деньги назывались тётё (бабочка), и в иных домах коллекция таких «бабочек» усилиями хитрых вакаймоно составляла две или три иены за ночь. Следует, правда, отметить, что «бабочек» ловили куртизанки, и если вакаймоно не были в хороших отношениях с женщинами, то им мало что перепадало от этих толстых тётё.

Согласно правилам каждого дома, учет вели или мисэ-но хито (работник), или накадон (домашний работник), или

яритэ. В каждом доме поступления от продажи использованной бумаги составляли часть дохода мэситак (кухонных слуг). Разумеется, все работники публичного дома желали бы получать чаевые, но поскольку яритэ, синдзо и накадон имели непосредственный контакт с гостями, то они и получали их чаще других. Оимаваши (смотрители) и мэситак (кухонные слуги) не имели своей доли в чаевых, за исключением случаев выплаты гостем собана.

Власть банто (главного приказчика) в перворазрядных домах была почти такой же, как и у самого хозяина, и все остальные слуги относились к нему с таким же уважением.

Например, обычно банто приходит в свой «офис» к шести часам вечера и остается там до полуночи (накабикэ). Все это время его сопровождают накабатараки (внутренние служанки?) и прочие слуги, оказывая ему глубочайшее уважение. Все комиссионные (то есть касури, или чаевые), собранные до ухода банто (до 12 ночи), идут ему, но все, что поступает позже, делится между его подчиненными. Из таких источников банто лучших домов получали доход не менее 50 или 60 иен в месяц. И даже банто из средних и мелких домов имели от 12—13 до 20—30 иен.

Для вакаймоно существовало специальное название — гю. В «Добо гёэнхо» происхождение этого термина объясняется так: «В годы Дзёо (1652—1655) жил содержатель публичного дома по имени Идзумибуро-но Ёхэй. В его доме был мужчина Кюскэ, который проработал там долгое время и потому был весьма опытен в приеме гостей. Он был заядлым курильщиком и изготовил для себя забавную трубку из толстого куска бамбука, окрашенного в багрянистый цвет, к которому он приладил мундштук и чашечку. Он был настолько горд своим изобретением, что нигде и никогда не расставался с заткнутой за пояс трубкой. Он был горбат и невысок ростом, и поэтому добрые люди сказали, что, когда он курит свою длинную трубку, становится похожим на китайский иероглиф кю 𠃪». Имя постепенно образовалось из Кюскэ и распространилось на весь класс таких слуг.

Поначалу речь шла о походе в дом, где работал Кю, а позже это прозвище пристало ко всем мужчинам — служащим публичных домов. Нынешнее гю — просто испорченное кю.

ХОКАН И ГЭЙСЯ

В Ёсивара тайкомоти (букв.: имеющий барабан) (хоканов) называли отоко гэйся, чтобы отличать их от женщин-гейш. В более широком смысле их называли таюсю. Поначалу они делились на несколько классов, среди которых были Удзи (школа Удзи), Сугано (школа Сугано), Огиэ (школа Огиэ) и Сакурагава. В их обязанности входило развлечение гостей музыкой и пением во время застолий. Однако постепенно, чтобы не потерять расположения клиентов, им пришлось оказывать и другие услуги. В настоящее время они полностью выродились. Несмотря на то что хоканы появились в Ёсивара, их современные последователи во многих отношениях не соответствуют изначальному качеству. Когда современный хокан приглашается для обслуживания застолья в публичный дом, он заходит в комнату с раскрытым веером в руке и после приветствия пригласившего его клиента захлопывает веер с резким, громким звуком, после чего выражает свою признательность стереотипной фразой — «Ойран майдо аригато» («Спасибо, мадам, за ваше постоянное расположение»). Затем он кланяется по очереди всем присутствующим, включая других куртизанок и гейш. По мере того как под воздействием напитков вечеринка набирает обороты, жестикуляция и шутовство хокана становятся все разнузданней и сопровождаются танцами аси одори, сутэтэко и даже хадака одори¹. Эти омерзительные и непристойные выходки хокана, однако, несколько не шокируют гостей, а бурные аплодисменты, похоже, говорят о том, что присутствующие получают удовольствие.

Сейчас (1899) самыми популярными хоканами являются Дзэнроку, Минтю Хамбэй, Сёко и Хэйки. Обычный костюм

Аси одори

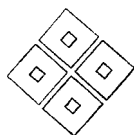
¹ Аси одори показан на иллюстрации. Сутэтэко — род вульгарной пантомимы, а хадака одори — танец в чем мать родила.

хокана состоит из черной хаори (куртки. — *Пер.*) с пятью гербами, нарисованными в определенных местах, и кимоно из ткани другой расцветки. По рассказам старожилов, в годы Тэмпо (1830—1844) существовало два вида хоканов — дзамоти и тайкомоти. Первые были искусны во всех видах салонных развлечений, таких как котя (составление ароматов путем сжигания соответствующих веществ и чайная церемония), икэбана (аранжировка цветов), сикёку (игра на различных музыкальных инструментах) и т. п. и часто приглашались на приемы, устраиваемые аристократами, дворянами и богатыми купцами. В частной жизни допускалась их дружба с поэтами и литераторами, и даже вне работы они носили церемониальное платье с гербами. К клиентам они являлись с небольшим деревянным мечом камиирэдомэ (футляр для бумаги) и имели при себе не менее 25 рё (около 250 иен) для оплаты счетов от имени заказчика, потому что по традиции свой гонорар дзамоти получали позже.

С другой стороны, обычные тайкомоти не имели специального образования, но даже они были более искусны, чем их современные преемники. Их также называли нодайко.

Когда хокан намеревался начать самостоятельную деятельность, он в сопровождении своего учителя и товарища по цеху совершал обход публичных и чайных домов с целью заявить о себе и заручиться покровительством хозяев этих заведений. Такая процедура называлась хиромэ-о насу (представление кого-либо), и чем больше хоканов сопровождали дебютанта, тем выше были его шансы. В этот день он просил хозяев публичных домов и чайных домов, с которыми имел дружеские отношения, рекомендовать его своим гостям, а те, в свою очередь, брали на себя подобие морального обязательства помочь новичку. В «Добо гоэн» говорится, что людей, развлекающих гостей во время застолий, называли тайкомоти. Во времена Оди Нобунаги в Киото проживал человек по имени Дзигэ Ядзаэмон, который был весьма искусен в игре на барабане. Когда его приглашали выступить в домах аристократов, он усаживался на кадку, по форме напоминающую барабан, и играл на инструменте, который держал в руках один из его учеников. Среди его учеников был один по имени Идаю, который лучше всех держал барабан, за что Ядзаэмон его очень привлекал... Поэтому желающие послушать выступ-

ления Ядзаэмона договаривались о концерте через Идаю. Такое положение обижало остальных учеников Ядзаэмона, и они с презрением говорили про Идаю: «этот тайкомоти» (этот, который таскает барабан). С тех времен про людей, ставших добиться расположения с помощью подхалимажа, стали говорить «тайкомоти», и постепенно это слово стало синонимом лизоблуда. Ядзаэмон был основателем школы искусства игры на барабане «Кандзэ», и из уважения к его славе ему было позволено сидеть в присутствии высоких особ. В «Ихон кои», части «Добо гоэн», говорится, что термин «тайкомоти» появился так, как об этом было сказано выше, и в качестве пары к этому эпитету транжир и беспутников (хотомоно—развратник) стали называть дораути (тот, кто бьет в колокол или в гонг). В более позднее время не обладающих особыми умениями развлекателей с оттенком презрения стали называть нодайко (полевой или деревенский барабан). Сейчас роль тайко в развлечении гостей взяли на себя гейши обоих полов. В давние времена тайкомоти называли также тайкосю. Происхождение хоканов в Ёсивара можно проследить с незапамятных времен. В «Курува роппо» говорится: «Тайко Наюки шел и пел песню дотэбуси. На нем была черная хаори с гербом ёцумэ, и он нес сасигами из агэя [разным куртизанкам]».

Герб ёцумэ

Эта цитата указывает на положение тайкомоти, при котором они не только развлекали, но и ходили с поручениями по публичным домам, вызывая женщин. Там же говорится: «Тайкомоти Наюки присвоил себе герб Сёдзи (Дзиньюэмона), его герб был похож на деньги»¹.

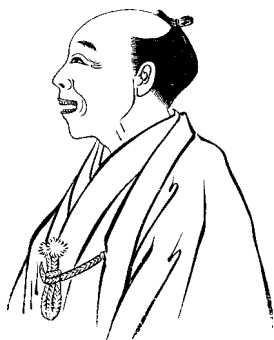
Из этих высказываний становится ясно, что этот конкретный тайкомоти был в фаворе у основателя Ёсивара, однако по тону и стилю языка можно заключить, что даже в те времена профессия тайкомоти рассматривалась как достаточно низкая. Тайкомоти появились в Мотоёсивара примерно в годы Камбун (1661—1673), и Наюки был одним из самых популярных хоканов того времени. В эпоху Мандзи (1658—1661) был известен Куцуно Дзироэмон, в эпоху Гэн-

¹ В старой Японии были в ходу монеты с квадратным отверстием посередине. (Примеч. пер.)

року (1688—1704) были популярны Хигэно Микю, Бодзу Кохэй и Нисюбан Китибэй. Двое последних были настоящими актерами, но время от времени подрабатывали в Ёсивара в качестве тайкомоти и, по свидетельству разных источников, находились под покровительством Кинокуния Бундзаэмона (см. ниже). В годы Мэйва (1764—1772) знаменитым был тайкомоти по имени Иппё. (Именно в дом, где служил этот Иппё, заходил Хирага Кюхэй для встреч с куртизанкой по имени Хинадзуру.)

Иногда хоканов называли ками, вследствие того, что среди постоянных служащих Кинокуния Бундзаэмона был человек по имени Камиио Тёсити, парикмахер по профессии, который прославился исполнением танца такимаи (танец голодных бесов) под собственный аккомпанемент свистом и был весьма любим женщинами Ёсивара. Этот человек, будучи парикмахером, именовался ками (сокращенное от камиио — парикмахер), и писалось это слово иероглифом (髮 — волосы), но со временем это превратилось в ками (神 — бог). Возможно, таким же путем слово «масся» (末社 — небольшой храм) стало применяться в отношении слуг при состоятельных людях и теперь в разговорной речи имеет значение «шут» или «буффон». Положение хоканов в Ёсивара считалось ниже, чем женщин-гейш. В прежние времена они селились снаружи курува и редко считали клоунаду своей единственной профессией. Однако в периоды Мэйва (1764—1772) и Анъэй (1772—1781) они постепенно переселились внутрь квартала, а Сёдзи Дзинъюэмон начал выдавать им лицензии, в которых они значились как отоко-гэйся (мужчина-гейша). К 7-му году Анъэй (1778) их количество достигло двадцати, и они считались постоянной категорией профессионалов. С организацией кэмбансё в 8-м году того же периода (1779) эта структура стала заниматься делами гейш обоих полов, но, поскольку правительство не рассматривало хоканов как часть этой структуры, они были зарегистрированы как дотэннинсоку (рабочий на дамбе) или суйбоката (работники, следящие за угрозой наводнения), поэтому можно представить их социальный статус. [В Фукагава они были официально известны как амма (массажист), в Синагава как цуэбараи (судебный пристав), а в Найто-Синдзюку как кэрабори (дизинсектор).]

Со времен Бунка и Бунсэй (1804—1830) певцы, исполняющие катобуси и иттюбуси, начали развлекать гостей в качестве хоканов. Когда их приглашали аристократы или самураи, они носили хакама¹ и предельно точно соблюдали все тонкости этикета. Однако в присутствии купцов хакама снимались. Эти люди были хорошо обучены манерам и разным другим умениям в самом широком смысле, и, поскольку должны были соответствовать требованиям высшего общества, их часто приглашали поэты, любители литературы и искусства, просто состоятельные люди в качестве скорее друзей и компаньонов, чем наемных работников, как сейчас. Они были настолько высокообразованны и разносторонне развиты, что представители высшего общества не считали для себя зазорным водить с ними знакомство.

Прическа мамэхонда

В настоящее время профессия хокана считается непрестижной, потому что стала их единственным средством существования, тогда как в прежние времена это было скорее личным выбором, чем необходимостью, что импонировало приглашающей стороне. Чтобы сводить концы с концами, нынешние хоканы вынуждены пресмыкаться перед гостями, в результате чего и потеряли право на уважение. Для тех, кто хорошо знаком с порядками в квартале, история Хоити², который мог бы выступать в Ёсивара, может показаться откровением.

В годы Бунка (1804—1818) и Бунсэй (1818—1830) хоканы носили прическу, называемую мамэхонда, а в годы Тэмпо (1830—1844) — коитё.

Постепенно хоканы деградировали, но в этом не была исключительно их вина. Если бы их гости всегда были людьми

¹ Х а к а м а — широкие и длинные штаны, больше напоминающие юбку — деталь традиционного самурайского костюма, в наше время сохранившаяся как часть формы для занятий воинскими искусствами и как часть костюма в традиционном театре. (*Примеч. пер.*)

² Х о и т и — легендарный слепой певец-сказитель XII в. (*Примеч. пер.*)

респектабельными, пунктуально следующими правилам этикета, артисты были бы вынуждены поддерживать высокий уровень мастерства и вести себя пристойно. Первым звонком было послабление в форме одежды, позволявшее хоканам появляться перед гостями без хакама. Дальше — больше.

И так продолжалось до тех пор, пока хоканы не скатились на самые нижние ступени социальной лестницы, где и находятся сейчас. Если вы позволите себе пренебрежение или нарушение этикета в восточной стране, последствия будут разрушительными и долгосрочными! До Реставрации гонорар (гёкудай) хокана составлял 1 рё (около 10 иен) за 4 часа работы (с 6 до 10 вечера). Из него вычитались 500 мон (50 сен) в виде комиссии кэмбана (см. соответствующую главу). Чтобы уклониться от уплаты комиссии в кэмбан, хоканы предпочитали прогуливаться по кварталу в надежде встретить уже знакомого клиента, от которого можно было бы получить ангажемент, минуя центральную контору. Такое явление получило название окадзури (сухопутная рыбалка). В кэмбане об этом, конечно, знали, но смотрели сквозь пальцы. В настоящее время услуги хокана стоят 10 сен за ароматическую палочку¹. Кроме этого, он обычно получал от 50 сен до 1 иены чаевых (из которых небольшая часть уплачивалась в кэмбан и в чайный домик). В настоящее время существует два класса хоканов: один называется дзимаэ, другой — какаэ. Первые (дзимаэ) занимаются своей профессией самостоятельно, тогда как вторые (какаэ) живут в домах своих учителей или хозяев и в уплату за проживание и прокат профессиональной одежды делят с ними свои доходы. Эта система во многом идентична той, в которой заняты женщины-гейши. Между собой они используют много жаргонных выражений, таких как «отяя-сан» (вместо хикитэдзья), «нэсан» (вместо гейша). Это слово используется только в отношении старших по возрасту женщин, остальные отзываются на свои обычные имена. Отправляясь по приглашению на вечеринку, они говорят «о-дзасики» (вместо кяку-но сэки-э дэру), апартаменты хозяина публичного дома называют го-найсё (вместо рёсю-но кёсицу), куртизанок — ойран (вместо сёги) и т. д. и т. д.

¹ Имеется в виду время, за которое сгорает стандартная ароматическая палочка. (*Примеч. пер.*)

Проститутки Ёсивара занимали главенствующее положение в местном обществе, поэтому в среде профессионалов их никогда не называли дзёро или сёги, но более цветистым и эвфемистическим словом — «ойран». (Следующие пояснения по поводу происхождения термина «ойран даны» в «Кинсэй дзибуцуко». Размышления о делах современности.) Самые высокооплачиваемые женщины в Син-Ёсивара сейчас называются ойран. Этот эпитет был дан им за то, что в годы Гэнроку (1688—1704) куртизанки Ёсивара посадили множество деревьев на Накано-тё (центральной улице). Тогда камуро (девочка-служанка) из дома Кисидая написала небольшое стихотворение: «Ойран-га ити ёку саку сакура кана», которое на обычном языке звучит: «Оира-но анэдзёро уэси сакура-га итибан ёки сакитари» («Вишня, посаженная моей анэдзёро, цветет более пышно, чем другие»).

Это стихотворение, гордо написанное маленькой камуро, подтверждает, что слово «оира» («Я» в соединении с *но* или *га* дает «моя» или «мне») в Ёсивара позднее превратилось в ойран. Также возможно, что современное и широко используемое слово «ойран» произошло из-за того, что служанки куртизанок в старые времена говорили о них как об ойран (оира-но анэ — моя старшая сестра).

В «Добо гоэнхо» говорится: ойран означает анэдзёро (старшая сестра или старшая куртизанка) или «моя старшая сестра» на языке Ёсивара. Слово «ойран» применялось по отношению к коротким и спокойным куртизанкам¹.

¹ По другой версии, ойран были настолько прекрасны, что, когда пожилые мужчины (оитару моно) встречали их, они становились взволнованными, возбужденными и почти безумными (亂 — ран) при виде их прелестных лиц. Поэтому сложилось слово «ои» + «ран» (пожилой человек + возбуждение и почти безумие). Слово «ойран» пишется 花魁 (хана-но сакигаке) и означает «предводитель цветов» (то есть самый красивый из цветов), потому что прекрасные женщины сравнивались с цветами, а ойран занимали такое же положение среди куртизанок, что и цветы вишни среди прочих цветов.

Также в стихотворении Сэнрю (1717—1790) ойран сравниваются с рэнгэсо (*Astragalus lotoides* — небольшой дикий цветок бело-розового цвета, по форме напоминающий цветы лотоса): «Не рви цветы рэнгэсо. Пусть они цветут на лужайках».

Это стихотворение содержит предупреждение молодым людям не выбирать себе спутниц жизни среди обитательниц Ёсивара.

Кроме того, слово «ойран» появляется в известном сатирическом стихотворении: «Слезы ойран могут испортить крышу вашего дома».

Женщины-гейши также находились под контролем кэмбансё. Футляры с их сямисэнами были выложены в ряд в помещении конторы. На каждом футляре имелаась бумажная бирка с крупно написанным именем владелицы. Однако в кэмбансё были зарегистрированы только гейши с Наканотё, и там не имелось никакой информации о магури гэйся (гейша, которая занимается своей профессией тайно) или о частных гейшах из небольших публичных домов. Для приглашения гейши чайные дома посылали за ней служанку, а публичные дома — вакаймоно (слугу) в контору с примерно следующим запросом: «_____сан _____ойран-но о-дзасики дэс» (или в вольном переводе: «Мисс _____ приглашается в апартаменты мисс _____»). Клерки из кэмбансё настолько хорошо знали свое дело, что никаких дальнейших переговоров не требовалось. В большинстве случаев клерки даже не спрашивали, откуда пришел посыльный, а в ночное время им было достаточно взглянуть на фонарь пришедшего (на котором всегда было написано название заведения), чтобы понять, в какой публичный дом нужно направить гейшу. Если заказанная гейша была в это время уже занята или не могла выполнить заказ по причине болезни, ответ поступал сразу же. (В последнем случае в футляр сямисэна втыкалась зубочистка, как знак того, что гейша не может обслуживать гостей.)

Прислужники из кэмбансё (кэмбан-но комоно) были обязаны нести сямисэн гейши, куда бы она ни пошла. Когда гейша начинала свою профессиональную деятельность, она обходила чайные и публичные дома в сопровождении своего нанимателя (какаэ нуси) и коллег, раздавая в каждом заведении полотенца или чашечки для сакэ со своим именем. Такие выходы осуществлялись с целью представления и обеспечения последующего покровительства (аико-о таноми), и (как в случае с новыми хоканами) чем больше лю-

Если в какой-либо песне присутствовали слова «Ёсивара дзёросю (или сёги)», то при исполнении ее в Ёсивара текст подправлялся до «Ёсивара ойран», чтобы смягчить общее настроение и не травмировать куртизанок. Также комнаты куртизанок назывались «ойран-но о-дзасики» (апартаменты ойран) вместо «сёги-но дзасики» (номер проститутки). Синдзо, служанки в чайных домах и пр. отзывались на свои обычные имена, так же как и женщины-гейши.

дей сопровождали при этом новую гейшу, тем выше становилась ее репутация. Сингао (новое лицо), как их называли, в день своего дебюта должны были носить платья из шелкового крепа с тремя гербами на каждом из них. Волосы должны быть уложены в стиле симада, а пояс-оби завязан узлом тай-ко мусуби.

*Прическа
в стиле симада*

При ходьбе они слегка отворачивали полы своего наряда, чтобы можно было заметить изысканное креповое нижнее платье (нага дзибан). Если дебютантка была о-сяку (молодая девушка, проходящая обучение, чтобы стать гейшей), то фасон платья оставался на ее усмотрение. Как правило, в соответствии с прежними договоренностями между публичным и чайным домами она в первый же день получала приглашение от кого-нибудь из гостей. Если же молодая гейша не получала ангажемента в первый вечер своей профессиональной жизни, это считалось большим позором для ее хозяина. По традиции гейши из Ёсивара носили наряды с гербами только в дни новогодних торжеств и других важных праздников и фестивалей. Все прочее время они одевались в простые полосатые платья. По «гербовым дням» (紋日 — момби, это Госэку или пять национальных праздников, тори-но мати и т. д.) гейши, как правило, уже имели ангажемент по предварительной договоренности с публичными, чайными домами или с конкретными гостями и должны были находиться в этих домах положенное время, даже если никто из гостей не пришел. (Специально по такому случаю в эти дни они надевали наряды с гербами.) Если же гейша не явится на назначенную встречу или проведет там времени меньше, чем требуют правила, ее будут бранить не только в кэмбане, но и в чайном и в публичном доме. Про нее станут говорить: «Госпожа такая-то весьма небрежна, не правда ли? Она не соблюдает правил приличия и этикета».

Размер оплаты услуг гейши подсчитывается в кэмбане по количеству часов, которое ее футляр с сямисэном отсутствует в конторе. Тариф составлял 12,5 сена в час (в прежние времена это было 2 сю, то есть 1,25 иены). Чаевые (тэнто

Прическа в стиле
итёгаэси

или сюги) обычно составляли 1 иену. Гейши-дебютантки (о-сяку) получали 10 сенов в час и 20 сенов чаевых. Сейчас образовался класс дешевых гейш, которые берут плату по тарифам о-сяку (о-сяку нами-но гёкудай — оплата такая же, как у о-сяку). Небольшую часть заработка гейши берут в качестве комиссии за организацию ангажмента чайных дома. Среди поющих девушек Ёсивара до сих пор сохранились некоторые черты настоящих гейш прежних времен. Например, они носят большие маруби (широкий пояс, сделанный из одного куска материи, сложенного в длину и сшитого по краям, неплотно завязанного и спускающегося достаточно низко) и наряды такой длины, что касаются пола и почти что тянутся за своими обладательницами по земле. Старинные фасоны причесок быстро исчезают, и их место занимают прически итёгаэси (в виде перевернутого листа адиантума, не требующие накладных волос и состоящие из двух длинных локонов, разделенных посередине головы, собранных кольцами и прихваченных на макушке) и даже сокухацу (европейский стиль).

Раньше прически стиля симада были обязательными, и появление перед гостями с какой-либо другой прической считалось неприличным. (Сейчас обычные городские гейши нарушают древние традиции тысячью разных способов.) Также раньше у гейш считалось особым шиком носить обувь на босу ногу, даже в холода, а сейчас все гейши носят таби¹.

Утверждается, что первые гейши появились в Киото и Осаке в 1-й год эры Хорэки (1751), но они сильно отличались от нынешних. В годы Сётоку (1711—1716) и Кёхо (1716—1736) почти все куртизанки были искусны в пении, танцах, музыке и т. д. и, поскольку своим присутствием могли оживить любую встречу, для гейш места не оставалось. Кроме того, все, что могли делать куртизанки, делали жены

¹ Т а б и — носки с отделением для большого пальца. Применяются при ношении национальной обуви. Изготавливаются из белого плотного материала, застегиваются на крючки вдоль щиколотки. (Примеч. пер.)

*Куртизанки развлекают гостей танцами.
Период Камбун (1661—1673)*

и дочери держателей публичных домов, традиционно развлекавшие гостей игрой на сямисэне и танцами. Их называли торимоти (развлекательницы). Опять же те из синдзо, кто преуспел в танцах или музыке, приглашались гостями для участия в банкетах, хотя особых правил на этот счет не существовало. Такое положение дел закончилось в последние годы Хорэки (1751—1764).

Раньше существовал класс женщин-профессионалок, называемый одорико (танцовщицы), которые не только давали танцевальные представления, но и в качестве приработка предлагали себя вместо куртизанок.

В 4-й год Хорэки (1754) появились профессиональные гэйко (что-то вроде гейш), а сам термин «гейша» сформировался позже, к 11-му году (1761). В записях за этот год мы читаем, что в Дайкокуро (публичный дом) была гэйко по имени Тоётакэ Ясохати, в Огия (публичный дом) гейша по имени Касэн, в Тамая (публичный дом) две гейши Ран и Токи, тогда как другая гейша, известная как Мондо, работала в Исэя (публичный дом) и т. д. Гейши были искушены в гигаю (мелодекламация), нагаута (лирические стихи или

песни) и бунгобуси (песенный жанр, появившийся в провинции Бунго) и пр. Собственно, в самом термине «гейша» содержится намек на искушенность в искусствах. Основным занятием гейш было обслуживание банкетов и вечеринок. Там они исполняли популярные мелодии и песни. Первые, появившиеся в 10-м или 11-м году Хорэки (1760—1761) гейши состояли на службе в публичных домах и развлекали гостей. Но с ростом популярности и количества их стали нанимать и чайные дома, и индивидуальные клиенты. Иные гейши работали самостоятельно, и таким образом, постепенно, сформировалась данная профессия. Однако гейши, работавшие индивидуально, не смогли правильно распорядиться своей свободой и со временем деградировали, частенько продавая не только свое искусство, но и прелести. Все это в конечном итоге привело к организации в 8-м году Анъэй (1779) Дайкокуя Сюмином кэмбансё, что поставило гейш под надлежащий контроль. До учреждения кэмбансё все гейши имели право покидать квартал с гостями через главные ворота, но позже число выходящих строго ограничили до двух в день. Только на Новый год и в 13-й день 7-го месяца (Бон-но дзюсаннити) им было позволено покидать Ёсивара в любом количестве, но даже в эти дни они обязаны были возвращаться не позже 4 часов пополудни. Мы нашли записи о том, что эти правила были столь строги, что мало кто из гейш рисковал покидать квартал даже по праздникам. Далее кэмбансё издал категорическое запрещение гейшам носить излишне красивые наряды, мотивируя это тем, что нарядно одетые женщины могут отвлекать гостей от куртизанок. Правила предписывали им носить наряды из простой одноцветной материи с набивными гербами и белыми воротниками (сирозэри мудзи-но монцуки). Волосы должны быть убраны в причёску симада и украшены только одной когай (род заколки), одним гребнем и одной маленькой заколкой. В таком стиле гейши одеваются даже сейчас, правда, по особым дням момби (гербовым дням). Чтобы исключить всякую возможность конкуренции с ойран, в гейши обычно набирались некрасивые женщины. На банкетах и вечеринках им запрещалось сидеть рядом с куртизанками, за исключением случаев крайней необходимости. Если гейша подозревалась в излишне близких отношениях с гостем,

служащие кэмбансё проводили расследование, и если подозрения подтверждались, провинившуюся гейшу отстраняли от работы на срок до трех дней и указывали на недопустимость подобного поведения в будущем.

В наши дни гейши пользуются полной свободой перемещения за пределами Ёсивара. Единственным условием является уведомление кэмбансё о цели выхода. Раньше лицензии гейшам выдавал нануси, а не кэмбан. В кэмбансё на стене висели деревянные бирки с именами зарегистрированных там гейш, и, как только женщина получала ангажемент, бирка переворачивалась лицевой стороной к стене. Это давало работникам кэмбана возможность точно знать, свободна или нет та или иная гейша. Три гейши составляли «комплект» (куми), и заказать можно было не менее «комплекта». Так делалось, чтобы воспрепятствовать одной девушке наладить слишком близкие отношения с гостем, но в наше время «комплект» сократился до двух гейш. Время работы лимитировалось от полудня до 10 часов вечера. На это время полагалось купить 7 ароматических палочек (сэнко ситихон). Фиксированная оплата составляла 1 рё 3 бу (17,5 иены) и делилась между кэмбаном и гейшей. Последняя получала 2 бу 2 сю (6,25 иены). Также гейша получала вознаграждение в размере от 2 сю до 1 бу (1,25—2,50 иены). В Ёсивара не существовало хакоя (помощник, который носит музыкальные инструменты за гейшами), и работники кэмбана выступали в этом качестве. В ночное время суток они несли зажженные фонари с названием кэмбана на них.

На 2-й день 1-го месяца проводилась церемония хикидзомэ (первое исполнение музыки на сямисэне в новом году). После 4 часов пополудни гейши и хоканы, одетые в праздничные наряды, группами по пять или семь человек обходили чайные и публичные дома, желая хозяевам и обитателям счастливого Нового года, исполняя подходящие к случаю мелодии и прося о покровительстве.

В свою очередь хозяева чайных и публичных домов угощали их тосо (сакэ со специями), простым сакэ и закусками. Такая традиция празднования хикидзомэ сохранилась до сих пор.

В заключение этой главы читателям, возможно, небезынтересно будет узнать, что школа хоканов «Сакурагава» явля-

ется самой влиятельной в Ёсивара, поэтому многие утверждают, что ее стиль сформировался внутри квартала. Однако это не так — школа появилась в Фукугава. Появившиеся в последнее время разнообразные развлечения и новые песни, якобы в стиле «Сакурагава», не заслуживают никакого внимания.

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ ЁСИВАРА И ПОЯВЛЕНИЕ КУРТИЗАНОК С ОСТРОВОВ РЮКЮ¹

Происхождение окончания -ро (樓 — двухэтажный или «высокий» дом) в названиях публичных домов уходит к Гомэйро (五明樓), что являлось другим названием публичного дома Огия в годы Тэммэй (1781—1789). В дореставрационный период строительство домов высотой более двух этажей запрещалось, но с началом эпохи Мэйдзи (настоящее время) в архитектуре публичных домов произошли изменения. Было построено несколько красивых и просторных зданий в полуевропейском стиле. В «Токё Кайка хандзёси» говорится: «После Реставрации были построены высокие и просторные здания в европейском стиле, каких не было даже у аристократов и т. д.». Изображения Кимпэйро и Госэйро, построенных в европейском стиле, приводятся ниже.

В «Син-Ёсивара дзэнсэй курабэ сёги хёбанки», опубликованной в 1870 году, есть фрагмент, гласящий: «Дома были выстроены по западному образцу, и много редких и изысканных вещей стояло на столе» (sic.).

Впервые проститутки в европейском платье появились в 1886 году в публичном доме Ямадаро в Агэямати. Позже этому примеру последовали в Сининабэнро и некоторых других домах, но вскоре новая мода потеряла прелесть новизны и была забыта. В разгар «моды на заграницу» в Ямадаро были организованы европейские спальные места, а еда подавалась на европейской посуде. Однако, как бы далеко ни заходило следование моде, до ножей и вилок не дошло. Даже если блюда подавались в европейской посуде, их предлагалось есть с

¹ Р ю к ю — цепь островов к югу от японского острова Кюсю. До 1879 г. не входили в состав японского государства. Жители Рюкю до сих пор не считают себя японцами. (Примеч. пер.)

помощью кедровых палочек!!! Публичный дом Ямадаро, похоже, был готов удивить всех, когда нанял двух или трех женщин с островов Рюкю в качестве куртизанок. Такой ход на некоторое время повысил популярность дома, но со временем прекрасные островитянки перестали привлекать клиентов.

ДЗЭГЭН (Сводники)

Причин, вынуждавших многих несчастных девушек окунаться в «море бед и горечи» (кугай), было множество, и судьба любой из них могла бы стать той нитью, на которую предприимчивый писатель или журналист легко нанизал бы собственный сюжет. Однако, что бы ни говорилось и ни писалось, главной причиной была бедность. Нынешние полицейские предписания настолько строги, что стало практически невозможно торговать человеческими душами и плотью, продавая себе подобных.

Однако в прежние времена существовали негодяи, известные как дзэгэн, зарабатывавшие сводничеством, продажей и покупкой женщин. Эти печально известные сутенеры не только заламывали возмутительные цены за свои услуги, но и обращались со своими жертвами самым жестоким образом. Кроме того, они не стеснялись воровать невинных девочек с целью продажи их в публичные дома. Даже чиновники бакуфу (правительства Токугава) были поражены их неразборчивостью в методах и тлетворным влиянием на общество. Поэтому в 5-м месяце 4-го года Кансэй (1792) правительство издало следующее предписание, запрещавшее сводникам заниматься своим бесчестным делом:

«Среди жителей города, мужчин и женщин, зарабатывающих себе на жизнь, существуют категории дзэгэн и накацуги. Их деятельность заключается в найме женщин на определенное количество лет за определенную фиксированную плату, даже если нет свободных вакансий. В письменных договорах, которые при этом заключаются, отмечается, что, даже если женщин нанимают на такие постыдные и низкие должности, как мэсимори (низший класс проститутки, живущих в гостиницах под видом прислуги), прислуга

или любое другое место, они не имеют права возражать или жаловаться на сей счет. В таких обстоятельствах, если в короткое время не находится подходящего места, дзэгэн перепродает девушек другому дзэгэну за определенную сумму денег. Также дзэгэн зачастую тайно продлевает срок контракта, так что родители не знают, когда они снова увидят своих дочерей. Таким образом, местонахождение многих женщин становится неизвестным, а их родители и родственники вынуждены обращаться к властям с просьбами разыскать и вернуть их. Также известно, что дзэгэны вымогают деньги с родственников и владельцев публичных домов и таким образом улаживают спорные вопросы в обход властей.

Такая практика фактически является торговлей людьми и достойна порицания, поэтому профессии дзэгэн и накацуги здесь объявляются запрещенными. Это запрещение должно строго соблюдаться».

Официальные правила, относящиеся к найму куртизанок, вышедшие в 7-м году Кансэй (1795), через четыре года после вышеприведенного предписания, содержат следующие статьи:

«1. Публичный дом, нанимающий новую куртизанку при посредничестве профессионала (кутиирэ-но моно — человек, который находит желающих занять место и возможных работодателей), должен провести приватное расследование на предмет, была ли женщина похищена или нет, выяснить ее место рождения, социальный статус, род занятий. Также выяснить, является ли она родной или приемной дочерью достойных родителей. Кроме того, необходимо выяснить положение, место жительства и т. д. ее поручителя. Эти обстоятельства должны быть тщательно изучены до подписания контракта. Справки должны наводиться у третьей стороны, а не у самого посредника, и, если женщина принимается на работу, все вышеперечисленные сведения должны быть занесены в книгу нануси. Срок действия контракта не должен превышать двадцать лет.

2. Профессии дзэгэн и накацуги были запрещены в 4-м месяце 4-го года Кансэй (год Быка). По просьбе заинтересованных сторон власти принимают следующее решение: поскольку ранее имели место случаи заключения дзэгэнами и накацуги контрактов в качестве поручителей

куртизанок под предлогом того, что они являются родственниками, настоящим устанавливается, что с 5-го месяца текущего года при окончании срока действия контракта (как сказано в отдельном гарантийном обязательстве) бывшие куртизанки должны передаваться не своим прежним поручителям, но своим кровным родственникам. Содержателям публичных домов вменяется в обязанность оказывать содействие женщинам, выполнившим свой контракт, в переходе под ответственность кровных родственников, как указано выше.

Если дзэгэн, проживающий в пределах Ёсивара, вступает в прямой контакт с женщиной, ищущей места куртизанки, он обязан отвести соискательницу в публичный дом на предмет представления работодателю. Если претендентка принимается на работу, дзэгэн не должен (как раньше) подписывать контракт, поскольку ему позволено лишь быть посредником.

3. Если количество посредников в Ёсивара будет лимитировано, возникнет монополия. Для предотвращения этого, а также для контроля за возможно бесчестным ведением дел каждый посредник заключает соглашение с нануси. Последний имеет обыкновение каждый месяц напоминать посредникам о содержании этого соглашения, закрепляя подписью то, что такое напоминание они получили. В последнее время вблизи Ёсивара появились личности, занимающиеся схожим ремеслом, но живущие за пределами квартала. Это противоречит предписанию и затрудняет осуществление надлежащего контроля над ними. Их необходимо заставить перебраться в Ёсивара под угрозой запрещения заниматься своим ремеслом. Впредь всем желающим исполнять функции посредника дозволяется делать это только внутри квартала».

Из вышесказанного видно, что профессия не была полностью запрещена, а просто была локализована внутри квартала для более строгого контроля над дзэгэнами и накацуги. Но даже эти правила с течением времени были смягчены, и к годам Тэмпо (1830—1844) существовало более десяти домов, занимавшихся этим бизнесом в Тамати, Асакуса и Санья. Наиболее известным было заведение Омия Сампати. На него работало десять кобунов (отчасти работник, отчасти ученик), которые, сговорившись с провин-

циальными дзэгэнами, свободно практиковали похищения девочек. Эти дзэгэны рассылали агентов в сельские районы, где те покупали, выпрашивали, одалживали или крали женщин и девочек, которых затем привозили в город и держали взаперти до полной их передачи в руки содержателей публичных домов.

Насколько плохо они обращались с несчастными похищенными, можно судить по тому, что владельцы этих «бюро по найму» имели привычку каждую ночь раздевать девочек догола и прятать их одежду под своими футонами (матрацами), чтобы жертвы не убежали. В момент передачи женщин в публичные дома, с которыми были достигнуты договоренности, их одевали во взятые напрокат красивые наряды (чтобы они выглядели более привлекательно, а это, в свою очередь, позволяло поднять цену). Затем следовали длительные переговоры, во время которых стороны торговались, как на рыбном базаре. Дзэгэн пытался выручить как можно большую сумму, а содержатель публичного дома приобрести товар как можно дешевле. В конце концов продавец и покупатель договариваются о цене, которая устраивает обоих, и дальше начинается обсуждение размера мидзукин — скидки, которая позволяла покупателю полностью экипировать женщину. [Кое-кто считает, что это слово пишется как мидзукин (不見金 — невидимые деньги), потому что содержатель публичного дома сразу удерживает эти деньги и их никто не видит.] По другой версии это сокращенное мицукикин (身付金 — деньги, принадлежащие телу), потому что на эти деньги приобретаются наряды и все необходимое женщине. Когда девочка продается в качестве проститутки, родители выдают содержателю публичного дома расписку, называемую нэнки сёмон (年季證文). В вольном переводе она выглядит так:

Имя девочки _____
Возраст _____
Вышеуказанная _____ (имя) проживающая в _____
Дочь _____, согласно поступить на службу
к Вам _____, хозяину публичного дома _____
сроком _____ лет с оплатой _____ рё
_____ рё составляет мидзукин
_____ рё получено на руки

ГЕЙШИ

Я гарантирую, что во время действия контракта девочка не причинит Вам беспокойства.

Она исповедует буддизм _____ толка, ее фамильный храм _____ находится на _____ улице
Имя родителя _____ (печать)
Гарант _____ (печать)
Домовладелец _____ (печать)
_____ Имя тэйсю
_____ дзёрюя

Нет нужды пояснять, что большая часть подобных документов в части, касающейся подписей родителей или домовладельцев, были «липой». Но поскольку существовали люди, исполняющие роли необходимых сторон, все бумаги подписывались и получали печати. В обмен на такой инструмент на строго деловой основе звонкой монетой выплачивались ми-но сирокин (деньги за тело). С каждой «партии товара», доставленной содержателю публичного дома, дзэгэн получал свои 10% комиссии, но помимо этого он обычно умудрялся получать дополнительные деньги под различными предложениями, включающими хонэорикин (за хлопоты), ифуку-но сонрё (за прокат наряда), маканайрё (за питание и проживание) и т. д. [К слову заметим, что в кругу дзэгэнов девочек, которых похищали, называли инари (изначально богиня риса, но в популярных верованиях богиня-лисица), может быть, поэтому люди часто называли куртизанок кичунэ (лисицы).]

Как уже говорилось, предписание годов Кансэй (1789—1801), запрещавшее дзэгэнам торговлю женщинами, почти не имело практического эффекта, но 2 октября 1872 года (2-й день 10-го месяца 5-го года Мэйдзи) правительство Японии заслужило бесконечную признательность прогрессивной общественности, издав декрет № 295, который объявил безусловное освобождение всех проституток на всей территории империи. Этот декрет, согласно официальному переводу, выглядел так:

«Поскольку сделки, касающиеся продажи людей в полную зависимость от хозяина на всю жизнь или временно, противны принципам человечности и поэтому с давних пор запрещены, то, если истинное положение субъекта, наня-

того на определенный срок в качестве слуги или в другом качестве, будет равнозначно рабству, все подобные сделки считаются незаконными.

Любой человек может быть отдан в учение для овладения практическими навыками в сельском хозяйстве, торговле или искусстве. Тем не менее срок такого ученичества не должен превышать семи лет, по истечении которых по согласию обеих сторон срок может быть продлен.

В случае обычных слуг или работников срок их службы ограничивается одним годом, и, если служба продолжается по его истечении, соглашение должно быть обновлено.

Все проститутки, певицы и прочие работники, нанятые на любое количество лет, должны быть освобождены от своих обязательств, и никакие разбирательства, касательно долгов, сделанных ими или в связи с ними, не должны приниматься к исполнению».

ПРЕДПИСАНИЕ, ИЗДАННОЕ
В ОКТЯБРЕ 1872 ГОДА (5-Й ГОД МЭЙДЗИ)
СУДЕБНЫМИ ВЛАСТЯМИ

№ 22

(Широко обнаружено в печати)

«Поскольку на второй день текущего месяца Государственным советом был издан декрет № 295, лица, настоящим указанные как имеющие к нему отношение, должны принять во внимание следующие пункты.

Несмотря на то что торговля людьми запрещена с давних времен, людей продолжают нанимать на длительные сроки под различными предлогами, но на деле такой «наем» является «продажей», и поэтому капитал лиц, нанимающих проституток, певиц и т. д., расценивается как украденный, и, если кто-либо обратится с жалобой на происходящее, после соответствующего расследования все спорные деньги подлежат конфискации государством.

Как сказано выше, проститутки и певицы потеряли свои человеческие права и были приравнены к скоту (гюба-но кото нарадзу — они не отличались от коров и лошадей).

Человеку не пристало требовать каких-либо выплат от скота!

Поэтому никакие выплаты не могут быть истребованы с проституток или певиц, будь то долги или ссуженные деньги, но данное запрещение не касается сделок и договоров, заключенных после 2-го дня текущего месяца.

Лица, которые из корыстных соображений заставляли девочек становиться проститутками или певицами под предлогом того, что это их приемные дочери, на самом деле занимались торговлей людьми и в дальнейшем подлежат суровому наказанию».

(Затем были разработаны подробные инструкции относительно профессии проститутки, и они действуют до сих пор.) Убытки, которые понесли содержатели публичных домов после массового освобождения женщин, были огромны. В «Токё Кайка хандзёси» под заголовком «Освобождение куртизанок» написано: «Зимой 1872 года все проститутки и гейши, работавшие в публичных домах и гостиницах, по всей стране были освобождены без всяких условий... Тысячи несчастных женщин (чья жизнь могла сравниться с жизнью птицы в клетке) внезапно стали свободны, и переполох, вызванный толпами радостных родителей и дочерей, которые наводнили кварталы проституток, не поддается описанию... Несмотря на всеобщую радость, многие из этих несчастных, находясь в долгах или по другим обстоятельствам, были вынуждены заключить новые контракты и продолжить свою деятельность в публичных домах, которые теперь переименованы в касидзасики (貸座敷 — дома с комнатами внаём)». Из вышеприведенных заметок можно представить реальное состояние дел в то время.

Прежний способ ведения дел через дзэгэнов (сводников) прекратил свое существование, и теперь большинство женщин, желающих стать куртизанками, нанимались через ятойнин кутиирэдзё (регистрационная контора для лиц, ищущих места). По закону такие конторы не имели права заниматься такими сделками, но хорошо известно, что этот запрет не исполнялся на практике. Содержатель публичного дома или его заместитель, заинтересованные в привлечении новых женщин, постоянно выискивали возможности для «удачного приобретения». Так же как стервятники слетаются на пир

к телам убитых солдат после кровопролитной битвы, эти негодяи используют беды других для своего обогащения, устремляясь в места, пострадавшие от природных катастроф. Землетрясения, пожары, наводнения и неурожаи являются естественными союзниками содержателей борделей. И это подтверждается статистикой. Например, среди сегодняшних 3000 обитателей Ёсивара 40% происходят из префектур Гифу и Айти, а мы точно знаем, что в последние годы эти места сильно пострадали от землетрясений, наводнений и недородов. Говорят, что, когда какой-нибудь район посещают серьезные бедствия, туда стекаются содержатели публичных домов, чтобы посмотреть, чем они могут по дешевке поживиться.

ОДЕЖДА КУРТИЗАНОК

Сейчас нет единых правил, регламентирующих одежду этих женщин. Они одеваются в соответствии с требованиями содержателя публичного дома или руководствуясь собственным вкусом. Поэтому среди современных куртизанок можно встретить и одетых в шитую серебром и золотом парчу по моде ойран прежних времен, и в кричаще-красный креп (хидзиримэн) с расшитыми воротниками и гигантскими атласными поясами (оби), завязанными спереди. Другие, пытаясь выглядеть моложе и привлекательнее, одеваются в юдзэн (обычно шелковый креп с красивым набивным рисунком) с пурпурными атласными воротниками и маки оби (узкий пояс, обмотанный несколько раз вокруг талии, такой пояс не завязывают узлом, а просто подтыкают). Прочие носят однотонные платья с гербами, имитируют стиль гейш (певиц) или придворных дам, а некоторые пошли так далеко, что копируют (!) европейский стиль! В дешевых домах весь гардероб проститутки составляли длинный свободный халат (сикакэ) из полосатой ткани и муслиновое (мэрэнсу) нижнее платье (нага дзубан). В настоящее время длинный свободный халат (сикакэ) черного цвета носят только старшие куртизанки (о-сёку кабу) из лучших домов. По сравнению с роскошными нарядами прошлых лет праздничные наряды нынешних проституток лишь слегка напоминают те, что их предшественницы носили каждый день.

Сейчас у проституток вошло в обычай принимать постоянных клиентов в своих покоях, одевшись в полосатое платье (сима моно). В первоклассных домах (омисэ) после знакомства (хикицукэ) с новым гостем (сёкай-но кяку) слуги выкрикивают «о-мэси каэ» (почетная смена наряда), и куртизанка отправляется в свою комнату, где переодевается, чтобы вернуться в узорчатом платье (моё моно) и ожидать, пока гость не закончит выпивать и закусывать. Ко времени о-хикэ (время уединения, то есть время отправляться в постель) она снова переодевается в полосатый наряд. В средних и мелких домах женщины переодеваются только один раз, и их наряды сделаны в основном из крепа (тиримэн).

Среди пяти пунктов предписания, данного Сёдзи Динью-эмону Хондой — губернатором провинции Садо, на 3-й год Гэнна (1617) был один сообщавший, что «проституткам запрещается носить платье с серебряной или золотой вышивкой, а можно только из простой крашеной ткани». Такая политика простоты платья практиковалась властями в период становления старого (мото) Ёсивара, поэтому куртизанки носили платья или из однотонного китайского шелка (кэнтю), или полосатые платья. Их пояса-оби были шире, чем обычно носили женщины, но никогда не превышали 4 сун (10 см), тогда как обычная ширина составляла 2 суна (5 см). Рукава их платьев в те времена также были гораздо короче, но, по мере того как предписания теряли свою силу, они удлинялись. С постройкой Син-Ёсивара роскошь и экстравагантность в одежде постепенно распространились по всему кварталу и достигли крайних пределов. В годы Камбун—Эмпо (1661—1681) таю обычно носили наряды из риндзу (узорчатый атлас) или хабутаэ (высший сорт эпонжа). В «Добо гоэн» мы читаем рассказ пожилого джентльмена по имени Мурамацу Сёя, который сообщает, что в годы Камбун (1661—1673) некто встречал таю Такао из дома Миурая Доана в Кёмати и видел один из ее новых нарядов. Подкладка была из бледно-голубого шелка, а верх — из черного хабутаэ, и весь наряд напоминал мужскую одежду. В «Сайкаку итидай отоко», опубликованной на 2-й год Тэнна (1682), говорится, что нижние наряды некоторых женщин были сшиты из сиро риндзу (белый узорчатый атлас), а поверх них надевались еще два: один из алого каноко (материя с рисунком из мелких белых пятен)

и другой из бледно-голубого шелка-хатидзё. Такие наряды использовались для встречи группы гостей. Обычай того периода требовал нарядов дорогих с точки зрения материала, но простых и скромных в исполнении и декоре. Вышивка серебром и золотом, а также бархат появились позже. В периоды Дзёкё (1684—1688) и Гэнроку (1688—1704) для изготовления накидок-сикакэ широко распространился обычай использования однотонных фиолетовых тканей (мурасаки мудзи). В годы Хэй (1704—1711), через пятьдесят лет после открытия Син-Ёсивара, в моду вошли роскошно расшитые наряды, а тридцатью годами позже, в годы Гэмбун (1736—1741), куртизанка по имени Сигасаки ввела моду носить широкий поясо-оби. Сама она носила пояс шириной 84 (!) см (кудзира 2 сяку 2 суна). Такие пояса завязывались в стиле карута мусуби, женщину, впервые попробовавшую это, прозвали Оби Сигасаки или Оби гокумон. (Первое прозвище означало просто Сигасаки—Пояс, а второе — Пояс с отрубленной головой. Здесь с определенной долей юмора намекается на старинный обычай выставлять головы казненных преступников на всеобщее обозрение. Пояс был настолько широк, что поверх его была видна только голова.) С тех времен тенденция к роскоши и экстравагантности в нарядах проституток настолько усилилась, что к 7-му году Кансэй (1795) власти посчитали необходимым снова вмешаться. Было объявлено, что наряды должны быть из однотонных тканей (согласно давней традиции) и что датэмон (декоративные гербы) не должны превышать 6 сунов (как мера длины — 18 см, как кудзира — мера размера одежды — около 23 см) в диаметре. Однако стремление к роскоши нельзя было остановить простыми предписаниями, как нельзя рукой остановить воды океана, и в годы Анъэй и Бунсэй (1772—1830) пик варварского великолепия был достигнут. Широко использовались наряды из крепа, бархата, узорчатого атласа, однотонного атласа, хабутаэ и т. п. Пояса-оби шились из бархата, золотой парчи, шелковой парчи, дамаста и пр. Что касается цвета и сюжета узоров, то это оставлялось на усмотрение каждой конкретной куртизанки, и одежда никоим образом не походила на униформу. В книге «Нисики-но ура» («Скрытое парчой»), опубликованной в 3-м году Кансэй (1791), дается очень подробное описание элегантного наряда тех дней. Верхнее платье состояло из бе-

лого нанакo, украшенного фиолетовыми облаками, сквозь которые проступал тонкий орнамент из вышитых шелком и окрашенных вручную цветов, которые своими яркими красками символизируют четыре времени года. Герб на платье представлял собой цветок глицинии, вышитый пурпурными шелковыми нитками. Нижнее платье состояло из узорчатого атласного одеяния, отороченного однотонным коричневым шелком-хатидзё и расшитого тем же орнаментом из цветного шелка. Нижний пояс — из багряного узорчатого атласа с подкладкой из яркого оранжево-красного шелкового крепа. Как пример великолепия и дороговизны ночного одеяния молодой красавицы в «Кэйсэйкай сидзюхаттэ» («Сорок восемь способов купить куртизанку») говорится: «Одеяние было сшито из оранжево-красного крепа, отделано фиолетовым узорчатым крепом и оторочено золотыми и серебряными нитями, чтобы создать эффект волн, разбивающихся о берег. Пояс был из кабэтёро (жатый шелк)». В годы Бунка и Бунсэй (1804—1830) наряды куртизанок были просто роскошными. В сюжетах орнаментов накидок-сикакэ обычно присутствовали облака с молниями и золотыми драконами, скалы с растущими на них пионами и тигры, преследующие бабочек. Все это было расшито золотом и серебром. Все великолепие нарядов дзёро позднего периода замечательно отражено в живописных работах Эйдзана¹, Кунисада², Утаморо³ и других. В те времена в каждом публичном доме существовали четкие правила, касающиеся фасона, материала, цвета и орнамента платьев, которые могли носить женщины той или иной категории, что строго соблюдалось. Ни одна куртизанка не могла носить платье, не соответствующее ее рангу в публичном доме, даже если ее финансы это позволяли. Сейчас девушки вольны носить любую одежду, за которую могут заплатить, особенно если они привлекательны и популярны.

¹ Кикукава Эйдзан (1787—1867) — художник, мастер укиё-э. Основатель художественной династии Кикукава. Настоящее имя — Тосинобу. Художественный псевдоним — Тёкюсай.

² Утагава Кунисада (1786—1865) — художник. Настоящее имя — Сумида Сёдзо.

³ Китагава Утамаро (1753—1806) — выдающийся художник, во многом определивший черты японской классической гравюры периода ее расцвета в конце XVIII в. Его настоящее имя — Нобуёси, а Утамаро — псевдоним, который художник стал использовать с 1781 г.

В публичных домах прибегают к различным ухищрениям, чтобы как-то компенсировать затраты на одежду, а наряды современных сёги делятся на авасэ (носятся в мае, июне и октябре), хитоэмоно (носятся в июле, августе и сентябре), ватаирэ (с ноября по апрель) и т. д., что соответствует определенным временам года, как это вообще принято у людей.

ПРИЧЕСКИ ЮДЗЁ

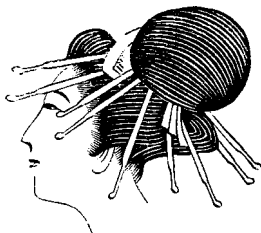
Несмотря на то что в «Ёсивара тайдзэн» отмечается, что «их волосы даже сейчас убраны в стиле публичного дома Хё-гоя из Охаси в Янагитё», мы не находим их на изображениях, сделанных до эры Тэнна (1681—1684), что вызывает некоторые сомнения в истинности этого заявления. Судя по старым картинам школы «Укиё-э», вплоть до годов Кэйтё (1596—1615) куртизанки носили волосы спускающимися по спине, и только в годы Канъэй (1624—1644) они собирали их на голове достаточно простым способом. В разных книгах отмечается, что в годы Камбун (1661—1673) таю по имени Кацуяма из публичного дома Ямамотоя в Син-Ёсивара придумала способ укладки волос, названный в ее честь кацуяма магэ. В «Добо гоэн» говорится: «Примерно в годы Дзёо (1652—1655) или Мэйрэки (1655—1658) в доме Ямамото Ходзюна, что в Симмати в Син-Ёсивара, жила таю по имени Кацуяма. Раньше она была фуру онна («банщица», на самом деле проститутка без лицензии) в банном доме (известном как Ки-но кунибуро), который держал человек по имени Итибэй в Канда напротив Тангодэн (по соседству с нынешним Кидзитё). Когда фурая (банные дома) были запрещены, эта женщина вернулась в дом своих родителей, но вновь объявилась в качестве дзёро в доме Ходзюна. Ее волосы были собраны кольцом наверху и подвязаны белым мотоюи (бумажный шнурок для подвязывания волос). Такие прически сохранились до сих пор и называются кацуяма магэ».

Считается, что более поздняя прическа мару магэ произошла от кацуяма магэ. В годы Тэнна (1681—1684) появились прически хёго магэ и кэйсэй симада. Говорят, что симада магэ появилась в период Канъэй (1624—1644) благодаря танцовщице из Киото по имени Симада Дзинсукэ.

Кэйсэй симада во всех отношениях напоминает прическу симада. В годы Анъэй (1772—1781) в моду вошли кинсёдзёбин, уцусэми магэ, накабин, хисидзутто, ёко хёго, ямагата торибин согидзутто мусуби, татэ хёго и другие модели. Позже появились сусикибин, отоси баракэ, цутогири, суми симада, адзумабин, каинадэ дзутто, тясэн магэ, цуми хёго и др. Правда, к годам Бунсэй (1818—1830) из всего этого многообразия сохранились только татэ хёго, симада и некоторые другие. Сейчас для того, чтобы сделать татэ хёго, используют пучок из волос бурого медведя, вокруг которого укладываются настоящие волосы. Кроме того, правда, очень редко, таким же образом убирались волосы и в стиле симада. В годы Тэнна и Дзёкё (1681—1688) для укладки волос использовалось только растительное масло, никаких помад еще не было. В «Гонити мукаси моногатари» приводится высказывание одного пожилого человека, рожденного в 3-м году Эмпо (1675), о том, что «один пожилой господин, будучи старше моего отца на десять лет, оспаривая утверждение последнего о том, что для укрепления причёсок куртизанок использовалось очень много масла, говорил, что в прежние времена девушки втирали в волосы совсем немного легкого масла. Также он помнил о том, что волосы сохраняли естественный вид безо всякой помады. Старые картины подтверждают это свидетельство».

Кроме того, в те времена относительной простоты женщины сами занимались своими причёсками. В книге «Хёка мампицу» отмечается: «В старые времена считалось неприличным, если куртизанка не укладывала волосы сама, правда, следует признать, что тогда не было профессиональных женских парикмахеров, они появились позже... В старинном сертификате юдзё, принадлежащей к дому Идзуми Канкити, есть следующий пункт: «Женщина в обязательном порядке должна быть обучена родителями уходу за волосами и письму». В этом заключается существенная разница между данным сертификатом и теми, что выдаются сейчас».

Согласно «Кумоно итомаки», написанной известным писателем Кёдзаном, профессиональные женские парикмахеры появились к концу периода Анъэй (1772—1781), и, без сомнения, пользоваться услугами специалистов по уходу за волосами куртизанки начали никак не ранее этого времени.

Прически куртизанок

Фасоны причесок камуро

Относительно фасонов причесок там же говорится: «На протяжении примерно 20 лет после периода Тэммэй (1781—1789) и вплоть до периода Бунка (1804—1818) основной формой причесок ойран являлась цуми хёго, но впоследствии она исчезла. С другой стороны, со временем увеличились в размерах заколки. В годы Тэммэй они были очень невелики и легки. Никто не украшал себя нынешними поддельными черепаховыми гребнями (бадзу). Что касается фасонов, то в порядке перечисления появились карава, хёго, симада, марумагэ (кацуяма магэ) и сиитакэ».

Для более подробной информации о фасонах причесок читателю рекомендуется обратиться к «Рэкисэй онна сёко». Гравюры, приведенные в этой главе, демонстрируют основные фасоны причесок, которые применялись в Ёсивара в разное время.

КОМНАТЫ ЮДЗЁ

Между старинными и нынешними покоем юдзё разница невелика. Комната, в которой юдзё принимает своих гостей, называется дзасики и обычно по площади не превышает восьми циновок (хатидзё дзики) (см. выше). Смежная с ней комната (цуги-но ма) является личной комнатой и не превышает трех-четырех циновок.

Некоторые женщины имели в своем распоряжении и третью комнату, но на такое могли рассчитывать в основном о-сёку.

Типичные дзасики представляли собой уютные комнаты с обычными токонома (ниша) и тигаидана (нечто вроде стеллажа с двумя полками разной длины). В нише обычно вешался свиток с картиной или каллиграфической надписью (не всегда подлинной), выполненной такими известными мастерами, как Тёсансю, Тэссю, Дзэсин, Кэйсю, и другими¹. Комнаты изящно украшены срезанными цветами, расставленными в вазы из фарфора Кутани. Цветы меняются в зависимости от сезона. Также там могут находиться музыкальные инструменты, такие как кото (род цитры), сямисэн, гэккин (четырёхструнный инструмент, завезённый в XVIII веке из Китая), нигэккин (двуструнное кото) и др., различные безделушки вроде зайчиков из искусственного хрусталя, рассаженных на небольших подушечках из изысканно расписанного крепа, настенные часы, большое зеркало, картина в рамке, несколько романов, журналы, театральные программы и прочее легкое чтиво, призванное занять гостя. На тигаидана (углубление с полками рядом с токонома) находился глубокий лаковый лоток (мидарэбако), куда помещалась одежда гостя, а также другие предметы. Кроме того, в комнате непременно находились вешалка для одежды (эмон какэ) и шестисекционная складная ширма

¹ Генри Норман в своей книге «Настоящая Япония» пишет: «На видном месте почти всегда висит оформленный свиток с каким-нибудь стихотворением, кратко написанным усложненными китайскими иероглифами. Мне однажды показали свиток с надписью из четырех иероглифов мацу, кику, нао и сонсу, что буквально означало «сосна и хризантема всегда» то есть сосна и хризантема всегда сохраняют свою красоту, даже зимой, когда другие цветы умирают, имеющую подтекст: «Мои прелести всегда свежи, как сосна или хризантема».

(рокумайори-но бёбу). В личных покоях была полка для юдзё яю (постельного белья), покрытая ярко-зеленым фуросики с изображением виноградной лозы и имени девушки. Ниже этой яюдана (полки) располагался комод с ящиками, в которых хранилась одежда юдзё. Из предметов обстановки, кроме упомянутых, присутствовали нага хибати (жаровня с углями), на которой стоял чайник (тэцубин), шкаф со стеклянной дверью (гарасудо ири-но нэдзуми ирадзу), где находились ютяки (чайный сервиз) и инсёку-но гу (прочая посуда), зеркало (кёдай), чаша для полоскания (угаи дзяван), мимидараи (металлический или лаковый сосуд с ручками в виде ушей, используемый как ночная ваза), подушки (дзабутон) и прочие личные вещи куртизанки. Дзасики (покои) юдзё брали в аренду у содержателя публичного дома и обставляли за свой счет. Выше приводилось описание перворазрядного дома. В более простых заведениях девушки (хэямоти) имели одну, в лучшем случае две комнаты. Комнаты в лучших домах назывались дзасики (покои), а в менее пафосных — просто хэя (комната). В прежние времена синдзо не имели своих комнат и спали в общей комнате для анэдзёро. Существовали также мёдайбэя (подменные комнаты) на случай, если у женщины окажется одновременно несколько гостей. В низкоразрядных публичных домах гости и их девушки размещались в одной комнате и каждая пара отделялась от взора других только ширмой. Это называлось варидоко (разделенная постель).

Если куртизанка была не в состоянии оплатить мебелировку, ей предоставлялась рассрочка. В отдельных случаях ей в этом мог помочь постоянный клиент или покровитель. Расходы по ремонту и уборке дзасики также несла куртизанка. Содзи-но тингин (деньги за уборку) напрямую выплачивались вакаймоно (слуга-мужчина), который работал в доме. Такого рода расходы были тяжелым бременем для юдзё, и по правилам 7-го года Кансэй (1795) они были освобождены от них. Однако давний обычай было трудно искоренить, и, несмотря на все усилия, он дожил до наших дней. К сожалению, этой профессии присуще разорительный обычай щедро тратить деньги; и стоит юдзё проявить себя скупой или прижимистой (или даже бережливой), то это тут же скажется на ее популярности, принесет ей новых недоброжелате-

лей и вообще серьезно усложнит ее существование. Так что эта традиция жива в Ёсивара до сих пор, несмотря на многочисленные попытки ее искоренить. Во времена, когда юдзё получали клиентов через агэя, не было необходимости в особо тщательном декорировании их комнат, однако они были убраны весьма изящно, потому что кидзин (знатный человек) не заходили в агэя, а направлялись прямо в публичный дом. Например, футоны (матрацы) были украшены в стиле кагамибутон (то есть футон, края которого были обшиты тканью другого цвета, чем середина, и напоминали зеркала в рамах). В лучших домах края делались из черного бархата, а середина — из красного крепа. Три таких футона укладывались один на другой, образуя очень мягкую постель. В домах рангом ниже использовались только два, к тому же с обивкой из мэрэнсу (кисея) или канкин (хлопок). В самых зажиточных домах обходились всего одним футоном. Ночные одеяния также различались в зависимости от класса заведения. Согласно официальным правилам от 7-го года Кансэй (1795), использование ткани с золотыми или серебряными нитями, шелковой парчи и бархата для украшения футонов было запрещено. Разрешенные ткани ограничивались тремя видами, но эти правила скоро стали пустым звуком и не могли противостоять привычке к роскоши. В период Мэйва (1764—1772) женщина по имени Хинадзуру из дома Тёдзия использовала целых пять парчовых футонов, но это не стало нормой. Когда юдзё приглашали к гостям в агэя, ночные одеяния они приносили с собой. Мода на дорогие футоны и прочее пришла позже.

ЦУМИЯГУ-НО КОТО

(Демонстрация постельных принадлежностей)

В пьесе «Умэ-но хару», написанной Киёмото Тории¹, есть слова: «Гора из двадцати парчовых футонов — вот ложе Бэнтэн-сан»².

¹ К и ё м о т о Т о р и и (1645—1702) — актер кабуки, драматург, художник.

² Б э н т э н - с а н — богиня любви.

Эти строки намекают на обычай, известный как цумиягу — один из наиболее характерных в веселом квартале. Известно несколько песен и стихотворных произведений, в которых любовно и пространно описываются парчовые ночные одеяния и постельные принадлежности.

Тщеславие является неотъемлемой чертой прекрасного пола, а среди женщин, относящихся к классу юдзё, «стремление к соперничеству, показухе и блеску» не имело пределов. Они постоянно соревновались друг с другом, стараясь затмить своих сестер великолепием постельных принадлежностей. Продemonстрировать свое богатство с наибольшим блеском было делом профессиональной чести. В прежние времена с приближением Госэкку юдзё начинали одолевать постоянных клиентов просьбами оплатить это дорогое мероприятие. Делали они это так ловко, что ослепленные поклонники готовы были расстаться с несколькими сотнями долларов, чтобы удовлетворить их прихоти. Сейчас праздники, известные как Госэкку, соблюдаются не так строго, однако демонстрации цумиягу все же проводятся весной в период цветения вишни, осенью во время праздника фонарей, в первую неделю Нового года (мацу-но ути) или в дни тори-но мати (см. соответствующую главу), когда в Ёсивара бывает больше всего посетителей. Вообще, такие демонстрации постельных принадлежностей свойственны скорее омисэ (первоклассные дома) или тюмисэ (дома среднего класса), но иногда женщины из более мелких заведений с помощью цумиягу демонстрировали, что отнюдь не весь мир принадлежит их гордым сестрам из крупных заведений. Как я уже говорил, в прежние времена широко применялись золотое шитье и вышивка, сейчас ведущее место заняли дамаст и креп. Нынешняя (1899) цена комплекта цумиягу колеблется от 100 до 200 иен. Если воспользоваться крашеным крепом (юдзэн), то цену можно снизить до 100 иен, но дамаст будет стоить 200. Ну а если женщина склонна к экстравагантности, верхнего предела в цене не существует. Поскольку комплект цумиягу, заказанный в обычном гафукутэн (магазин мануфактуры), стоит очень дорого, их обычно заказывают у постоянных поставщиков внутри Ёсивара. Заключению сделки предшествуют длительные торги, и говорят, что, если в них участвует сам содержатель публичного

дома, этот хитроумный господин в обязательном порядке берет комиссию в 20% в качестве своего гонорара за предоставление «особо ценных услуг». Комплект цумиягу состоит из трех футонов и большого покрывала или стеганого одеяла. Летом к комплекту прилагается москитная сетка, а зимой — легкое покрывало. Ткани, как правило, подбираются самых ярких цветов. Женщины в возрасте предпочитают бледно-голубую подкладку, а молодые девушки обычно выбирают покрывала подбитые красным. Футоны оформляются в виде зеркал в рамах. Центральная часть того же цвета, что и подкладка покрывала, а края обшиваются бархатом. На покрывале золотой нитью вышивается герб клиента, подарившего комплект, а также герб юдзё, получившей его. Небольшое (легкое) покрывало (коягу), как правило, подбивается высококачественной ватой, но для больших покрывал (оягу) и футонов используется вата качеством ниже. Когда комплект полностью сформирован, он помещается на стойку внутри публичного дома сразу у входа лицом к двери, чтобы каждый входящий мог полюбоваться на него. Для большего привлечения внимания на цумиягу прикалывалась табличка с написанным крупными иероглифами именем его счастливой обладательницы. В день этой церемонии со стороны гостей было принято оставлять собана (подарок для всех обитателей дома) в размере 5 иен и еще 5 иен в виде собадай (оплата гречневой лапши), которой должны угоститься все юдзё заведения. Длительная демонстрация цумиягу не являлась полезной для репутации женщины, поскольку вскоре следовало приступить к следующей церемонии, называвшейся сикидзомэ (начало использования ягу). По этому случаю каждая конкретная женщина по традиции должна была сыграть роль хозяйки и развлечь клиента, подарившего ей комплект, устроив для него вечеринку с приглашением по крайней мере двух гейш для оживления вечера. Когда клиент набирался решимости преподнести комплект цумиягу своей избраннице, он должен был быть готов потратить на чаевые и прочие подношения еще не менее 50 иен сверх стоимости комплекта, а если в качестве посредника выступал хикитэдзая, то это ему обходилось еще в 10% комиссии. Цумиягу является предметом гордости, и женщины, не имевшие достаточно состоятельных клиентов,

способных профинансировать мероприятие, частенько обращались за кредитом к содержателям публичных домов, чтобы организовать все самостоятельно и этим поддержать репутацию и прорекламировать себя. Случалось иногда, что девушки, неспособные вернуть одолженные деньги, вынуждены были расставаться с постельными принадлежностями, к обладанию которыми они так стремились. Такие обстоятельства приводили к появлению на рынке подержанных комплектов, и говорят, что иные женщины, достаточно тщеславные, чтобы любить внешние эффекты, но недостаточно богатые, чтобы это себе позволить, брали эти реликвии напрокат и выставляли на всеобщее обозрение! Но давайте будем милосердны и прекратим обсуждать дела этих несчастных, поскольку грубо и недостойно мужчины вскрывать слабости человеческой натуры. [Что касается происхождения этого обычая, то говорят, что коси дзёро по имени Утанами из дома Мурая (хозяин Магосабуро) впервые устроила такую демонстрацию в годы Кампо (1741—1744).]

СОБАНА

(Круговые чаевые)

Собана — это чаевые, которые гость платит всему персоналу публичного дома. Их делят между собой яритэ, синдзо, работники-мужчины и баншики. Такое обычно происходит по гербовым дням (момбу: Новый год, Госэкку, тори-но мати и т. д.). Размер чаевых зависит от ранга заведения и составляет 2,5, 3, 4 и 5 иен соответственно. После передачи собана имена гостя и его дамы вывешиваются на видном месте в доме, и чем больше таких вывесок, тем выше репутация женщины. Обычай вошел в моду в давние времена, а в годы Кансэй (1789—1801) размер собана был лимитирован следующим образом: 3 рё в первоклассном публичном доме, 2 рё в публичном доме второго класса, 1 рё 2 бу для третьего класса и 2 бу для более дешевых заведений. Получив собана, все работники публичного дома собираются на пороге комнаты гостя и, встав на колени, благодарят его дружными аплодисментами.

СЁКАЙ

(Первое свидание)

и

МИТАТЭ

(Выбор женщины)

В «Дзэнсэй курува кагами» говорится, что в вечерние сумерки, когда становится прохладно и малоллюдно, раздается глубокий и в то же время меланхолический звук вечернего колокола храма Ирия, который наполняет сердце неясной тоской. Странно, но в то же самое время, когда торжественный звук храмового колокола разносится над холмами и долинами, женщины, «цветы Ёсивара, еще бутоны и уже раскрывшиеся», занимают свои места в клетках (мисэ-о хару) квартала публичных домов и весь юкаку наполняется оживлением. Куртизанки (практически скатившиеся до уровня товара, ожидающего своего покупателя) во всем великолепии своих коралловых и черепаховых гребней и заколок, торчащих над их головой, как нимб святого, роскоши нарядов из тяжелого шелка с золотой и серебряной вышивкой, которые гнетут своей непомерной ценой и опускают их все глубже в долговую омут, часами сидят на виду у прохожих. В прежние времена женщины обычно входили в свои мисэ под звуки мелодии сугаки и громкого стука гэсокуфуда — деревянных бирок, выдаваемых гостям в обмен за сданную под охрану приказчиков обувь. Среди юдзё гордо восседали о-сёку кабу (первые красавицы заведения) с накрашенными лицами и губами, нарисованными бровями, лениво покуривая длинные красные бамбуковые трубки, выпуская легкие синие колечки дыма, делая вид, что не замечают толпящихся перед клеткой людей, и в то же время по-кошачьи следя за каждым их движением. И пока прочие женщины шепотом обсуждают зевак, о-сёку делает вид, что занята изучением длинного послания, полученного от одного из своих многочисленных поклонников, время от времени улыбаясь, как будто прочла что-то особенно интересное. У такой опытной Иезавели обязательно есть несколько богатых клиентов, которые оплачивают ее счета, как правило, нет любовника (дзёро 情郎 — любовник, иногда читается «ий хито»), которому она помогает деньгами, она

избегает кокэяку (молодые безденежные клиенты) и сандзякуоби (бездельники из низших сословий). Она довольно стройна, у нее приятно очерченный нос, яркие глаза, и, если ее и нельзя назвать неотразимой, она интересна и привлекательна. Она наверняка неплохая актриса, поэтому выглядит просто очаровательно, когда шепотом переговаривается со своей сестрой-юдзё или грациозно наклоняет голову, прикрывая рукавом лицо, чтобы скрыть внезапный взрыв веселого смеха, а затем неспешно флиртует с возможным клиентом, пристально глядящим на нее сквозь прутья клетки. Это довольно пространное описание юдзё, которая является экспертом в искусстве обольщения мужчин и в связанных с обстоятельствами манипуляциях с клиентом (кякку-о нэкокасу). Женщины, озабоченные собственными проблемами, прячут руки в складках одежды, неестественным образом втягивают голову в плечи, нервно оглядывают клетку или каким-либо другим способом показывают свое беспокойство.

Те, кто дует в свисток из сухого плода физалиса (ходзуки), складывают из бумаги лягушек, занимается татамидзан (гадание по числу петель в татами) или играют в другие невинные игры, как правило, являются новичками в заведении и стараются завлечь гостей любым способом.

Когда гость желает воспользоваться «временной женой» и входит в заведение, к которому она принадлежит, вакаймоно проводит его в хикицукэдзасики (комнату для знакомств). Оглядев комнату, гость, скорее всего, увидит нишу с большим какэмоно (висящая картина), изображающим встающее солнце и аиста, потолок с нарисованным на нем огромным фениксом, все чистое, без единого пятнышка, так что у него появляется ощущение, что он оказался в стране фей. Зажигаются светильники, вносится черная лаковая шкатулка с курительными принадлежностями. Затем вносятся три чашечки для сакэ, чтобы (символически) провести свадебную церемонию — сансанкудо. Далее появляется девушка в сопровождении синдзо, которая играет роль свахи (накодояку), произносящей ритуальные фразы «аната» и «коната», на чем нечестивая «брачная» церемония заканчивается.

После этого юдзё уходит переодеться (о-месикаэ), а гость провожается в апартаменты, где уже накрыт стол, а в большой жаровне тлеют угли. Этот ярко-красный и горячий огонь на-

поминает о пылкой страсти бедняги клиента в соседней комнате, ожидающего свою партнершу и сгорающего от ревности и желания! Закуски поданы на огромных блюдах, но в микроскопических количествах, поэтому «пир» напоминает скорее демонстрацию, впрочем, этого достаточно для выставления солидного счета за о рёри (яства). Палочки для еды новые — обычные варибаси (палочка из криптомерии, расщепленная с одного конца, при ее разделении получаются две). Но, увы, они тоже скоро скатятся до самого неблагородного применения. Их могут использовать для снятия нагара со свечей или как щипцы для хибати в пустующей комнате¹.

Любопытно, что, когда служители чайных домов подносят чашечку сакэ проститутке, они всегда сидят боком, почти спиной к гостю, никогда не поворачиваясь к нему лицом. Такая привычка ненамеренно выдает их тайный умысел заманить клиента, выжать из него все, что возможно, и затем выбросить его на улицу! Сама юдзё при первом свидании с новым клиентом посматривает на него с подозрением и «завлекает» его сплетнями о своих «сестричках во грехе». Время от времени можно услышать звук от постукивания трубки о край бамбуковой плевательницы из соседней комнаты, а это, вероятно, означает, что ваш сосед устал ждать свою подругу и, чувствуя себя одиноко, вытягивает шею и напрягает слух в надежде услышать ее шаги. Говорят, что воин просыпается от самого тихого позвякивания конской сбруи, но в вышеприведенных обстоятельствах звук женских шагов в коридоре действует на засыпающего гостя в десять раз сильнее. В Японии, однако, мужчины не любят казаться слишком «мягкими», и поэтому, когда женщина, наконец, задвигает за собой сёдзи (бумажная дверь)², ее гость притворяется крепко спящим. Это называется тануки нэири (сон барсука). Толпы бездельников (известных как хиякаси) постепенно покидают Ёсивара, и ничто, кроме криков лоточников, торгующих лапшой, и слепых массажистов (ам-

¹ М а в а с и - б э я — свободная комната, в которой клиент ожидает, пока юдзё проводит предыдущего гостя из своих апартаментов.

² С ё д з и — стенные клетчатые рамы из легких деревянных планок, заменяющие в традиционном японском жилище окна. С внешней стороны оклеены полупрозрачной бумагой. Легко двигаются в пазах, при необходимости сдвигаются в одну сторону или вынимаются. (*Примеч. пер.*)

махари) да мрачного воя бродячих собак, не нарушает спокойствия ночи. Но даже когда наступает относительная тишина, сон гостя нарушен так основательно, что он еще долго ворочается, дожидаясь утра. После нескольких часов неглубокого сна, который оставляет клиента еще более изнуренным, небо на востоке начинает нежно розоветь, в соседнем дворе просыпаются вороны и начинают кружить в воздухе, громко и насмешливо каркая. Изнуренный и опустошенный излишествами, слабый после ночного дебоша, бедный гость, чувствуя себя полностью измочаленным, с трудом выползает из постели и, готовый вернуться домой, тащится к умывальнику.

О боже! Что за лицо он видит отраженным в воде! Перекошенное, изможденное лицо с бледными, бескровными губами и заплывшими, налитыми кровью глазами! И тошнота от непереваренной пищи и разбавленного сакэ, и головная боль, и впечатляющий счет — длиной в шесть футов, — от которого волосы встают дыбом! Печальная жертва собственной глупости оплачивает счет и быстро ускользает от юдзё, которая вышла его проводить и сказать «О-тикай ути» («Приходите еще»), с трудом забирается в коляску рикши и направляется домой, в душе полностью соглашаясь с известными словами из Библии: «Vanitas vanitatum, et omnia vanitas»¹.

ИЦУДЗУКЭ-НО КОТО

(Несколько дней, проведенных в публичном доме)

В «Дзэнсэй курува кагами» говорится: случаи, когда в публичном доме проводят несколько дней подряд из-за плохой погоды или по другим причинам, известны под названием ицудзукэ-но кото.

ОТЯ-О ХИКУ ТОЮ КОТО

(Измельчение чая)

В «Добо гёэн» отмечается, что термин «о-тя-о хику», относящийся к женщинам с дурной репутацией, у которых нет клиентов, имеет давнее происхождение и является одним

¹ Суета сует и все суета. (Примеч. пер.)

из забавных идиоматических выражений диалекта Ёсивара. Свой жаргон существует во всех кварталах проституток, но наибольшее распространение это явление получило в токийском Ёсивара. В годы Кэйтё (1596—1615) прислужницы в различных чайных домах в Удзи (недалеко от Киото) были, по сути, нелегальными проститутками и имели привычку вступать в противозаконные связи с клиентами своих заведений. Свое свободное время они проводили в приготовлении чайной пудры (о-тя-о хику) для чайной церемонии, и с течением времени это выражение стало использоваться как эпитет куртизанок, не имеющих клиентов, вследствие своей непопулярности. Выходцы из Удзи и Киото занесли это выражение в Токио, и оно стало частью диалекта Ёсивара. Теперь оно распространилось по всей империи.

СИКИДЗОМЭ-НО СОБАБУРУМАИ-НО КОТО

(Угощение гречишной лапшой по случаю первого использования ночных одеяний)

Угощение гречишной лапшой соба всех обитателей дома по случаю использования юдзё новых ночных одеяний является всеобщей традицией. Этот обычай касается всех классов женщин, от гордых ойран до нагайдзёро. Однако женщины низших разрядов лишены возможности продемонстрировать свои ночные одеяния (кроме как за свой счет или при поддержке клиентов) по причине дороговизны последних. Так что можно сказать, что в церемонии принимают участие в основном женщины из домов первого (омисэ) и второго (тюмисэ) разрядов. Изначально такая церемония проводилась только по случаю первого использования цумиягу (постельных принадлежностей), но позже приобретение новых ночных одеяний (как правило, под Новый год) для хозяйки обновления стало поводом угощать всех обитателей дома гречишной лапшой. Этот обычай, который существует до сих пор, называется сикидзомэ-но собабурумаи-но кото. В обычных домах показ постельных принадлежностей и ночных одеяний в дневное время считается неприличным и приносящим несчастье. Однако болезнь и последующее выздоровление являются поводом для празднования и прове-

дения церемонии токоагэ (смена постельного белья). В публичных домах же преследовались иные цели. Содержателя радовало использование постельного белья даже в дневное время, потому что это имело прямое отношение к его «делу».

В различных публичных домах использовались разные способы определения «первой дамы» дома (осёку). В одних учитывалось общее количество клиентов, в других — число надзимиакяку (постоянных гостей), в третьих — применялся довольно циничный метод подсчета всех денег, потраченных клиентами на определенных женщин. В первоклассных заведениях ничего подобного не было и ранг женщины определялся количеством и качеством ее собственных ночных одеяний и тех, что она подарила службе и в своем, и в других домах. Такая идея заслуживает всяческого уважения, а ночные одеяния в Ёсивара имеют и женщины, и мужчины.

СЯСИН МИТАТЭТЁ

*(Фотоальбомы, облегчающие
выбор женщин)*

Вечером, когда зажигались лампы, в низкоразрядных домах женщины размещались в узких длинных клетках, где сидели, напоминая неподвижные восковые фигуры с напудренными лицами и накрашенными губами, как простой товар, выставленный на продажу. В таких условиях возможный клиент мог легко сделать выбор, поскольку ему нужно было всего лишь указать на приглянувшуюся ему женщину, чтобы тут же ее получить. В домах первого и второго класса такой вещи, как харимисэ (выставка-витрина), не было, и желающие посетить эти дома должны были пройти процедуру представления в хикитэдзя. Выбор девушки, как правило, отдавался на усмотрение хозяйки чайного домика, которая, естественно, старалась изо всех сил, чтобы клиент остался доволен.

Примерно до 1882 года (15-й или 16-й год Мэйдзи) фотографии всех обитательниц выставлялись в рамках на фасадах

публичных домов, однако сейчас подобная практика прекратилась. Вместо этого для удобства гостей в хикитэдзья предоставляются фотоальбомы с портретами женщин из домов первого и второго класса. Такие альбомы назывались сясин митатэтё (фотоальбомы, облегчающие выбор женщин) и были снабжены довольно интересными комментариями.

Фотоальбом из Охикоро: старое высказывание по поводу того, что при желании увидеть цветы следует отправиться в Ёсино, звучит довольно глупо, поскольку в Ёсивара можно найти любой цветок. Правда, сейчас обычаи отошли в прошлое и цветы более не появляются на Накано-тё. Те, что можно увидеть, скрыты за оградами, а ойран (кого можно назвать королевами цветов) скрываются от нескромных взглядов в своих апартаментах и могут быть сравнены с прекрасными соцветиями, скрытыми густой дымкой. И поскольку прогулки по Накано-тё больше не случаются, мы предлагаем собрать всех красавиц в небольшой фотоальбом и предоставить нашим достопочтимым гостям возможность самим выбрать любезный им цветок и т. д. и т. д.

В этом комментарии содержится непере译имый из-за игры слов поэтический намек на то, что благосклонность гостей «может быть недолгой, как сон в весеннюю ночь», но, с другой стороны, настолько долгой и постоянной, насколько красивы и толсты постельные принадлежности в доме. (В японском языке слово «толстый» — ацуй — имеет несколько значений: во-первых, антоним к «тонкий», а также «сердечный, заботливый и щедрый». Кроме того, есть значение «сердечный» или «участливый», а в некоторых случаях слово применяется для выражения идеи «влюбленности».)

Фотоальбом из Кадоэбиро: «Китайские иероглифы кодзэн (紅髯 — рыжая борода) могут по созвучию также быть прочтены как кодзэн (浩然 — твердый, решительный) и как кайро (海老 — креветка). Эти иероглифы также читаются «эби», что является частью названия дома и на слух напоминает слово «кайро» (耄老 — прожить долгую жизнь и быть похороненными вместе, не разлучаясь даже в смерти). В старых иероглифах скрыто множество смыслов, и каждый может выбрать тот, который ему больше по душе».

СЁГИ-НО НЭДАН АИДЗИРУСИ

(Тайные знаки, сообщающие о гонораре куртизанок)

Согласно «Кёкутэй дзакку», написанной известным писателем Бакином¹ в годы Кёхо (1716—1736), в сайкэн (путеводитель)² все таю обозначались значком . Тогда цена составляла 60 моммэ (10 иен). В те же времена появился класс куртизанок кё-но таю, но не привлек большого внимания публики. В период с годов Кёхо (1716—1736) до годов Хорэки (1751—1764) различные разряды женщин обозначались разными значками:

 таю, косидзёро, нинин кабуро, ёбидаси, цукидаси, дзасикимоти, кокин, бункин, тюя, нисю, утикоми, ямасантя, умэтя, госун цубонэ, нами цубонэ и хаагэя, тьяя.

В 6-м году Гэмбун (1741) в сайкэн впервые были обозначены цены на услуги куртизанок, и выглядели они так:

 таю, 80 моммэ (13,33 иены), коси, 60 моммэ (10 иен), ёбидаси, 45 моммэ (7,50 иены), сантя (за день и ночь), 3 бу (7,50 иены), бун, 1 бу (2,50 иены), 12 моммэ (2 иены), сисун, нами цубонэ, шесть чайных домов, связанных с агэя. С тех пор многое изменилось, приведенные ниже знаки используются в сайкэн и сегодня (1899):

		Иен, сенов
(Ириямагата хитоцубоси)		цена 1,20
(Ириямагата)		— 0,90
(Мицуямагата хитоцубоси)		— 0,60
(Мицуямагата)		— 0,50
(Фтацуямагата хитоцубоси)		— 0,40
(Сироямагата)		— 0,35

¹ Такидзава или Кёкутэй Бакин (1767—1848) — писатель. Настоящее имя — Такидзава Окикуни.

² В Ёсивара регулярно издавались подобные путеводители. В них содержались имена и расценки всех обитательниц публичных домов.

			<i>Иен, сенов</i>
(Ямагата хитоцубоси)	△	—	0,30
(Ямагата)	∧	—	0,25
(Цудзи)	×	—	0,20

САНГЁ ТЁМЭН-НО ЦУКЭКАТА

*(Система бухгалтерского учета у куртизанок,
в публичных и чайных домах)*

В прежние времена не существовало единых правил ведения бухгалтерских книг в публичных и чайных домах, что создавало у властей определенные трудности при необходимости проверки их финансовой деятельности. В феврале 1884 года «Распоряжение о трех профессиях» зафиксировало единую форму ведения бухгалтерских книг в публичных и чайных домах, призывая содержателей подобных заведений и впредь придерживаться ее. Система, появившаяся в 1884 году, существует до сих пор. Ниже приводится описание отчетных документов и т. п.

На обложке бухгалтерской книги публичного дома, прямо посередине, было написано: «Касидзасики мототё», справа — «Мэйдзи наннэн нангацу наннити ёри, наннэн нангацу наннити мадэ» («Начата д. м. закончена д. м. 189... года»), а слева название заведения и имя хозяина. Книга состояла более чем из 200 листов ниси-но ути или обанси (сорта бумаги) и содержала следующие пункты:

1. Имя хозяина публичного дома.
2. Книга должна храниться не менее четырех лет.
3. Налоги должны выплачиваться ежедневно согласно инструкциям.
4. В книгу должны вноситься полные имена всех гостей, имена занятых сёги, имена приглашенных гейш, названия сотрудничающих хикитэдзя, расценки сёги и гейш, суммы, потраченные гостями, выплаченные авансы и т. п. (Эти пункты могут быть записаны условными значками, но общий баланс должен быть написан обычными буквами.)

5. На первой странице книги должны быть приведены все использующиеся условные знаки, а о случаях их изменения должна извещаться центральная контора.

6. Помимо этой должно использовать еще две книги учета (одну для хозяина борделя и одну для самой сёги). На этих книгах должна стоять печать администрации квартала, и они должны храниться не менее одного года.

7. Налоговые выплаты должны осуществляться на основе этой бухгалтерской книги. Ежедневные отчеты должны составляться по следующему образцу. (Ежемесячные отчеты должны составляться так же.)

ФОРМА ОТЧЕТА

Количество гостей.....

Количество занятых женщин.....

Валовая выручка..... иен

ДЕТАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ	иен	сенов
<i>Сёги агэдай</i> (гонорар куртизанок).....		
<i>Сэкирё нанко</i> (аренда комнат)		
<i>Сюкохан комонодай</i> (сакэ, закуски и пр.)		
<i>Гэйги агэдай</i> (гонорар гейш).....		
<i>Сюги сонно хока татэкаэ</i> (подарки и авансы)		
Общая выручка публичного дома.....		
Налог		
Общая выручка куртизанок		
Налог		
Общий налог.....		

Настоящие правила изданы Городским полицейским управлением и обязательны к исполнению.

(Дата)

Инспектор по Син-Ёсивара.

(В книге страниц)

ГЕЙШИ

В книге используются следующие условные знаки:

○	Гонорар куртизанки	сенов.
●	То же	□ То же
△	Гонорар гейши	сенов.
⌘	Закуски	□ То же
卍	Сакэ, 1 бутылка	сенов.
卍	Сакэ, 2 бутылки	сенов.

Пример использования условных знаков:

Дата

Название хикитэдзяя

○		Имя гостя
○		Имя куртизанки
○	⌘⌘⌘	Имя гостя
○	⌘⌘⌘	Имя куртизанки
○	卍	Имя гостя
○	卍	Имя куртизанки
△△△		Итого

Из вышеприведенного примера видно, что компания из трех гостей наняла трех сёги и одну гейшу, которые отработали время сгорания четырех ароматических свечей (сэнко). Отсюда же следует, что гости заказали три набора одай (большое блюдо) и один набор намидай (малое блюдо) и при этом выпили четыре бутылки сакэ. Нет нужды приводить порядок ведения учетных книг в хикитэдзяя, потому что он практически такой же.

У каждой сёги имелась своя небольшая книжка (тэби-каэ), чаще называемая гёкутё, в которую заносились все ее ангажементы. Строгих правил ведения гёкутё не существовало, однако сёги должны были подсчитывать свои доходы каждые десять дней и заверять итоговый баланс печатью хозяина публичного дома. Книжки должны храниться на про-

тяжении всего срока, во время которого женщина работает в публичном доме.

М-р Норман в своей книге «Настоящая Япония» в связи с методами ведения отчетности в Ёсивара отмечал: «Нет нужды говорить, что в таких условиях никакой Соломон не смог бы придумать, даже теоретически, систему защиты от безудержной жадности. Например, каждый житель Японии имеет собственную печать, заменяющую ему нашу подпись. Эта печать ставится на все документы и даже на личные письма, и подделка такой печати считается преступлением. По закону каждый содержатель касидзасики обязан вести большую книгу учета всех денежных отношений между ним и сёги, а сёги, в свою очередь, обязаны иметь наибольшую книжку учета, где она делает аналогичные записи и заверяет их своей печатью. Полиция, с целью предотвратить возможные злоупотребления, регулярно проверяет такие книжки, а хозяину публичного дома законом запрещено отбирать у девиц личные печати. Однажды я в компании своего официального переводчика посетил самый большой и лучший касидзасики в Ёсивара. Содержала его хитроватого вида женщина лет пятидесяти. В доме, который она построила за 45 000 долларов, находилось 45 сёги. В ее личных апартаментах нас угостили чаем, и через некоторое время я спросил, могу ли я задать ей особый вопрос. «Конечно», — ответила она. «Любой вопрос?» — «Да». — «Тогда, — сказал я пожилой даме через моего переводчика, — не могли бы вы показать мне несколько печатей ваших женщин, которые сейчас находятся в вашем распоряжении». Она заметно поморщилась и изменилась лицом, но через минуту встала и молча вышла. Вернулась она сразу же с личной печатью конкретной госпожи Ман. Я сделал оттиск печати в своей записной книжке, чем вызвал неподдельное беспокойство хозяйки. Это говорило о том, что она имеет обыкновение самостоятельно заполнять все учетные книги, заверяя их печатями своих юдзё, затем предъявляя полиции аккуратные записи, в то время как сёги попросту не видят своих книжек и не знают состояния своих финансов».

Кстати, гипотетический вариант записей, вносимых куртизанками в такие книжки, дан в «Сярэбон» Икку Дзиппэн-ся (1765—1831) — Марка Твена старой Японии.

Как вести книгу учета посетителей:

1-й	●	(первый)	Желанный! О, как я люблю тебя! Приходи же! Хаманоя.
2-й	○ ●		Раздражает и очень злит. Китисама.
3-й	●		Он меня не понимает, и это очень раздражает. Рюсама.
4-й	●	(второй)	О ты, тошнотворное мерзкое животное! Ты похож на Хэйсаку-Осьминога! Сумия.
5-й	●	(первый)	Парень выглядит как Хатибэй из Тамати (то есть как осел) Исэя.
6-й	○ ●	(первый)	Люблю тебя! Приходи скорей! Сумия.
7-й	●	(первый)	Ты такой красивый! Хочешь прийти, приходи! Минатоя.
8-й	○ ●		Ах, какая радость и счастье! Минатоя и Ясу Сама.

ЮДЗЁ-НО ХИКИФУДА

(Реклама публичных домов)

Вплоть до 20-го года Мэйдзи и публичные дома и хики-тэзэя свободно распространяли рекламные листки для привлечения клиентов, но теперь любая реклама кварталов проституток строго запрещена властями. В этих обстоятельствах, возможно, будет интересным привести несколько образчиков этих старых листков.

(Примечание. Первый из двух листков датирован 1-м годом Каэй (1848), второй — 5-м месяцем 1-го года Ансэй (май 1854), а третий — 8-м годом Мэйдзи (1875). Последний, в отличие от других, не блещет ни «антикварностью», ни «изяществом» и был напечатан на импортной бумаге с помощью стандартного импортного оборудования, что говорит о том, что достижения цивилизации проникают во все сферы жизни этой энергичной страны!)

Образец № 1

Мне доставляет огромное удовольствие знать, что мои клиенты находятся в добром здравии. Благодаря вашим покровительству и благосклонности, за что я премного благо-

дарен, я имею возможность заниматься содержанием публичного дома уже много лет, но с сожалением должен отметить, что процветание Ёсивара идет на убыль. Причиной такого состояния дел можно назвать дурные привычки, укоренившиеся в домах некоторых из моих собратьев, которые ведут дело в соответствии со своими пристрастиями и полностью игнорируют правила, провозглашенные в годы Кансэй (1789—1801). Например, появился обычай выплачивать хикитэдзя по 300—350 мон (около 30—35 сен) за каждые 2 тю (1,25 иены), потраченные гостем или делить все потраченные им деньги пополам между чайным и публичным домами, в результате чего в последние несколько лет появилось более трех сотен новых хикитэдзя.

В этих обстоятельствах качество напитков и закусок, подаваемых гостям, неизбежно ухудшается, что приводит к общему упадку нашего «дела». Однако я предлагаю иной способ ведения дел и больше не принимаю гостей по рекомендации чайных домов. Вместо этого я обслужу вас быстро с оплатой наличными на месте по выгодным ценам, представленным ниже. Кроме того, я нанял много женщин, которые смогут удовлетворить любое желание гостя, и обращаю пристальное внимание на качество сакэ, закусок и постельных принадлежностей. Я буду вам премного благодарен, если вы расскажете о моих нововведениях своим друзьям, и прошу вас почтить своим визитом мое заведение днем или ночью напрямую, не связываясь с чайными домами.

	Раньше	Мои цены
1. Женщина с апартаментами	1 бу (2,50 иены)	12 моммэ (серебром) (2 иены)
2. Женщина с комнатой	2 сю (1,25 иены)	6 моммэ (серебром) (1 иена)
3. Гейша для вас	2 сю (1,25 иены)	6 моммэ (серебром) (1 иена)

НВ. Мы предоставляем сакэ марки «Масамунэ», и наши закуски по качеству полностью соответствуют лучшим ресторанам.

Чайные и подарки «подругам» и гейшам по усмотрению гостя.

Ни один гость, пришедший из чайного дома, не будет обслужен.

(Дата)

(Подпись)

Мандзия Мокити

Сумитё

Син-Ёсивара

Если женщина Вас чем-то не устроит, возможна ее замена.

Образец № 2

Устное сообщение

Я чрезвычайно рад отметить, что все мои клиенты находятся в добром здравии. Я также благодарен за то, что мы переживаем длительный период мира и спокойствия, который позволил мне много лет беспрепятственно заниматься своим делом. Желая предоставить некоторые нововведения для развлечения моих гостей, я придумал новый танец, который исполняют мои юдзё, под аккомпанемент из популярных песен. Этот танец напоминает тот, что в старину исполняли сирабёси (певицы-танцовщицы вроде гетер), и я уверен, что мои постоянные клиенты получат истинное удовольствие. Гости, приходящие в мое заведение, или при посредничестве чайного дома, или непосредственно могут рассчитывать на самое вежливое и внимательное обхождение. Что же касается цен, то главной целью моего дома является установление платы настолько умеренной, насколько возможно без снижения качества обслуживания гостей. Я надеюсь, что о моих нововведениях станет известно почтенной публике за пределами квартала и нескончаемый поток гостей потечет в мое заведение.

Юдзё, сакэ, суп, онсудзурибута (блюдо с закусками), онхатдзакана (блюдо с рыбными закусками) и мицумоно (набор закусок в трех фарфоровых сосудах) 3 бу (7,50 иены)

ДЖОЗЕФ ДЕ БЕКЕР

Юдзё, сакэ, суп, кутитори (салат) и мицумоно	1 бу, 2 сю (5 иены)
Юдзё, сакэ, суп, блюдо с закусками и мицумоно	2 бу (5 иен)
Юдзё, сакэ, суп, гарнир и фтацумоно	1 бу (2,50 иены)
Юдзё, сакэ, суп и фтацумоно	2 сю (1,25 иены)
Гейша и одно блюдо закусок	2 сю (1,25 иены)

NB. Для тех, кто не любит сакэ, может быть подан чай и кутитори (десерты).

Действительно с 10-го дня 5-го месяца (цикла Тигра).

Дайкокуя Бунсиро
Эдотё-иттёмэ,
Син-Ёсивара

Образец № 3

И з в е щ е н и е

С учреждением сангё кайся (контора по надзору за «тре-ма профессиями») я по не зависящим от меня причинам был вынужден вести свои дела через эту контору, что привело к разногласиям между содержателями публичного дома и хозяевами чайных домов. Одно время появилось ощущение, что проблема разрешилась, но, к сожалению, это оказалось не так, поскольку я узнал о том, что хозяева чайных домов сговорились и решили больше не направлять гостей в мое заведение. Не то чтобы это очень меня расстроило. Мое дело процветает, как и прежде, потому что я полагаюсь на своих постоянных клиентов, а не на чайные дома. Но это еще не все! Когда прелестные дамы (ойран), принадлежащие моему заведению, узнали о таком недружественном решении хозяев чайных домов, они выразили свое негодование по поводу попытки помешать их делу. Они предложили объединить наши усилия по повышению популярности нашего заведения и настояли на том, чтобы я приложил все усилия для более полного удовлетворения клиентов, а они со своей стороны обещали помочь мне убедить этих из чайных домов

в том, что Ёсивара сможет процветать безо всяких хикитэд-зя. Своим уважаемым клиентам я объясню, что прекрасные дамы имели в виду. Согласно моему плану первым делом я желаю снизить затраты гостей до возможно наиболее низкого уровня, а во-вторых, приложить все усилия для того, чтобы отдых дорогих гостей был как можно более приятен. Что касается женщин, то их число скоро увеличится, они будут изящно одеты, подобно грациозным накаи (служанки) из Киото и Осаки. Большое внимание в моем заведении будет уделено кухне. Отныне отдельные блюда будут подаваться без взимания дополнительной платы. Изменения вступят в силу после 1 сентября, а вам остается лишь проверить правдивость этого объявления. Я верю, что новости разлетятся вдаль и вширь, и надеюсь, вы осчастливите меня своими частыми визитами и благосклонностью.

Сентябрь, 1875

Кимпэй Дайкоку (хозяин касидзасики)
Эдотё-иттёмэ, Син-Ёсивара

АГЭЯ-НО САСИГАМИ

(Повестки в агэя)

В прежние времена гость не мог явиться прямо в публичный дом, а должен был договориться о найме куртизанки через агэя. После этого из агэя в публичный дом направлялась письменная повестка (сасигами) с указанием имени женщины. Посыльный с этой сасигами сопровождал куртизанок как из публичного дома в агэя, так и обратно, поскольку, как только гости заканчивали кутеж и уходили, юдзё отправлялись обратно в свои дома. В «Кагай манроку» приводится образец такой повестки. Это был листок бумаги размером 28 на 13 см (или 9 сун 6 бу на 4 суна 3 бу) со следующим текстом:

Образец сасигами

Г-ну Сёдзабуро

Поскольку сегодня у нас гость, мы хотели бы воспользоваться услугами куртизанки из вашего дома по имени Цу-

масаки в дневное время. Я гарантирую, что мой гость не из тех, кто скрывается от властей, но вполне респектабельный господин, и если у кого-то есть что возразить, то я готов дать пояснения в любое время в любом месте. Это сказано на случай наших дальнейших отношений.

5-й день 5-го месяца

(Подпись)	Кюэмон (хозяин)	(Печать)
(Вторая подпись)	Тёбэй (администратор)	(Печать)

Эта сасигами была выписана в год Собаки — второй год Тэнна (1682). В то время хозяином Кадомандзия в Сумитё был Сёдзаэмон. Также в той же книге («Кагай манроку») приводятся следующие правила, касающиеся агэя, которые действовали в период Тэнна.

1. Юдзё не должна задерживаться после ухода гостя.

2. Агэя должен предоставить слугу-мужчину для сопровождения юдзё в и из чайного дома. Слуга должен быть бо-сым (суаси).

3. Если куртизанка не желает встречаться с каким-либо определенным гостем, яритэ (женщина-распорядительница публичного дома) должна постараться убедить куртизанку изменить свое решение, и, если ей это удастся, ей высылается соответствующая повестка, а по подведении итога выплачивается вознаграждение. (На практике именно яритэ решала, будет тот или иной гость принят.)

4. Когда юдзё, уже имеющая ангажемент, приглашается к следующему гостю, тот должен оплатить сюрайгин (дополнительная плата) тому чайному дому, который нанял ее раньше. Если, однако, гость соглашается на замену юдзё, сюрайгин не выплачивается. Если гость, заказавший все заранее, не является, аренда помещения (дзасикидай) не оплачивается.

Таким образом, если кто-либо в те времена хотел нанять куртизанку, то ему во избежание недоразумений приходилось заботиться об этом заранее, договариваясь о дате, чтобы не было недоразумений. Такая договоренность называлась кэнъяку (兼約 — предварительный договор). Практика

отказа от более раннего ангажемента в пользу гостя, пришедшего позже, называлась мораи (貰ひ — что-либо полученное, подарок). Если это удавалось, удачливый клиент должен был, помимо обычной платы, внести дополнительную сумму компенсации тому агэя, который организовывал прежний ангажемент. Эта компенсация и была сюрайгин, отмеченная в вышеприведенных правилах. Происхождение агэя относится ко временам Мотоёсивара, и к годам Тэнна (1681—1684) и Дзёкё (1684—1688) эти заведения достигли зенита своей популярности. С появлением сантядзёро агэя стали постепенно приходить в упадок, пока к 10-му году Хорэки не исчезли совсем, оставив после себя хикитэдзья.

КУРУВА КОТОБА, ИЛИ ДИАЛЕКТ ЁСИВАРА

Так получилось, что в Ёсивара сходились люди из разных концов страны, где разговаривали на различных диалектах. Это вызывало определенные неудобства у посетителей квартала, поэтому, чтобы сделать язык насколько возможно единообразным, был выдуман диалект, известный как сато котоба (里言葉 язык квартала проститутки), и все проститутки были обязаны его выучить. «Хокудзёрё кигэн» отмечает: «Когда женщина говорит на диалекте Ёсивара, маскируются все недостатки ее произношения, независимо от удаленности местности, откуда она прибыла, а сама она получает марку постоянного обитателя квартала. По этим соображениям изучение сато котоба усиленно поощрялось».

Однако некоторые считают, что диалект был принесен из Симабара в Киото (известный квартал проститутки), потому что в главе «Симабара» в «Укиёэ моногатари» встречаются популярные выражения на сато котоба «кинансита ка?» («ты пришел?») и «хаёинанси» («приходи скорее»).

Согласно старинным записям периода Мэйва (1764—1772), неправильный глагол высокого стиля «масу» («быть»), который применяется только как окончание к другим глаголам, был сокращен до «нсу», и такие слова, как «омоимасу» («думать»), «годзаимасу» («быть», «иметь») и «мосимасё» («сказать», «быть»), превратились в «омоинсу», «годзаринсу», «мосинсё» и т. д. В конце годов Анъэй (1772—1781) он превратился в

«ису», и слова вроде «омоимасу» и «годзаимасу» часто произносились как «омоису» и «годзарису». В тот период «годзаримасу» часто произносили как «годзансу» или «одзансу», а в самом вульгарном просторечном варианте иногда даже «годзэнсу» или «годзэсу». Таким же образом «насаримасэ» («пожалуйста, соизвольте сделать») превратилось в «насансэ». Однако в диалекте Ёсивара это слово сократилось еще более — до «нанси». Так вместо «о кун насай» (сокращение от «о курэ насаримасэ» — «соизвольте») и «о агари насаимаси» (сокращение от «о агари насаимасэ» — «пожалуйста, войдите» или «пожалуйста, откушайте») появились «о кун нанси» и «о аган нанси» и т. п. С конца годов Кёва (1801—1804) и до годов Бунка (1804—1818) «масу» и «маси» поменялись на «намаси», а позже на «дзансу», «дзайсу», «дзаимасу», «оссу», «ариису» и т. д.

В прежние времена в разных публичных домах существовали свои особые диалекты, но, поскольку отдельного интереса они не представляют, мы их не рассматриваем.

Чтобы понять идею этого диалекта, приведем несколько примеров различных выражений:

Диалект Ёсивара	Современный японский	Русский
Нуси-ва мада тья-ни иинска?	Аната-ва мада тья-ни инасару ка?	Вы все еще в чайном доме?
Корэ-о ми нанси	Корэ-о горан насай	Посмотрите на это
Ойдэ нансэн ка э?	Ойдэ насаимасэн ка?	Не желаете ли пойти? (или) Не желаете ли прийти?
Мо титто ситэ мэринсё	Мо титто ситэ маиримасё	Я пойду (или) приду чуть позже
Усо-усо симэ ё	Савайдзя икэнай	Не волнуйтесь
Соннара отаномосинсу	Соннара отаноми мосимас	Оставляю на ваше усмотрение
Сорэ-ва тарэси-мо со-дэ одзансу	Сорэ-ва дарэ дэмо со-дэ годзаимас	Так бывает со всеми
Со оссэсу га...	Со оссяимас-га...	Вы так сказали, но...
Курасинсу дзо-э!	Утимас ё!	Я тебя ударю!
Обусярдзансу на Хагуракасу	Бака-ни суруна Агэаси-о тору	Не делай из меня дурака Поймать на слове

ГЕЙШИ

Диалект Ёсивара	Современный японский	Русский
Сонна кото-ва си-ринсэн	Сонна кото-ва си-римасэн	Ничего об этом не знаю
Ябо	Фуаннаи-но хито	Новичок
Суи	Цудзин	Бывалый
Ёндэ киро	Ёндэ кой	Позовите его
Хаяку опласиро	Исойдэ ёндэ кой	Быстро позовите его
Иттэ коё	Иттэ куру	Я приду
Аёбиярэ	О аруки насай	Пойдемте, пожалуйста
Фуккобосу	Кобосу	Проливать, ворчать
Кэтина кото	Варуй кото	Что-то плохое
Косоппай	Кособай	Шекотно
Унасаруру	Осуваруру	Увидеть во сне кошмар
Дайдзин	Фукаяку	Богатый гость
Датэ	Датэ	Щеголь
Ханка	Наманака	Наглый
Сяракусай	Намаики	Притворяться
О кан	Ацумоно	Горячий
Танабата	Тама-ни куру яку	Случайный гость
Кудзэцу	Тива гэнка	Выговор, получаемый мужем от жены наедине
Саси	Айгатаки кяку	Гость, которого неприятно принимать
Нуси	Иро отоко	Любовник
Оюкарисама	Надзимиакяку	Знакомый гость
Муко-но хито	Ётаси акиндо	Владелец магазина в Ёсивара
Сиротоя	Фуцу-но сёка	Торговцы и лавочники
Готэ сан	Готэйсю	Хозяин чайного дома или отеля
Окасан	Окамисан	Жена вышеназванного
Анисан	Муско	Сын вышеназванного
Гэбидзо: Курайнукаэ	Босёку суру хито	Обжора
Инасэ	Сугата-но ёй хито	Красивый человек
Ситтака ё	Бакарасий	Глупый

ДЖОЗЕФ ДЕ БЕКЕР

Диалект Ёсивара	Современный японский	Русский
Дзирэттосу	Дзрэтто годзаимас	Я волнуюсь
Ё дзансу	Ё годзаимасу	Хорошо
Нан дзансу ка?	Нандэ годзаимас ка?	Что это?
Киисита	Кимасита	Пришел
Даси китто	Аравасу	Показать или подтвердить что-либо
Синобикомэру	Хисока-ни	По секрету
Сямисэнбан	Мисэ-но сямисэн-о адзукару синдзо	Ответственный за сямисэны
Нанто дэмо ии нанси	Нанто дэмо оиина-сай	Говорите что угодно
Тётто ми нэ!	Миягарэ!	О! Посмотрите на него!
Ии амэ даккэ нэ!	(То же)	Какой хороший дождь! ¹
Акирэкэру ё	Акирэкаэру ё	Я поражена
Поти-поти	Ойран-ни кавайга-рарэта хито	Гость, приятный куртизанке
Тяки-тяки	Ойран-ни никума-рэта хито	Гость, неприятный куртизанке
Кифу	Киитафу	Придирчивый
Сиоя или Эндзиро	Дзиман унуборэ-но хито	Самоуверенный парень

Как говаривали в период Бунка (1804—1818): Огия можно отличить по «ватакуси», Тамая по «сицуката», Тёдзия по «дзансу», Мацубая по «осу». Так говорили, имея в виду забавные словечки, ходившие в определенных домах и превратившиеся в «дзансу», «дзайсу», «оссу», «осу ариису» и т. д. В настоящее время сато котоба полностью исчез, но поскольку много женщин приезжают из западных провинций, находящихся по соседству с Киото, то в Ёсивара можно и сейчас услышать «аната ицу кияхаримас?» («когда ты придешь?»), «со дакка?» («да неужели?»), «ахорасий!» («чепуха!») и т. д.

¹ Говорится куртизанкой гостю, который застрял в борделе из-за плохой погоды.

СЁГИ-НО ОКОНАУ ДЗЮХО

(Магические ритуалы Ёсивара)

Обитатели Ёсивара — люди сильно суеверные и верящие в приметы, в частности, они старательно избегают всего, что может быть истолковано как дурное предзнаменование. Слово «тя» («чай») считается несчастливым, потому что оно есть во фразе о тя-о хику (букв.: измельчение чая, но индизказательно относится к непопулярным женщинам и означает «быть не у дел»), почему всячески избегаются не только куртизанками, но и гейшами. Куртизанки называли чай «агадебана» («цветок, тянувшийся вверх». Подразумевался гость, поднимающийся по лестнице), или «ямабуки» («желтая роза»)¹, или же Удзи (топоним), потому что цвет заваренного чая напоминает цвет ямабуки, а также потому что Удзи (недалеко от Киото) является известным районом производства чая. Гейши говорят о чае «одэбана» («чудесный, появляющийся цветок»), потому что это выражение передает идею их «выходов» и получения подарков (хана) от гостей. Считается, что сидение на лестнице может привести к уменьшению количества гостей. Если кошка или какая-то домашняя птица проходили через комнату, их тут же ловили и выносили вон в том же направлении, откуда они пришли, так как местные обитатели считали, что оставленное без внимания данное событие приведет к тому, что гости перестанут останавливаться в доме. В Ёсивара существует множество подобных суеверий и забавных ритуалов, призванных разрушить злые чары. Каждый вечер банто каждого публичного дома произносит молитву перед «энги дана» («получки счастья», на которые раньше выставлялись предметы фаллического культа), связками палочек (с привязанной к ним длинной веревкой), несколько раз ударяя об пол дома, затем, имитируя писк крысы, банто рукой ударяет по вертикальному столбу дома. Считается, что этот ритуал помогает привлечь в дом клиентов. Чтобы рассказать обо всех этих магических ухищрениях, потребуется отдельная книга, поэтому лишь некоторые из них, описанные в книге Икку Дзиппэнса «Сёбай орай», приводятся ниже.

¹ К е р р и я я п о н с к а я — небольшой кустарник, цветущий желтыми цветами. (Примеч. пер.)

Приворот на гостя. Наиболее эффективным считается такой метод. Нужно воткнуть вертел для приготовления угля в стену и помолиться о приходе желанного гостя.

То же (другой способ). Сложить из бумаги лягушку, написать на ее спине имя гостя, проткнуть ее булавкой и спрятать в надежном месте. Желанный гость обязательно появится. После его прихода булавку необходимо вынуть, а лягушку бросить в реку.

То же (еще один способ). Вырезать из белой бумаги квадрат со стороной в 5 см, сложить вдвое, положить в белый конверт и отправить желанному гостю.

Этот приворот был особенно популярен в публичных домах Кёмати, однако совсем не применялся в Эдотё. В Масуро этот метод был особенно эффективен.

Как узнать, появится ли ожидаемый гость. Вытащить из края полотенца нитку. Если это легко удастся, гость скоро придет, если нитка рвется, он не появится.

Забавное колдовство. Взять равные части сакэ, уксуса, сои, масла, охагуро (состав для чернения зубов), воды и горсть тосин (фитиль для лампы, сделанный из растительных волокон). Сварить эти семь ингредиентов, добавить листок бумаги с изображением интимных частей тела любовника, прокипятить еще раз — и непостоянство мужчины будет излечено.

Сейчас вряд ли кто знаком с такими магическими приемами.

Ниже приводятся примеры колдовства, применяемого в настоящее время. Кому попало эти оккультные секреты не открывались!

Приворот. Написать первую букву имени человека и дату его рождения на листке бумаги. Приклеить его под третьей от пола ступеньке лестницы, но так, чтобы никто этого не видел. Если нужный человек споткнется на этом месте и упадет с лестницы, значит, приворот сработал.

То же. Если куртизанка хочет завлечь какого-либо конкретного гостя, она должна написать ему письмо. На конверте должны быть слова «когаруру кими-э» («моему любимому принцу») и «годзондзи-ёри» («знаете от кого»). Письмо должно быть оставлено на перекрестке, и, если его кто-нибудь подберет, гость появится.

То же. Взять листок бумаги (ханси) и нарезать его в виде норэн (занавеска над входом в заведение). На каждом лепестке написать китайский иероглиф 狐 (кицунэ — лисица). Приклеить внутри шкафа или буфета, так чтобы никто не видел, и помолиться о скорейшем прибытии желанного. Когда гость является, бумагу нужно потихоньку снять и выбросить.

То же. Есть игра эммусуби (свадьба), в которую играют следующим образом: делается пара коёри (мягкая японская бумага, скрученная в жгут), затем, держа коёри за середину, пытаются связать концы. Если это удастся, считается, что свадьба состоится. А если к тому же повязать получившуюся веревочку на курительную трубку или на носик чайника, то суженый непременно появится.

То же. Женщина должна сосредоточиться и подумать о доме своего возлюбленного (если точный адрес неизвестен, подойдет воображаемый), о дороге к нему, о расстоянии. Затем нужно представить себя выходящей из своего дома и направляющейся к дому любовника, считая при этом шаги. После этого надо представить себя встретившейся с предметом своей любви и договориться о верном свидании. Получив его согласие, необходимо тем же порядком проделать обратный путь. Разумеется, все эти усилия любви происходят в воображении, так что этим можно, не возбуждая подозрений, заниматься даже в присутствии другого гостя. Говорят, что такие телепатические упражнения весьма эффективны.

То же. Взять лист бумаги (ханси) и вырезать из него семь человеческих фигурок, соединенных вместе. Нарисовать им глаза, нос и рот, но не заканчивать ни один рисунок полностью. Пусть у кого-то не будет носа или рта или же один глаз. На животе средней фигурки три раза написать первую букву имени мужчины, а на оставшихся шести по пять раз. Центральную букву на средней фигурке проткнуть снизу вверх иглой и торжественно пообещать всем фигуркам, что, если милый объявится, им будут дорисованы недостающие части и будет позволено уплыть вниз по ручью. Затем фигурки нужно приклеить в укромном месте. Когда желанный гость действительно появляется, необходимо выполнить обещание и выбросить их в ручей или в отхожее место.

То же. Ранним утром войти в комнату, выходящую на улицу, где никого нет. Задвинуть сёдзи и оставить свою

обувь в комнате подошвами вверх. Затем пройти через комнату на веранду, сложить руки на груди, закрыть глаза и три раза подряд повторить какое-нибудь известное старинное стихотворение. Если затем внимательно прислушаться, тихий голос ответит, придет «он» или нет. Довольно сомнительная ворожба!

То же. Написать на листке бумаги (ханси) знаменитое стихотворение: «Конухито-о мацуо-но ура-но юнаги-ни якуя моси-о номи-о когасицуцу» [с некоторыми перестановками слов Ф.В. Дикинс перевел это так:

Место нашей встречи на берегу Мацуо.
В темные ночные часы я жду,
Чтобы обнять любимого.
Что ж тебя так долго нет?!
Моя пылающая страсть жарче огня,
Который пылает под соляными варницами.

или же «Жду его с такой же страстью, какая может сравниться с жаром, необходимым для выпаривания соли»], в конце приписать: «Тарэсама ицу мадэ-ни куру ё-ни таномиагэ маирасэ соро» («Я молю, чтобы господин... пришел... (дата)...»), а также имя Будды или бога, которому молишься. Повесить на стену вверх ногами.

Ворожба на гостей, когда в делах «застой». Или сжечь большую палочку для прижигания (мокса) у изголовья своей постели, или связать поясом (оби) две подушки и вбросить их в темную комнату. Считается очень сильным заклинанием.

Ворожба на возвращение изменника. Если нужно увидеться с изменником, чтобы укорить за его неискренность, то прежде всего надо изложить все свои претензии в письме. Затем поймать лягушку, воткнуть ей в спину иголку и, положив перед ней письмо, попросить доставить его адресату, пообещав в случае успеха вынуть иглу. Лягушка конечно же подкинет письмо в рукав мужчине, вернется обратно и сразу умрет. А подлый изменник обязательно придет, чтобы получить объяснение этой загадке.

Как отослать гостя. Взять коёри (бумажный жгут) и придать ему форму собаки. Поставить на комод или зеркало в комнате, соседней с той, где находится гость, лицом к нему.

Шепотом попросить собачку быстро ответить, уходит ли гость или остается. Говорят, что это заклинание настолько действенное, что гость, лишь подумав об уходе, тут же покидает дом, а тот, кто раздумывал, не остаться ли, сразу же выражает желание возобновить ангажемент и продолжить визит.

То же. Если конец женской набедренной повязки (косимаки) завязать узлом, гость тут же уйдет.

То же. Завернуть немного теплой золы в бумагу и положить под простыню около ног гостя. Он сразу же покинет заведение.

То же. Поставить в конце комнаты, соседней с той, в которой находится гость, метлу и, положив перед ней пару сандалий, шепотом сказать: «А теперь, пожалуйста, быстро уходи». Как правило, гость не задерживается.

Как узнать, придет «он» или нет. Довольно грубый и отвратительный способ ворожбы. Ранним утром зайти в отхожее место с клочком красной бумаги и коробкой спичек. Зажечь бумагу и заглянуть в отверстие. Загадочным образом там появится лицо человека, о котором думают. Если лицо улыбается — отношениям скоро придет конец, и с этим придется примириться. Если же на лице отражается гнев, то мужчина будет приходить еще. Затем нужно потушить бумагу и выбросить пепел в отхожее место. Если же случайно уронить на лицо призрачного гостя горящую бумагу, на лице настоящего останется отметина.

Как справиться о здоровье человека. Ранним утром зайти в свободную комнату площадью в восемь циновок (около 13 м). Взять с собой метлу, набросить на нее одежду, как на человека. Подвязать поясом предполагаемую талию, повязать голову полотенцем в стиле хокамури. Затем положить под одежду на груди письмо к другу, попросить куклу отнести письмо адресату, получить ответ и положить его в определенный ящик комода. После этого поставить метлу в угол комнаты и не оглядываясь выйти из комнаты. Бывает, что метла остается стоящей как есть, поскольку не было ветра, чтобы свалить ее. Но если она упадет, значит, заклинание сработало, ответ будет найден в условленном ящике, и из него можно будет узнать новости о человеке. Весьма сомнительное колдовство.

Как читать чужие мысли. Рано утром, пока гость спит, тихо вылезти из постели, принести одну сандалию из отхожего места¹ и, не разбудив мужчину, забраться обратно в постель. Если гость крепко спит, легко потерять сандалией ему грудь и попросить его открыть свои мысли. В таких условиях он ответит на любой вопрос и откроет все свои секреты. Затем нужно вернуть сандалию на место и снова вернуться в постель.

Ворожба на деньги. Если вы попросили у гостя денег и не получили их, нарядите метлу в белое, как человека, и, поставив ее щетиной вверх, пожелайте ей, как человеку, на невыполнение обещания. Затем уроните ее и попросите обязательно принести деньги на следующий день. Это заставит мужчину подумать о своей необязательности и непременно прийти и принести все деньги.

Как остановить менструацию. Перед тем как отойти ко сну, насыпать немного тосин (фитиль для лампы, сделанный из растительных волокон) или золы в воду и выпить. Говорят, это удивительно хорошо останавливает месячные.

НЕКОТОРЫЕ НЕОБЫЧНЫЕ ЯПОНСКИЕ СУЕВЕРИЯ

1. Если щекотно ушам — это к счастью. Утром правое ухо — вечером левое.

2. Чиханье означает: один раз — тебя кто-то хвалит;
два раза — тебя кто-то ругает;
три раза — тебя кто-то любит;
четыре раза — ты простудился.

3. Судорога ноги лечится соломинкой, выдернутой из циновки, смоченной слюной и повязанной на лоб со словами: «Сибирэ кё-э ноборэ» («Судорога, отправляйся в столицу!»).

4. Тот, кто бросает срезанные ногти или волосы в огонь, сходит с ума.

5. Если в горле застряла кость, нужно трижды стукнуть по горлу любимым предметом из слоновой кости, повторяя: «У-но нодо, у-но нодо» («Горло обжоры, горло обжоры»).

¹ В японских домах традиционно передвигаются в носках или босиком. Уличная обувь оставляется у порога, а перед дверью в отхожее место выставляется пара специальных сандалий для входа туда. (*Примеч. пер.*)

6. Как свести мозоль с ноги. Прежде чем рассказать кому-либо об этом, три раза протереть мозоль жиром, выступившим на носу.

7. Как узнать пол неродившегося ребенка. После получения амулета (обеспечивающего благополучные роды) из храма Канон (богиня милосердия) в Асакуса посмотреть, если бумага в конверте красная — будет девочка, если зеленая — мальчик. Также говорят, что, если в первый день месяца родов в дом зайдет мужчина — будет мальчик, если женщина — девочка. Сложить возраст отца и матери. Если сумма делится на три без остатка — будет девочка, если с остатком — мальчик.

Если рождение ребенка предполагается в следующем после зачатия году, к сумме прибавить один, а затем разделить на три.

Беременная женщина спрашивает своего первенца (не важно — мальчика или девочку): «Мамэ-ка адзуки-ка?» («Простой боб или боб адзуки?»¹). Если ребенок отвечает «простой боб» — родится девочка, если — «боб адзуки» — мальчик.

8. Если надеть на голову ведро как шляпу — уменьшишься в росте. Если потоптаться в конском навозе — вырастешь.

9. Чтобы извлечь соринку из глаза, нужно закрыть глаза и немного полизать верхнюю губу или три раза сплюнуть, повторяя: «Гоми-нара дэро суна-нара токэро!» («Если пыль — уходи, если песок — растай!»).

10. Если человек с больными глазами уставился на вас, устаньтесь на него, иначе подхватите ту же болезнь.

11. Если вам встретится похоронная процессия, спрячьте большие пальцы в кулаках или ваши родители умрут.

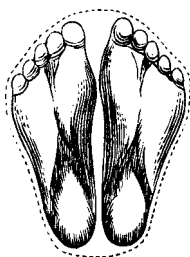
12. Если женщина моет голову в день лошади (ума-но хи), она сходит с ума.

13. Если человек не боится щекотки, значит, он рожден не от родного отца, а от любовника матери.

14. Если на мизинце отрастить длинный ноготь, память будет хорошей.

15. Если выковырять грязь (ака) из пупка (хэсо), можно простудиться.

¹ Б о б а д з у к и — красный боб. (Примеч. пер.)

16. Как лечить зубную боль. Положить на пол листок белой бумаги. Встать на него плотно сжатыми ногами и обвести их по контуру. На бумаге образуется рисунок, напоминающий человеческое лицо. Нарисовать глаза, нос и зубы. Закрасить больные зубы густо-черным, а соседние — слегка черным. Сложить листок восемь раз, пройтись иголкой и, бросив в реку, дать уплыть.

17. Чтобы свести мозоль на ноге, нужно написать на ней три раза иероглиф 鳩 (хато — голубь) и затем тщательно его стереть. (Очевидно, предполагается, что голубь съедает мозоль!)

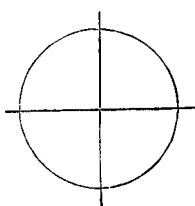
18. Если не удалять серу из ушей, улучшается память.

19. Чтобы вылечить стригущий лишай (тамуси), нужно черной тушью на больном месте написать иероглиф 鷓 (сиги — бекас) или 南 (минами — юг), а затем тщательно стереть написанное. (Говорят, что, когда пишется иероглиф 鷓 (сиги — бекас), подразумевается, что бекас склюет тамуси — стригущий лишай. Это происходит от следующей игры слов. Если разделить слово «тамуси», получится «та муси», что на слух может означать 田 (та — рисовое поле) и 虫 (муси — насекомое). Известно, что бекас (сиги) уничтожает насекомых на рисовых полях (та), отсюда и суеверие.

20. Если вам приснилась еда, на следующий день вы простудитесь.

21. Если у женщины, кормящей ребенка, возникают проблемы с молоком, нужно нарисовать на бумаге изображение намадзу (сома) и прикрепить рисунок на стене Косиндо (храм Косин). Это считается наилучшим средством для увеличения количества грудного молока.

22. Если женщина моет голову в период менструации, она умрет от лихорадки.

23. Если напала икота, наполните чайную чашку горячей водой или чаем и положите сверху крест-накрест две палочки для еды. Затем сделайте по глотку из каждого получившегося таким образом сектора, не забывая после каждого глотка произносить название какого-нибудь моста.

Причем надо быть внимательным, чтобы слово «мост» («хаши») в названии оставалось неизменным. Например, Самэгахаси (Акулий мост), Наканохаси (Средний мост), Охаси (Большой мост), Итинохаси (Первый мост) подойдут, тогда как Нихомбаси (Японский мост), Кёбаси (Столичный мост) — нет, потому что слово «хаши» («мост») в этих сочетаниях подвергается фонетическим изменениям.

24. *Как свести бородавки.* Обмотайте больное место паутиной или сходите на кладбище и смойте водой с самого старого могильного камня. Или же осторожно протрите бородавку бобом адзуки, а затем заройте его в землю, положив сверху тяжелый камень. Если боб не прорастет, бородавка исчезнет. А вот еще способ. Надо встать под деревом сансё (японский игловатый ясень *Zanthoxylum piperitum*) и легонько потрясти его, повторяя «Ибо уцурэ ибо уцурэ» («Бородавка, уходи, бородавка, уходи»). Этот последний способ считается очень эффективным.

25. Чтобы ускорить менструацию, проденьте в иглу красную нитку и воткните в стену отхожего места. Чтобы отсрочить менструацию, перешагните через три боба адзуки или через межу на полях. Глотание бобов адзуки тоже помогает.

26. Если положить на пупок гриб и держать его там, не качает в море.

27. Если у женщины было много мужчин и непонятно, кто отец ребенка, положите плаценту на лакированный поднос и тщательно изучите. Должен появиться фамильный герб отца.

28. Если кто-то ляжет рано спать в ночь косин (обезьяны), у того на ягодицах появятся фурункулы. [«Косин — это название дня месяца, который соответствует 57-му году китайского шестидесятилетнего цикла». *Справочник по Японии Мюррея.*]

29. Если вы будете болтать ногами — обеднеете.

30. Если вы испортите воздух, ваш язык на некоторое время станет желтым.

31. Если вы будете стричь ногти ночью, вас околдует лишица.

32. Если у женщины кудрявые волосы, значит, она распутна.

33. Говорите о своей смерти, и проживете длинную жизнь.

34. Если ваши передние зубы широко посажены, вы скоро расстанетесь с родителями.

35. Если вы сказали неправду, Эмма (царь преисподней) вырвет вам язык.

36. Если у человека при подъеме на высокую гору идет носом кровь или кровоточат глаза — он нечестен.

37. Чтобы вылечить стригущий лишай, потрите больное место амэ (сладкая тянучка), прилепите это амэ на ветку эноки (китайский каркас *Celtis sinensis*) и уйдите не оборачиваясь.

38. Как лечить ячмень на глазу (моно мораи). Если он вскочил на нижнем веке, возьмите у кого-то ниже вас по положению нигиримэси (колобок из вареного риса) и съешьте его. Нигиримэси нужно взять с улицы через окно от человека, находящегося внутри дома. Если ячмень вскочил на верхнем веке, нигиримэси нужно взять у человека более высокого статуса. Или же погладьте больное место ситом для мисо (соевая паста) и сделайте так, чтобы половина дна этого сита отразилась в воде колодца. Когда лечение поможет, покажите колодцу все сито. Или потрите гребень, чтобы он разогрелся от трения, и приложите к больному месту.

39. Если перед входом в свой дом (кадогути) вы разожжете костер по случаю Сёрёмацури (День поминовения усопших, отмечается на 13-й день 7-го месяца по старому календарю) и потопчетесь в золе, ваши ноги станут сильными. Если от этого огня прикурить трубку, никогда не будет кашля.

40. Тот, кто бреет волосы на ногах, не сможет быстро бегать.

41. Если у вас в носу вскочил прыщ или фурункул, то у кого-то из ваших родственников родится ребенок.

42. Если вы злобно смотрите на родителей, у вас будет косоглазие (ябунирами-то нару).

43. Ударьте кого-нибудь в грудь, и вы не проживете и трех лет.

44. Если вас обольют водой для мытья рук (тэмидзу), вы умрете в течение трех лет.

45. Если повесить над мидзугамэ (кувшин с водой) соломённую змею (мугивара-но дзя), такую же, как приобретают фудзимодэ (паломники на Фудзияму), на 1-й день 6-го месяца (старый календарь), обитатели вашего дома не будут страдать от лихорадки. Если сохранить язык соломённой змеи, он, будучи выпитым в виде отвара, станет отличным жаропонижающим средством.

46. Если ребенок ушибется и ему больно, то нужно произнести «Титин пуипуи гоё-но он такара» (это непереводимая фраза), и боль пройдет.

47. Если беременная женщина пьет сакэ и ест мясо воробьев, ребенок, который у нее родится, вырастет безнравственным и распутным.

48. Чтобы определить пол будущего ребенка, надо посмотреть на дзидзиккэ (мягкие волосы на задней стороне шеи) предыдущего ребенка. Если они лежат налево, будет мальчик, если направо — девочка.

49. Если беременная женщина, глядя на большой пожар, коснется своей кожи, в соответствующем месте на теле у родившегося ребенка будет пятно (адза). Однако если ей случится держать напротив живота зеркало, то ничего не произойдет.

50. Если две беременные женщины живут под одной крышей, одна из них или умрет вместе со своим ребенком, или у нее случится выкидыш.

51. Если ребенок играет с огнем, он будет писаться в постель.

52. Если кто-нибудь плюнет в отверстие отхожего места, он ослепнет.

53. Если вы придавите вниз чье-нибудь плечо, вы станете меньше ростом.

54. Если вы обольете кого-нибудь тэмидзу (см. № 44), ваш ребенок родится без рук.

55. Если вашим ногам станет щекотно, вы обеднеете.

56. Если вы помочитесь на дождевого червя, ваш половой орган распухнет и воспалится, но, если вы позже помоее водой какого-нибудь другого червя, воспаление пройдет.

57. Если вы заснете с рукой на груди, вас будут беспокоить сны.

58. Когда на вас нападает икота, трижды повторите, не набирая воздуха: «Эбису сама-но оморимоно нусундэ киюясэн-ка» («Разве ты не воровал и ел вещи, предназначенные для Эбису?¹») и икота пройдет.

59. Когда на кончиках пальцев появляется множество круговых и волнистых линий, а также складок, такой человек становится искусным во всех ремеслах.

60. Если у кого-то большой палец на ноге короче, чем следующий, он будет богаче своих родителей.

61. У кого брови расположены близко друг к другу, долго не живет.

62. Если на дверь дома повесить листок бумаги с надписью: «Тинсэй Хати́ро Тамэ́томо ко-но ядо» («Временное пристанище Тинсэй Хати́ро, владыки Тамэ́томо»), оспа не проникнет в дом.

63. Если одеть больного оспой в красное, болезнь будет проходить в легкой форме. Демону оспы приятен красный цвет, и он становится почти милосерден к больному.

64. Если написать «Хисамацу русу» («Хисамацу нет дома») на листке бумаги и повесить на двери дома, вы не заболите о сомэ кадзэ (инфлюэнцей). (Происхождение этого поверья относится к старым добрым временам, когда жили любовники: он по имени Хисамацу, она по имени О-Сомэ. То есть если Хисамацу нет дома, О-Сомэ не войдет, а если он дома, то войдет.)

65. Если перед отходом ко сну трижды повторить следующее, наутро вы проснетесь в любое желаемое вам время:

Хоно боно то
акаси-но ура-но.
Сима какурэ юкку
фунэ-о сисо омоу.

Глядя на прекрасный вид побережья Акаси и видя силуэты рыбацких лодок, выходящих в море в сером свете рассвета, я чувствую легкую печаль, когда белые паруса маленьких суденышек пропадают из вида за островами вда-
леку.

¹ Э б и с у — бог богатства, защитник торговли.

[Это стихотворение сочинил Хитомаро (Какиномото Хитомаро (примерно середина VII — начало VIII века) — один из сандзюроккасээн, или тридцати шести известных поэтов Японии.]

66. Если на ногтях появляются белые пятнышки, у вас появится новое платье.

67. Если вы ведете себя по отношению к родителям неподобающим образом, у вас появятся заусеницы.

68. Если на глазу вскочил ячмень, пойдите к дому другого человека и попросите еды. Съешьте то, что вам дали, и ячмень пройдет.

69. Если ребенок зачат в ночь косин (обезьяны), он вырастет разбойником.

70. Если вас мучает куса (разновидность кожной сыпи), напишите иероглиф 馬 (ума — лошадь) на больном месте, и все пройдет.

71. Если вы не хотите больше иметь детей, при выборе имени последнего ребенка используйте те, в которых присутствует иероглиф 留 (томэ — останавливать) или 極 (кива — заканчиваться). Это очень действенный метод.

72. Чтобы у ребенка не было судорог, подвесьте к потолку игрушечные корзинку, зонтик и собачку из папье-маше (инухарико). Все должно быть куплено в накамисэ (ряд лавок на дороге к воротам Канон) в Асакуса.

73. Чтобы уберечь ребенка от коклюшного кашля (хякунитидзэки), возьмите кусок белого хлопчатобумажного полотна (сиро момэн) площадью в 1 сяку (0,14 м) и заверните в него 1 го (0,18 л) соли, завяжите красной шелковой ниткой и подвесьте к потолку в дома (небольшое помещение с земляным полом при входе в дом).

74. Чтобы уберечь ребенка от нацубоси (потница), поместите первый созревший баклажан (хацунари-но насу) в мешочек для чая и подвесьте к потолку.

75. Если женщина моет и вычищает отхожее место, ей будет легко родить ребенка.

76. Если у кого-то дети постоянно умирают, то нужно оставить младшего ребенка на улице, подождать, пока его кто-нибудь не подберет, и потребовать обратно. Это даст ребенку силы и здоровье, и он вырастет без проблем. Также хорошо использовать в имени ребенка иероглиф 捨 (сутэ-

ру — выбрасывать) или назвать его Агури. Если взять тоба¹ из дерева кэяки (дзельква пильчатая *Zelkova acuminata*) и установить ее вверх ногами на могиле последнего умершего ребенка, последующие дети родятся здоровыми и вырастут.

77. Если у ребенка, еще не отнятого от груди, на задней стороне бедра между ягодицей и коленом видны две полоски, следующий ребенок будет девочкой. Если одна — мальчиком.

78. Старинная поговорка гласит: «Не стригите ногти в день зайца (у), кабана (и), змеи (ми) и козы (хицудзи), или слезы на ваших руках никогда не просохнут». (Японцы используют длинные рукава своих платьев для утирания слез.) В соответствии с этой поговоркой люди не стригут ногти по этим дням, а также ночью (ёдзумэ) и перед выходом из дома (дэдзумэ).

79. Если в день собаки (ину-но хи) беременная женщина наденет иватаоби², ее роды пройдут легко.

80. Если вы споткнулись и упали на кладбище, вы умрете в течение трех лет. Если вы при этом поранились, рана не заживет.

81. Если вы упадете на Саннэнсака (холм Трех лет) в Саннэнмати (город Трех лет) в уезде Кодзимати, вы не проживете трех лет.

82. Чтобы облегчить зубную боль, обмотайте бумагой верхушку одной из свай на шлюзе около Самэ-га хаси в уезде Ёцуя и привяжите ее с помощью мидзухики (тонкий бумажный шнур для упаковки подарков).

83. Если умывать лицо слишком горячей водой, скоро появятся морщины. Если вы вешаете полотенце на вешалку, не расправив его, у вас скоро появятся морщины.

84. Если выдернуть тонкий волосок на задней стороне шеи (дзидзиккэ), кровотечение из носа остановится.

85. Если вы не тушите огонь ногами, у вас не будет несчастий или потерь, связанных с огнем.

¹ Т о б а, или с о т о б а — длинная узкая дощечка с буддийскими текстами, вертикально устанавливаемая на могилах. От *санскр.* «сту-па» — холм, курган.

² И в а т а о б и — специальный пояс, носимый беременными женщинами с шестого месяца до разрешения от бремени.

86. Если вместе с плацентой (эна) закопать кисть и чернила (фудэ-суми), ребенок станет хорошим каллиграфом. А если закопать еще и веер, ребенок достигнет высокого положения.

87. Если отрастить длинные ногти, можно простудиться.

88. Ребенок всегда испытывает отвращение к насекомому, первым появившемуся на месте, где была закопана плацента (эна). (Если, например, первой через это место проползет гусеница, ребенок всю оставшуюся жизнь будет панически их бояться.)

89. Прежде чем усесться на место, которое до этого занимал какой-нибудь другой человек, необходимо три раза хлопнуть по сиденью, иначе вы поссоритесь с тем человеком.

90. Если мужчина и женщина вместе посетят храм Бэнтэн (в Эносима), их отношения расстроятся.

91. Охладите ладони, и все тело станет прохладным.

92. Если после разрешения от бремени сильно болит желудок, сожгите старый мешочек для чая и съешьте пепел. Это снимет боль.

93. Если приснилось, что вас поранили ножом, у вас скоро заведутся деньги.

94. Чтобы инфекция лихорадки не распространилась, заверните в бумагу немного конского навоза и положите под матрац больного.

95. Если чешутся ладони — к деньгам. Если обратные стороны — к потере денег. Если чешется стопа, нужно пойти прямо домой и почесать ее. Это позволит отвести грядущие неприятности.

96. Если вы заразились эпидемической офтальмией (хаяримэ), можно излечиться следующим способом. Возьмите цукэги (старомодную серную спичку), напишите на ней «яммэ оясу ури» (больные глаза по дешевке) и выбросите вместе с 10 монами (1 сен на современные деньги) на перекрестке дорог.

97. Если у вас болят уши (караими), вы можете излечиться, протерев ухо водой с самой старой могилы, которую сможете найти.

98. *Как лечить малярию (окори).* На листке бумаги напишите имя и возраст больного и бросьте листок в реку с моста Дзиннойбаси в Фукутомитё в районе Асакуса.

«ПОПУРРИ» ИЗ ЁСИВАРА

Следующие высказывания приведены в «Ёсивара окагами» («Большое зеркало Ёсивара») под заголовком «Сёяку хяку моногатари» («Сто разных рассказов»).

Вещи, которые длинны. Нихон цуцуми, ссора любовников, ночная песня-магаки, ночь гостя, которого бросила юдзё.

Вещи, которые коротки. Ночь свидания любовников, первое письмо юдзё незнакомому гостю.

Вещи, которые хотелось бы увидеть. Дневник юдзё, искренность проститутки, квадратное яйцо, фальшивые письма дзёро, конец бездушной куртизанки.

Вещи, которые хотелось бы услышать. Имя тайного любовника юдзё, сплетни куртизанок.

Смешные вещи. Извинения гостя, обидевшего юдзё, гость, который обращает много внимания на камуро (молодая прислужница).

Приятные вещи. Длительное пребывание знакомого гостя в публичном доме, тайный любовник, перебранки любовников.

Опрометчивые вещи. Чашечка сакэ, не предложенная гостью выбранной им куртизанкой на их первом свидании, притворный утренний сон перед уходом гостя, разговоры о чьих-либо знакомых, герб на платье куртизанки, оставленный гостем-соперником.

Милые вещи. Пылкость куртизанки, веселая дзёро.

Умные вещи. Просьба о подарке в виде прозрачных наметков.

Бестактные вещи. Швыряться деньгами в чайном доме, отправиться в ресторан сантя во время дождя, требовать для непопулярной проститутки ангажемента в праздник.

Вещи, о которых сожалеют. Пожар в ночь свидания любовников, получение подарка от гостя фальшивыми деньгами.

Уютные вещи. Снегопад в ночь, когда кто-нибудь остается в публичном доме, капюшон, брошенный на голову сзади.

Противные вещи. Дзёро, потеющая ночью, шершавая кожа у гостя, встретить родственника на пути в Ёсивара, гость, который не чистит зубы.

Грязные вещи. Ноздри гостя, табакерка неопрятной куртизанки.

Вещи, вызывающие смех. Группа дзёро, воротники которых покрыты бумагой, чтобы не испортить одежду, внезапный ливень, который поливает зевак в Ёсивара, просьба непопулярной дзёро о новом ночном платье.

Неприглядное зрелище. Дзёро, задремавшая днем с широко открытым ртом.

Вещи, которые раздражают. Частое появление дзёро в комнате, где находится гость ее коллеги, нашептывание чего-либо гостю на ухо при первом свидании.

Жесткие вещи. Прекращение действия контракта непопулярной дзёро, телесные наказания камуро своими анэдзёро.

Отвратительные вещи. Лицо яритэ, разговор проституток о неприличных вещах, невежливость гю.

Обнадеживающая вещь. Женщина, которая себя выкупила.

Глупые вещи. Респектабельный самурай, посещающий Ёсивара, пожилые посетители Ёсивара, пьяница, который не контролирует себя.

Презренные вещи. Гость, удирающий из публичного дома, когда подходит время платить по счету, одна свечка на компанию из трех человек, дзёро, раболепно подчиняющаяся яритэ, один фонарь на две комнаты.

Вещи, которых ждут с нетерпением. Согласие подождать до конца срока действия контракта дзёро, постель на первом свидании.

Почти достоверные вещи. Адрес родителей дзёро, сообщенный гостю, детское имя дзёро.

Недостоверные вещи. Слезы дзёро, когда она укоряет своего гостя.

ДАЙЯ-НО КОТО

(Кухни Ёсивара)

В прежние времена нынешние дайя (кухонные дома) назывались ки-но дзия, потому что человек по имени Одавара Киуэ первым открыл такой дом. Изначально только небольшие публичные дома заказывали еду в таких дайя, однако сейчас все публичные дома, независимо от размера и раз-

ряда, получают еду из кухонных домов. Эти дайя могут предоставить все мыслимые блюда, будь то суси (рыба и рисовый колобок), каси (сладости), соба (гречишная лапша), мидзугаси (фрукты) или что угодно другое. В зависимости от количества закуски блюда делились на намидай (обычное блюдо), дайсё (среднее блюдо) и одай (большое блюдо). Стоили эти блюда соответственно 25 сенов, 37,5 сена и 50 сенов. Правда, говорят, что дайя доставляли эти блюда в публичные дома за треть этих цен, а если это так, то последние имели наваром целые две трети от общей суммы! По правилам доставленные блюда должны оплачиваться наличными на месте, но на самом деле за каждую доставку закусок (дай-но моно) вместо денег выдавались деревянные бирки с названием публичного дома, а окончательный расчет производился на следующий день. Знающие люди говорят, что есть публичные дома, которые должны дайя по несколько сотен иен. В Ёсивара достаточно много дайя, но перворазрядные публичные дома обслуживают Коимацу с Агэятё в Нитёмэ, Яокю с той же улицы и Мацуно с Сумитё. При подсчете закусок применяется счетный суффикс для плоских предметов май. Поэтому нами саммай (три обычных плоских предмета) означало три обычных блюда с закусками. Постепенно это сократилось до намисан (три обычных), а счетный суффикс перестали употреблять. Обычное блюдо с бутылкой сакэ называлось итимай иппон (одно блюдо, одна бутылка). Иногда гость заказывал закуски просто для обитателей дома. В таком случае его спрашивали: «Что будете заказывать?», а он обязательно отвечал: «Нандэмо ий ё» («Да, что-нибудь»). Таким образом, кухонный дом получал заказ на доставку дэмодай (блюдо «чего-нибудь», дэмо — это сокращение от нандэмо — что-нибудь), что означало, что гость не сделал конкретного выбора.

Кстати, в книге Икку «Сёбай орай» приводится список закусок, предоставляемых дайя сто лет назад. Так, меню кино дзия состояло из:

Кимпира гобо

Рубленый корень лопуха, обжаренный
в кунжутном масле

Тэригомамэ

Сушеные молодые сардины, обжаренные
и сваренные в соевом соусе с сахаром

ГЕЙШИ

<i>Арамэ</i>	Морская водоросль арамэ
<i>Абураагэ</i>	Соевый творог, сильно обжаренный в масле
<i>Кодзакана ницукэ</i>	Мелкая отварная рыба
<i>Санкай</i>	Рагу из рыбы и птицы
<i>Судзурибута</i>	Несколько коробочек с разными закусками
<i>Тамаго</i>	Яйца
<i>Куваи</i>	Стрелолист трехлистный
<i>Камабоко</i>	Шашлычок из кусочков рыбы, приправленной сакэ и солью
<i>Каватакэ</i>	Ростки бамбука, росшего на берегу реки
<i>Цукэ вараби</i>	Соленые ростки папоротника
<i>Хатидзакана</i>	Рыба, поданная на блюде
<i>Карэй</i>	Камбала
<i>Нибитаси синсёга</i>	Свежие ростки имбиря (вареные)
<i>Домбури</i>	Блюда в горшочке
<i>Фуки</i>	Подбел японский
<i>Якидофу</i>	Жареный соевый творог
<i>Сугобо</i>	Корень лопуха в уксусе
<i>Удо</i>	Спаржа японская
<i>Рэнкон</i>	Корень лотоса
<i>Ика</i>	Каракатица
<i>Нисисадзай киномаэга</i>	Моллюски с молодыми листьями киномаэ (перечное дерево)
<i>Суимоно</i>	Супы
<i>Мусубигису</i>	Рыба саёри (полурыл японский), завязанная узлом
<i>Хамагури</i>	Ракушки с овощами
<i>Сэнгё</i>	Род супа
<i>Умани</i>	Любые продукты, приготовленные в смеси соевого соуса, мирин (сладкое сакэ), сахара и стружки из сушеного тунца
<i>Таймэн</i>	Блюдо из лапши и рубленого тая (окуне)
<i>Анкакэ</i>	Род супа с тофу и аррорутотом (мука из корневищ маранты)

Все эти блюда доступны для тех, кто останавливается в публичном доме на несколько дней.

**ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ЁСИВАРА,
А ТАКЖЕ УЛИЧНЫЕ ТОРГОВЦЫ,
РАЗНОСЧИКИ И ПОПРОШАЙКИ**

<i>Такэмура-но сэмбэй</i>	Рисовое печенье от Такэмура
<i>Санья тофу</i>	Соевый творог от Санья
<i>Кобумаки</i>	Рулет из водорослей
<i>Сисомаки</i>	Рулет из листьев сисо (перилла)
<i>Цукэна</i>	Маринованная зелень
<i>Нимамэ</i>	Вареные бобы
<i>Намэси</i>	Зеленый рис
<i>Маку-но ути</i>	Вареные рисовые колобки
<i>Дэнгаку</i>	Тофу, запеченное на палочке в обмазке из мисо
<i>Мугимэси</i>	Вареная пшеница
<i>Аояги суси</i>	Суси от Аояги
<i>Канробай</i>	Слива канро
<i>Хакуро</i>	Пирожные Хакуро
<i>Окагура</i>	Гречка Окагура
<i>Кабасё данго</i>	Рисовые пирожки от Кабасё
<i>Синовара данго</i>	Рисовые пирожки от Синовара

Эти вещи были очень популярны (даже за пределами Ёсивара) в промежутке между годами Анъэй (1772—1781) и Бунсэй (1818—1830), а дотэ-но кинцуба (печенье, сделанное в виде гарды самурайского меча) было широкоизвестно и после Реставрации (1868). Существует магазин, который торгует этими знаменитыми сладостями, и его популярность не снижается.

В комплект мэйбуцу (знаменитых вещей) настоящего времени входят закуски из ресторана Канэко, камамэси (рис в железном котелке) от Хорикава, тэмпура (рыба в кляре) от Хамада, кабаяки (жареный угорь) от Оцунэ, мацумодзуси (суси с водорослями), сируко (рисовое печенье с соусом из

красных бобов и сахара) от Такаока, ки-но инэмэси (вареный рис с соевым соусом), каси (пирожные и сладости) от Футабая, сакэ от Окуда, фотографии работы Като, бани в Агэятё и Кёмати, патентованные лекарства от Наканэ и Кониси, эдзоси (цветные картинки) от Нория, дзори (сандалии) от Хисия и т. д.

Ресторан Канэко вообще широко известен и пользуется популярностью не только в Ёсивара, но и за пределами квартала. Постройка и декорирование каждого помещения выполнены с изысканным вкусом, мебель редкая и дорогая. Кроме того, при ресторане имеется баня, и, поскольку все это создает дополнительный комфорт гостям, многие посетители Ёсивара покровительствуют ресторану Канэко и часто посещают его в сопровождении выбранных ими юдзё.

На улицах можно встретить продавцов рисовых лепешек (данго), вареных красных бобов (удэадзуки), фруктов (мидзугаси), одэн (смесь из соевого творога, вареного аморфофаллюса, батата и других овощей), сакэ (рисовое вино), суси (рисовые колобки с положенными сверху кусочками рыбы или морских водорослей, приправленные уксусом) и т. д. Тут же бродят толпы разъездных торговцев и знахарей, включая продавцов цудзиура (небольшой листок бумаги со стихотворением или предсказанием, которые запечены в рисовые печенье (сэмбэй) или для забавы перемешаны с сушеным горохом), продавцов газет, предсказателей (ура-найся), продавцов натто (вареные заквашенные соевые бобы), тофу (соевый творог) из Комацубаси, фукимамэ (сладкие бобы), слепых массажистов (амма), женских парикмахеров (онна камиюи), прачек (сэнтакуя), посыльных и пр. Помимо них здесь присутствуют исполнители синнайбуси (разновидность популярных песен, начало которым положил человек по имени Цуруга Синнай), танцоры каппорэ, исполнители хаяриута (разновидность популярных песен), аходаракё (исполнители пародий на буддийские тексты и молитвы), флейтисты (сякухати). Попрошайки толпятся у небольших публичных домов с раннего утра в поисках остатков еды после гостей предыдущего вечера. Вид этой орды грязных и растрепанных существ, скребущихся в двери и жадно глотающих объедки, вызывает печаль и омерзение.

ПРОВЕРКА ЛИЦЕНЗИРОВАННЫХ ЖЕНЩИН НА НАЛИЧИЕ ВЕНЕРИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

В сентябре 1867 года в Йокогаме, впервые в истории Японии, была основана больница для лечения венерических заболеваний у проституток. Позже подобные учреждения появились в Кобэ и Нагасаки. Такие меры были приняты правительством Бакуфу¹ после разъяснений, представленных англичанином доктором Р.Н. Ньютоном, который после долгой борьбы с предубеждениями и невежеством сумел убедить власти в своей правоте. Поначалу обследование проституток ограничивалось тремя портовыми городами, Йокогама, Кобэ и Нагасаки, но в сентябре 1871 года эту процедуру стали применять и к женщинам в Сэндзю. Жизненную важность и значение таких обследований широкая публика понимала плохо. Куртизанки приняли систему с большой неприязнью и стали по возможности перебираться из Сэндзю в другие кварталы, еще не охваченные новым начинанием. Движение противников медицинских осмотров приобрело такие масштабы, что начало серьезно мешать бизнесу и вынудило содержателей публичных домов обратиться к властям с просьбой приостановить действие системы, что в конце концов привело к ее запрещению в апреле 1872 года. Однако в июне 1873 года городские власти Токио снова учредили пункты медицинского обследования по одному в следующих шести районах: Ёсивара, Нэдзу, Сэндзю, Синдзику, Синагава и Итабаси. Осмотры проводились несколько раз в месяц, и женщины с признаками венерических заболеваний направлялись для лечения в больницу в Атагосита. Это была первая венерологическая лечебница в Токио, но со временем подобные учреждения появились и в других частях страны.

В октябре 1888 года властями были учреждены пункты медицинского обследования в Ёсивара и еще в пяти других юаку. Но в июле 1889 года они были закрыты, а содержателей публичных домов обязали организовать больницы за

¹ Б а к у ф у (*яп., букв.*: полевая ставка) — правительство трех династий военно-феодалов правителей Японии (сёгунов): Минамото, Асикага и Токугава с конца XII в. по 1867 г.

свой счет. С тех пор венерологические лечебницы в кварталах проституток содержались за счет конкретно заинтересованных сторон.

В «Положении о венерологической лечебнице Син-Ёсивара», вышедшем в июне 1889 года, мы находим следующее:

«Больница, в дальнейшем именуемая Кубайин (больница для уничтожения сифилиса), должна находиться на отдельном участке земли, чтобы быть защищенной от пожаров.

Основной функцией больницы является лечение проституток, страдающих от венерических заболеваний. Больница должна управляться так же, как и ранее существовавшая государственная венерологическая лечебница.

В больнице должно быть отделение для проституток, страдающих другими заболеваниями.

В больнице должны быть один главный терапевт и пять ассистентов, один главный фармацевт и два ассистента, четыре служащих для разных поручений, два клерка и десять сестер милосердия.

За финансовой стороной деятельности больницы должны наблюдать старейшина квартала или его заместитель. Назначение или увольнение главного врача больницы и другого персонала должно утверждаться в Городском полицейском управлении.

Конкретные способы управления и ведения финансовых дел больницы изложены в отдельном положении.

[Здесь эти детали опускаются.]»

Приведенный выше отрывок дает некоторое представление о венерологической лечебнице вообще, а что касается ее содержания, то интересными могут быть следующие подробности:

Здание, меблировка и медицинские инструменты.....	15 000
(Оплачивается из резервного фонда публичных домов)	
Месячные расходы	969
Оплачиваются следующим образом:	
взимание 1 сена в день с проститутки, имея в виду,	
что общее количество женщин составляет 2150.....	645
взимание платы с пациентов в размере 9 сенов	
с каждого при среднем показателе 120 пациентов в день	324

Таким образом поддерживается функционирование больницы. В случае дефицита доходов производятся заимствования из резервного фонда публичного дома (касидзасики-но цумитатэкин).

Поскольку количество проституток в Ёсивара приближается к трем тысячам, их медицинский осмотр не может проходить в один день. Поэтому квартал был разделен на участки, чтобы процесс осмотра проходил гладко.

Дни осмотра и участки выглядят так:

Понедельник:	Кёмати-иттёмэ
Вторник:	Кёмати-нитёмэ и Сумитё
Среда:	Агэямати и Эдотё-иттёмэ
Четверг:	Эдотё-нитёмэ

Разумеется, в случае необходимости проводился и специальный осмотр.

Согласно последним исследованиям, по результатам осмотров средний уровень инфицированности превышал 6%. Предлагаемая статистика за 1897 год может показаться интересной, но нужно иметь в виду, что цифры могут быть относительно достоверны. Результаты осмотров во многом зависят от добросовестности врачей, к тому же в каждом квартале проституток процент заболеваемости свой. В 1898 году средний процент заболеваемости вырос до 5,58 против 4,73 в 1897 году. Такая разница появилась в результате более тщательно проведенного осмотра ныне действующим главным врачом — г-ном Дои¹.

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕДИЦИНСКОГО ОСМОТРА

1897

Месяц	Количество осмотров	Количество инфицированных	Пропорция на 100	Количество обслуженных клиентов
Январь	9515	340	3,573	135 356
Февраль	9383	372	3,965	98 981

¹ См. дальнейшую статистику в приложениях.

ГЕЙШИ

Месяц	Количество осмотров	Количество инфицированных	Пропорция на 100	Количество обслуженных клиентов
Март	11 137	381	3,421	107 842
Апрель	9879	476	4,816	130 524
Май	9956	425	4,278	109 769
Июнь	11 062	466	4,212	99 398
Июль	11 066	597	5,930	106 527
Август	10 656	618	5,799	99 441
Сентябрь	10 648	611	5,738	100 870
Октябрь	9651	506	5,242	115 961
Ноябрь	10 792	613	5,679	119 403
Декабрь	11 065	456	4,121	101 596
Всего	123 810	5861	4,733	1 335 668

В Син-Ёсивара находилось от 2900 до 3000 женщин, то есть каждая юдзё в среднем обслуживала за год от 445 до 460 клиентов.

МУСЭН ЮКЁ

(Поход развлечься без денег)

Такое явление, как мусэн юкё, или поход развлечься, не обладая необходимыми средствами, было известно в Ёсивара под названием эбисуко или хорицу (закон).

Первый термин произошел от того, что большинство тех, кто намеренно «шел прогуляться», не имея денег, вели себя как состоятельные клиенты и этим напоминали бога богатства (Эбису), которого можно было часто видеть на фестивалях «Эбисуко» (в честь бога богатства), а на самом деле не имели за душой и медного гроша (бита итимон), чтобы расплатиться. Второй термин сложился в силу того, что множество студентов-правоведов (хорицу) были замешаны в мошенничестве, но умудрялись ускользать от ответственности с помощью остроумных аргументов и спо-

Эбису (бог богатства)

Дарума

собности толкать своих жертв на незаконные действия, которые они обращали в свою пользу и применяли как оружие против кредиторов. Действительно, в некоторых случаях содержатели публичных домов не могли обратиться в полицию и были вынуждены «молчать и улыбаться», скрывая свои потери, нанесенные сообразительностью и хорошо подвешенным языком хорицу. Нередко и представители ремесленников (сёкунин) под влиянием винных паров заходили в публичный дом, не проверив состояние своих кошельков, и утром оказывались лицом к лицу с длинным счетом, который они не могли оплатить. Эти бедолаги попадали в руки профессиональных «наладчиков» (симацуя — тот, кто улаживает разные дела), из так называемых «умая» (лошадиные дома), которые за комиссию выбивали долги. Из умая направлялся посланец (ума), который сопровождал незадачливого гостя до дому и стерег его до тех пор, пока счет не будет оплачен. Случалось, правда, что гость приводил ума к какому-нибудь дому, делал вид, что это его, заходил внутрь, якобы за деньгами, и тихо исчезал через заднюю дверь. Но даже исчезнувший таким образом гость со временем обнаруживался и, если он все же не мог заплатить, ума накладывал на него нечто вроде штрафа из 50 сенов в день.

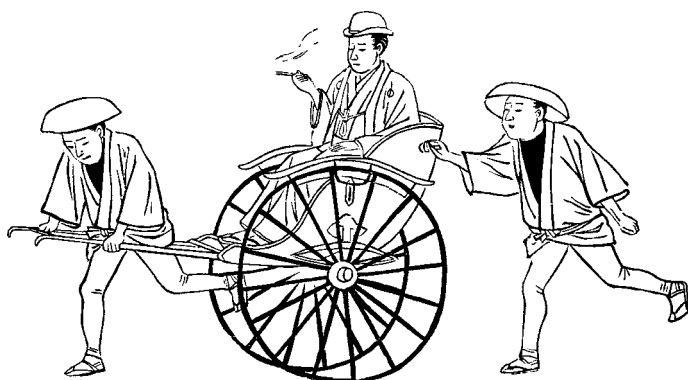
Способ развлечения «Эбисуко» для некоторых негодяев превратился в подобие профессии, и говорят, в Токио существует несколько шаек или банд (куми или гуми) таких мошенников. Это Хонгогуми, Кандагуми, Ситаягуми, Сибагуми, Фукагавагуми и т. п. Название каждой куми происходит от названия района, где она обитает. Есть еще отдельная куми — Дарумагуми, названная так потому, что ее члены носили на предплечье татуировку с изображением Дарума. Они проводили свои мошеннические операции в изумительно свободной и легкой манере. Дарума представляет собой известного князя и буддийского проповедника из Южной Индии — Бодхидхарму. Этот почтенный патриарх просидел в глубокой задумчивости девять лет, и его ноги отвалились, поэтому по-японски его описывают как оаси-но най (не имеющий ног), однако игра слов позволяет понимать это выражение как «не имеющий наличных». И поскольку члены этой Дарумагуми никогда ни за что не платили, «торговая марка», которую они себе выбрали, представляется весьма подходящей! Среди членов этих прелестных обществ процесс уклонения от оплаты счетов назывался киппараи (пробиться сквозь препятствия) или на-касэру (довести до слез).

ЁСИВАРА ГАЁИ-НО ДЗИНРИКИСЯ

(Рикиши в Ёсивара)

Использование паланкинов (цудзикаго) широкой публикой было разрешено в эпоху Гэнроку (1688—1704), но число этих средств передвижения в Эдо было ограничено всего одной сотней! Поэтому люди имели обыкновение посещать Ёсивара верхом на лошадях. (Название улицы в Ёсивара Умамита (Лошадиная улица) указывает на то, что лошади появлялись в квартале.) Позже количество паланкинов увеличилось, но с приходом эпохи Мэйдзи каго вышли из моды.

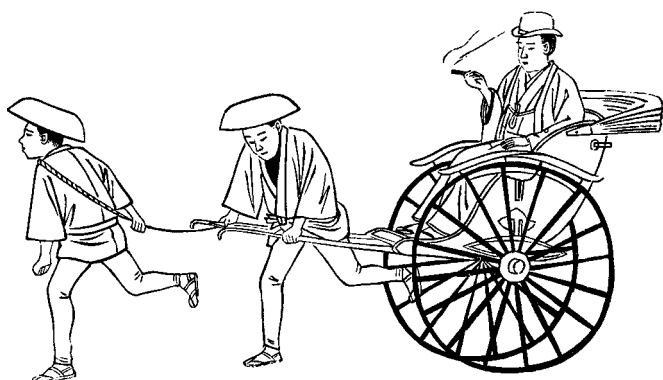
Рикиши (по-японски — дзинрикися, и слово относится не к человеку, а к двухколесной повозке с человеческой тягой), которые курсировали между Умамита и Ёсивара, называли себя ёнаси (сокращенное от ёнабэси — ночные работники), потому что днем спали, а к работе приступали вечером. Са-

Дзинрикися (курума) с тягачом и толкачом (атоси)

мыми известными «парками» рикш в окрестностях Ёсивара были Тацусин, Хагэгуми, Хонтёбан, Дотэгуми, Мисава и др. Работники из этих «парков» в сумерках выходили на заработки и начинали гоняться за подходящими пешеходами со словами: «Данна нака-мадэ икага дэс ка?» («Господин, не хотите ли проехаться до Ёсивара?») Поначалу эти рыцари дорог назначали непомерную цену, но после некоторых пререканий с возможным пассажиром снижали ее до примерно 15 сенов за ри (около 4 км). Когда достигалось согласие, они подхватывали ручки повозки и с криком «Ой кита! Хора ё!» (совершенно непереводимо) бросались со всех ног вперед, размахивая фонарем (в среде рикш такой фонарь назывался камбан). Рикша, желающий заработать еще и чаевые, обычно спрашивал седока: «Данна дотира-э цукэмас?» («Господин, к какому публичному дому вас доставить?»), и если ответ был «Нани Омон-дэ ёросий» («Высади меня у главных ворот»), значит, пассажир всего лишь собирался в Ёсивара поглазеть. Если же седок ответит «Эмондзака-дэ оросэ» («Высади меня у Эмондзака»), значит, он трусоват и хочет защититься от требований рикши о повышении платы, используя близость полицейского участка на холме.

Если в коляску впрягались два курумая (колясочника), основной и атоси (толкач) или цунахики (пристяжной), размер оплаты увеличивался втрое, потому что один из них должен был возвращаться назад без коляски и не мог под-

Дзинрикиси (курума) с тягачом и цунахики

садить пассажира на обратном пути. Атоси и цунахики тратили время на дорогу домой, тогда как тот, кто оставался при коляске, всегда мог что-то заработать по пути назад.

Рикша, доставивший гостя в публичный дом или чайный домик, всегда получал от заведения чаевые в размере 20—30 сенов, которые потом записывались в счет гостя. Существует также группа рикш, известных как моросяфу (теневые рикши). Временами эти негодяи заключали соглашения с определенными низкоразрядными публичными домами (боря — алчные публичные дома) и заманивали провинциалов в эти притоны, получая за это незаконную прибыль. Случались среди моросяфу и такие отчаянные мерзавцы, которые отвозили седоков в безлюдные места и отбирали у них деньги и ценности, подобно разбойникам с большой дороги.

Однако строгий полицейский надзор и контроль со стороны гильдии рикш почти прекратили подобные безобразия. Жаргон рикш из Ёсивара и городских рикш друг от друга почти не отличаются.

Считали они так:

Жаргон Ёсивара	Обычный язык	Значение
одзи	иссэн	1 сен
дзиба	нисэн	2 сена

ДЖОЗЕФ ДЕ БЕКЕР

Жаргон Ёсивара	Обычный язык	Значение
ями	сандзэн	3 сена
дари	сисэн	4 сена
гэнко	госэн	5 сенов
рондзи	рокусэн	6 сенов
сэйнан	ситисэн	7 сенов
бандо	хассэн	8 сенов
кива	кусэн	9 сенов
дотэ	дзиссэн	10 сенов
фурикан	нидзиссэн	20 сенов
яри	нидзюгосэн	25 сенов
фури или хансукэ	годзиссэн	50 сенов
ояри или энсукэ	итиэн или итимай	1 иена

Есть огромное количество и других жаргонных выражений, но из-за недостатка места приведем лишь несколько примеров.

Яка — торопиться (исогу кото); *янаги* — не торопиться (исоганай кото); *кайдаси* — используется для выражения идеи доставки седока в определенное место за небольшую плату с намерением взять более выгодного пассажира на обратном пути; *аибакко* — коляска на двух седоков (нинин-но курума); *мондэюку* — перемена на полпути, когда нанимается два рикши и у одного из них один седок, а у другого два; *тэраси* — свеча (росоку).

Существует забавный рассказ, связанный с появлением рикш и исчезновением паланкинов. Как-то в публичном доме гость спросил свою «подругу», может ли она сказать, какие знаки чаще всего пишутся на фонарях рикш. Она тут же ответила: «Ямагата-ни ка-но дзи-га о-годзаимас» («Чаще всего в форме горы с буквой «ка» из катаканы»). Она

думала о знаках, применяемых для отличия разных классов проституток (см. с. 108—109), и перепутала иероглифы 人力 (дзинрики) со знаком 人 и буквой 力. Отсюда следует, что в старые времена названия районов или гильдий на фонарях еще не писались, изображались только два иероглифа 人力 (дзинрики), отсюда и комический эффект!

САНЬЯУМА ДАТИНДЗУКЭ

(Цена наемных лошадей в и из Ёсивара)

В «Кинсэй кисэкико» говорится, что в прежние времена молодежь, часто посещающая Ёсивара, предпочитала передвигаться верхом. Также в те времена все белое считалось изящным. Безумие заходило так далеко, что ценились белые лошади, белые рукоятки мечей, белые кожаные хакама (свободные шаровары), белые рукава и все, что угодно, белое. В книге «Коута сомакури», изданной на 2-й год эры Камбун (1661—1672), приводятся следующие расценки аренды лошадей:

Из Нихонбаси до ворот Ёсивара.

Обычный тариф 200 монов (20 сенов)

То же на наряженной белой лошади с двумя

пешими сопровождающими

и поющими «Комуробуси» 348 монов (34 сена 8 ринов)

Из Иидамати до ворот Ёсивара.

Обычный тариф 200 монов (20 сенов)

То же на наряженной белой лошади

с двумя пешими сопровождающими

и поющими «Комуробуси» 348 монов (34 сена 8 ринов)

От ворот Асакуса до ворот Ёсивара.

Обычный тариф 132 мона (13 сенов 2 рина)

То же на наряженной белой лошади

с двумя пешими сопровождающими

и поющими «Комуробуси» 248 монов (24 сена 8 ринов)

Это говорит о моде на белых лошадей в то время, а также о том, что в годы Мэйрэки (1655—1658) была популярна песня о знатном господине, въезжающем в Ёсивара на белом коне.

Гости направляются в Ёсивара. (Со старинной гравюры)

РЁТЮ ОЁБИ ИНСЁКУ-НО КОТО

(О болезнях проституток и об их еде)

Вообще, каждая юдзё имеет в своем распоряжении комнату, независимо от того, есть у нее гости или нет. Однако в некоторых домах, в случае болезни проститутки, ей не разрешали оставаться в своей комнате, а отсылали вниз в обёя (большая комната) для лечения. Среди обитателей публичного дома такие комнаты назывались ёсэба (место сбора).

В покоях куртизанок имелась вся необходимая кухонная утварь, и поэтому многие принимали пищу у себя, разве что брали на кухне вареный рис, а все остальное готовили сами.

В некоторых домах, однако, обитатели обедали все вместе на кухне. Отсюда старинная поговорка: «Юдзё-о набэ-кама наси-но сётаймоти» («Юдзё как домохозяин, у которого нет ни горшка, ни сковородки»). В Кадзитаро юдзё приказывали своим служанкам варить рис на угольных жаровнях прямо в их покоях.

ХИКЭ-НО КОТО

(Время закрытия Ёсивара)

В «Ёсивара окагами» отмечается, что хикэ наступало в 10 часов, но позже посчитали, что это слишком рано, и ударов хёсиги (пара деревянных дощечек, хлопком друг об друга которых подавались различные сигналы) в этот час не раздавалось. Главные ворота (Омон) закрывались в десять, но кугуридо (маленькая низкая дверца в воротах) оставалась открытой для входа и выхода. С наступлением полуночи (коконоцудоки) хёсиги хлопали четыре раза и квартал полностью закрывался.

КОТЁ-НО КОТО

(Следующее утро)

В «Ёсивара окагами», на которую мы ссылались в предыдущей главе, сказано, что расставание и возвращение домой

утром называется котё, но в обычном японском языке расставание двух любовников утром идиоматически называется кину гину-но вакарэ.

ХИРУДЗИМАИ ЁДЗИМАИ-НО КОТО

(Дневные и вечерние ангажементы куртизанок)

«Ёсивара окагами» также повествует о том, что раньше существовало два вида симаи (здесь это слово означает «ангажемент, свидание»), то есть хирудзимаи (дневной ангажемент) и ёдзимаи (ночной ангажемент)¹.

РАКУСЭКИ-НО КОТО

(Удаление имен из реестра Ёсивара)

«Ёсивара окагами» сообщает: «Существует три вида ракусэки. Первый по окончании срока контракта (нэнки аки), второй при выкупе куртизанки клиентом до окончания срока контракта (миукэ) и третий при выкупе родителями (также миукэ). Когда женщина получает от хозяина расчет по окончании срока действия контракта, она получает на руки контракт (сёмон) и, попрощавшись с друзьями и знакомыми, уходит. При этом ей также выдается справка или пропуск (тэгата) для выхода за главные ворота, сформулированный следующим образом:

Куртизанка..... (имя)..... принадлежащая
дому..... (название).....

Ее контракт закончился, и она поступает в распоряжение своих родственников за пределами квартала, поэтому позвольте ей беспрепятственно выйти за ворота.

(Дата).....

(Подпись)

Хозяин

(печать)

Г-ну Сиробэй
Главные ворота».

¹ Симаи превратилось в дзимаи после «хиру» и «ё» для благозвучия.

Но даже если женщине повезет настолько, что она вырвется из омута этой смерти при жизни и вернется обратно в нормальный мир, она все равно уже потеряла невинность и растратила все цветы своей молодости и, если она не привыкла исполнять обязанности добродетельной женщины, ее будущее не выглядит обнадеживающим.

Обычно срок контракта кончается, когда проститутке исполняется 25 лет, но, как правило, девушки остаются в публичных домах до достижения 27 лет.

Что касается миукэ (выкуп клиентом), то это совершенно другой вариант по сравнению с нэнки аки (окончание срока действия контракта), поскольку в этом случае женщина не только избегает многих лет омерзительного и болезненного рабства, но может провести оставшуюся жизнь сравнительно легко и безбедно. Благодаря таким обстоятельствам многие проститутки мечтают о миукэ. И, несмотря на то что в дешевых романах частенько описываются девушки, отказавшиеся от предложения миукэ, поступившего от богатого клиента, потому что у них есть любимые, которым они пообещали себя по окончании срока контракта, в реальной жизни такое случается крайне редко. Скорее наоборот, средняя юдзё делает все, чтобы убедить клиента забрать ее, если он намекнул, что собирается это сделать. Когда клиент желает выкупить приглянувшуюся ему женщину, рассчитывая на ее ответные чувства, он обращается к содержателю публичного дома, а тот, в свою очередь, связывается с ее родителями, и, если последние не выдвигают сколько-нибудь весомых возражений, то процедура миукэ совершается. При этом клиентом выплачивается выкуп (ми-но сирокин) и все долги девушки. Далее клиенту выдается ее контракт (миури сёмон — документ о продаже тела). В последующих действиях содержатель публичного дома играет роль родителей девушки. Другьям выставляется сэкихан (красный рис, сваренный с красными бобами) и другие угощения, а в чайные дома Накано-тё, чтобы отпраздновать событие, доставляется сэкихан и кацуобуси (сушеные рыбные хлопья). Также прощальные подарки делаются гейшам, хоканам (шутам) и вакаймоно (мужчины-прислужники), с которыми знаком гость. В завершение организуется банкет в том самом помещении, где клиент

был частым гостем. На банкет приглашаются подружки выкупаемой женщины, а также гейши и хоканы для оживления мероприятия. По окончании праздника толпа мужчин и женщин сопровождает пару до главных ворот, где их ждет паланкин, и под хор благих пожеланий и саёнара (до свидания) они отбывают.

Существует два вида юдзё, известные как дзэгэнцуки и дзэгэнаси, или те, которые были проданы в публичный дом непосредственно родителями, и те, которые были проданы через посредников (дзэгэн). Тех, кого продали родители, было легче и дешевле выкупить, тогда как в случае с другими дзэгэны часто пытались завязать долги таких женщин или тайно продлить срок действия их контрактов, таким образом чиня препятствия их выкупу клиентом.

ГАЙСЮЦУ ОЁБИ ТОБО

(Выход или бегство из Ёсивара)

«Ёсивара окагами» сообщает, что со дня основания Ёсивара выход проституток за пределы квартала был запрещен, за исключением таю, которым время от времени дозволялось выходить наружу для посещения Верховного суда (Хёдзёсё) и встречи с чиновниками.

Если дзёро вызывалась в матибугё (городскую префектуру), ее сопровождали два вакаймоно, хозяин публичного дома, пять телохранителей (гонингуми), представитель нануси и его яритэ. Последние преподносили скромный подарок чиновникам бугё с тем, чтобы они предоставили коврик, на который могла сесть дзёро, притом что на все вопросы судьи отвечала яритэ, а дзёро оставалась безмолвной.

Каждый год весной обитатели публичных домов выходили в Уэно, Асукаяма или Мукодзима полюбоваться цветущими вишнями и по этому поводу проводили день в распитии сакэ под вишнями, развлекая себя танцами и другими забавами. Традиция появления таю в Хёдзёсё закончилась в годы Канъэй (1624—1644), а любование цветами вишни вышло из моды к периоду Бунсэй (1818—1830). Помимо этих случаев, проститутки могли выйти за ворота

для лечения у врача за пределами Ёсивара или для поправки здоровья на вилле хозяина публичного дома (росю-но бэссо). Если родители проститутки, проживающие в окрестностях Асакуса, серьезно заболели, дочь могла навестить их по специальному разрешению росю (хозяина публичного дома), но даже в таких случаях женщины выходили за ворота под предлогом болезни, имея пропуск, выданный нануси, следующего содержания:

«Куртизанка..... (имя)....., работающая на..... (имя)....., будучи больной, отсылается за главные ворота (Омон) для визита к доктору..... (имя)..... в сопровождении своего хозяина. Позвольте ей беспрепятственно выйти за ворота.

(Дата).....

(Подпись)

Нануси

(печать)

Г-ну Сиробэй
Главные ворота».

Наверняка женщина, таким образом оказавшаяся за пределами Ёсивара, с любопытством выглядывала из паланкина (каго), дивясь изменениям, произошедшим на улицах. Затем она, скорее всего, начинала волноваться о здоровье своих родителей и заставляла носильщиков (кагоя) бежать быстрее. Прибыв в дом родителей, она находила отца серьезно больным, лежащим в полной нищете. Ее бедная старая мать, взяв дочь за руку, не может сдержать горьких слез. Потом происходил длинный разговор о будущем, а затем день передышки подходил к концу, поскольку куртизанка должна вернуться в Ёсивара до половины шестого вечера. Грустные звуки храмового колокола в Асакуса напоминают ей о том, что ее время на исходе. И, подгоняемая яритэ (старая карга из публичного дома), без которой ее бы не отпустили, она встает, прощается с плачущими родителями и садится в каго, который несет ее, почти ослепшую от бессильных слез, обратно в мир позлащенных страданий.

Несмотря на существующие правила прохода через главные ворота, находились проститутки, пытавшиеся убежать из Ёсивара вследствие непреодолимого желания повидаться с любимым или тяжелого бремени долгов. Когда такое слу-

чалось, озабоченный хозяин публичного дома рассылал во все стороны людей, чтобы выследить беглянку, или обращался в полицейский участок (мэмбансё) с просьбой о ее задержании. И поскольку сыщики сразу включались в работу по установлению ее местонахождения, почти все сбежавшие женщины бывали схвачены и с позором возвращены своим хозяевам. Возвращенные беглянки подвергались суровому порицанию со стороны хозяина, яритэ и банто, а все расходы на ее поиск и поимку записывались на ее счет. Таким образом, срок ее рабства в публичном доме продолжался. Иногда, если хозяин находил это необходимым, проститутке назначалось особое наказание. В случаях, когда побеги продолжались, женщину обычно перепродавали в какой-нибудь квартал проституток за пределами Ёсивара при посредничестве дзэгэна (сводника). Такая практика называлась курагаэ (смена седла). Говорят, существовал обычай, когда хозяин публичного дома за пределами Ёсивара, начиная переговоры о приобретении куртизанки-курагаэ, подсылал в дом куртизанки своего банто под видом обычного гостя. Тот проводил с ней ночь, и по результатам его доклада стороны договаривались о размере ми-но сирокин (деньги за тело).

ЮДЗЁ БЁСИ ОЁБИ ДЗЁСИ-НО КОТО¹

(Смерть и двойные самоубийства куртизанок)

«Ёсивара окагами» сообщает, что жизнь куртизанок обычно описывали как «мир, полный боли» (кутаи), и это можно легко представить. Попавшая в это тяжелое положение женщина не только превращается в простую игрушку для удовлетворения похоти распутных мужчин, но и ее свобода настолько ограничивалась обстоятельствами, что она не могла ни поесть, ни поспать в одиночестве. Из-за нерегулярного питания риску подвергается ее здоровье. Другие заболевают от постоянной озабоченности финансовыми проблемами или становятся жертвой омерзительных и, возможно, неизлечимых болезней.

¹ Также см. приложения.

Когда заболевает перворазрядная проститутка (дзёто-но юдзё), хозяин публичного дома, и так тратящий много средств на ее содержание, ничего не пожалеет и для лечения. Если болезнь оказывается тяжелой, женщина может быть помещена на виллу хозяина (расположенную в окрестностях Имадо или Санья). Там за ней будет ухаживать камуро (служанка), а сам хозяин несколько раз зайдет в храм помолиться о ее выздоровлении. Если же проститутка имеет низкий ранг и не особенно популярна, отношение к ней хозяина совершенно иное. Девушка будет отдана в руки какому-нибудь врачу-шарлатану, а затем изгнана в отдаленную мрачную комнату, где будет прозябать подальше от глаз остальных обитателей дома. Если ее состояние окажется особо тяжелым, хозяин публичного дома, чтобы избежать проблем и затрат, связанных с возможной смертью, вызывает ее родителей и передает им больную вместе с сёмон (контракт). Если юдзё умирает в публичном доме, ответственный за ежемесячные проверки (цукигёдзи) докладывает об этом нануси, а тот, в свою очередь, вызывает ее родителей или поручителя, чтобы передать им тело. Если родители живут далеко, хозяин публичного дома предает тело юдзё земле на Дотэцу (кладбище для нищих и бродяг) в присутствии ее поручителя. Это место также известно как нагэкоми (место, где бросают). В старинном стихотворении описывается будущее, которое ожидает несчастных сёги (проституток): «Она движется к могиле в бедном гробу, и лишь одна маленькая служанка оплакивает ее».

К сожалению, это описание во многом справедливо.

Помимо естественных смертей, многие юдзё совершают самоубийства вместе со своими возлюбленными. Происходит это по многим причинам, но главными являются невозможность построить семейное счастье и финансовые трудности. Такие двойные самоубийства назывались синдзю (心中 тайные уголки души), но в годы Кёхо (1716—1736) судья Оока Этидзэн-но Ками (которого называют японским Соломоном) выразил мнение, что если слово «синдзю» прочесть в обратном направлении, то получится тюсин (中心 — верность), и было бы абсурдом называть двойное самоубийство мужчины и женщины на любовной почве верностью. Почему впрямь он приказал называть подобные самоубийства атаидзини (相對死 — смерть по совместному соглашению).

Позже г-н Коидзуми Якумо (Лафкадио Хёрн¹) в своих «Бликах незнакомой Японии» (Т. 1) приводит очень интересный пример синдзю.

В прежние времена жил хатамото² по имени Фудзиэда Гэки, вассал сёгуна. У него был доход в 5000 коку риса в год³ — большие деньги по тем временам. Но он влюбился в обительницу Ёсивара по имени Аягину и захотел на ней жениться. Когда сюзерен приказал ему выбрать между долгом и чувствами, любовники тайно пробрались в фермерский дом и совершили самоубийство.

Память об этом событии сохранилась в популярной песне, где говорится:

Кими-то нэяру ка госэнгоку тору ка
Нан-но госэнгоку-то нэё.
(Еще раз оказаться рядом с ней или иметь 5000 коку?
На что мне эти коку? Я хочу быть с ней.)

Согласно «Тото кофунси» («Записки о древних могилах Восточной столицы») Дзёкандзи, храм в Минова в районе Ситая, был местом погребения юдзё из Ёсивара. Когда всех тайных проституток Эдо переправили в Ёсивара, их стали называть байдзё (賣女 — проданные женщины). Изначально тела этих женщин и других тайных проституток предавали земле только в этом храме, но со временем их стали хоронить и в других местах, как и лицензированных юдзё. Далее в книге повествуется.

На этих кладбищах встречалось много могил юдзё, совершивших самоубийство со своими любовниками. На могильных камнях были выбиты описания мечей, которыми

¹ Х ё р н Л а ф к а д и о (1850—1904) — писатель, переводчик, просветитель. В 1889 г. Лафкадио Хёрн, к тому времени уже известный в США журналист и публицист, прибыл в Японию. Здесь Хёрн натурализовался под именем Коидзуми Якумо и женился на японке. Вся последующая жизнь литератора прошла в соответствии с японскими обычаями и традициями. Среди наиболее известных произведений о Японии, помимо «Бликов незнакомой Японии», можно назвать «С Востока», а также книгу «Попытка интерпретации» (1904). (Примеч. пер.)

² Х а т а м о т о — наиболее привилегированный слой самурайства, непосредственные вассалы сёгуна. (Примеч. пер.)

³ Коку составляет примерно 150 кг риса. Это среднегодовая потребность одного человека. (Примеч. пер.)

они убили себя, а также их возраст и имена. Есть что-то настолько жуткое и сверхъестественное в этих безжалостных надписях на серых замшелых памятниках, что у досужего зеваки стынет кровь, и он покидает это мрачное место с твердым намерением больше никогда сюда не возвращаться. В периоды Гэнроку (1688—1704) и Сётоку (1711—1716) синдзю, или двойные самоубийства клиентов, и дзёро стали настолько популярны, что дзёроя (публичные дома) были вынуждены в целях самосохранения выставлять тела и мужчины и женщины в течение трех дней на Нихомбаси. Неприкасаемые, или эта¹, затем хоронили их и разносили рассказ об этом по улицам Эдо. Тех, кто совершил синдзю, хоронили как собак. Их руки и ноги были связаны вместе, а тела, завернутые в циновки, сбрасывали в общие могилы. Обитатели дзёроя верили, что в результате этого души умерших не будут посещать дома, где закончили свой земной путь².

СИН-ЁСИВАРА-НО БОДАЙДЗИ

(Кладбище Син-Ёсивара)

Храм Дзёкандзи в Минова и Дотэцу³ на берегу (Нихон цуцуми) были раньше единственными местами, где хоронили юдзё из Ёсивара, которые умерли в период действия их контракта и не имели никого, кто бы позаботился об их останках. Со времен Реставрации правила, регулирующие деятельность кварталов проституток, изменились и похороны юдзё на этих кладбищах стали редкостью.

Могилы знаменитых куртизанок Така-о из дома Миурая и Усугумо расположены на кладбище Дотэцу. Могила Усугумо известна как нэкодзука (кошачий холм). На 25 октября

¹ В Японии к неприкасаемым (эта — оскверненные, грязные или буракумин — жители специальных поселений) относились в первую очередь люди, занимавшиеся разделкой туш животных и соприкасавшиеся с кровью. Ранее они проживали в специальных обособленных поселениях (токусю-бураку), куда не могли входить другие люди. *(Примеч. пер.)*

² Поверье гласит, что привидений животных не бывает.

³ Сейчас называется Когандзан саходзи и находится на Сёдэнтё, 36 в Асакуса.

1893 года пришлась 233-я годовщина смерти Така-о, по поводу которой в храме состоялась пышная религиозная церемония, где присутствовали толпы обитателей Ёсивара.

На могиле Така-о написано:

Саму кадзэ-ни
Мороку-мо кицуру
Момидзи кана

Увы, бедные кленовые листья, сорванные и разбросанные холодным ветром!

КАРИТАКУ-НО КОТО

(Временные кварталы проституток)

Каритаку означает временное пристанище для ведения дела после уничтожения Ёсивара пожаром. Когда случалось такое несчастье, хозяева публичных домов обращались к властям за разрешением организовать каритаку, и, как говорят, их просьбы всегда удовлетворялись, даже если от огня пострадала только часть квартала.

Довольно долго пожары обходили стороной Ёсивара, но в 1862 году (29 мая) более половины публичных домов сгорело дотла, и по соседству с Фукагава было организовано каритаку. Пока дело велось на временной территории, публичные дома не всегда строго соблюдали все правила и традиции, и случалось, что под видом стремления к упрощению процедуры функции публичных домов выполняли даже чайные дома. При таких условиях в карманы содержателей публичных домов попадало больше денег, чем обычно, а бизнес заметно оживлялся с наплывом гостей, привлеченных новизной условий и местоположения. Поэтому в периоды застоя дел в Ёсивара содержатели публичных домов по совершенно понятным причинам подумывали об организации каритаку. Во 2-й год Кэйо (1866), когда каритаку было устроено на Миндзэнтё в Фукагава, некоторыми содержателями было направлено прошение властям с предложением выплаты 10 000 рё в год в случае разрешения оставить временный квартал на этом месте навсегда. Правда,

они получили отказ. Практика устройства каритаку возникла в 3-й год Мэйрэки (1657), когда публичные дома на Фукуятё были полностью уничтожены памятным пожаром того же года, и в ожидании переезда в Ёсивара временные публичные дома были организованы в Имадо, Санья и Яма-но-сику путем аренды обычных домов.

С тех пор, когда бы Ёсивара ни страдал от огня, временный квартал устраивался на срок от 200 до 300 дней в Рёгоку, Накадзу, Таканава, Фукагава, Асакуса, Намики, Ханакандо и др. Временные публичные дома, организованные во 2-й год Кока (1845), были разбросаны по двадцати различным улицам: Ямакаватё, Тамати-иттёмэ, Тамати-нитёмэ, Саньямати, Асакусамати, Синъторикозэмати-иттёмэ, Синъторикозэмати-нитёмэ, Синъторикозэмати-сантёмэ, напротив Хатиман-Онъядо (в районе Хондзё), Рокусякюясики, Канэясики, Нагаокатё-иттёмэ, Хатиробэйясики, Мацуитё-иттёмэ и Ирэтё (в районе Фукагава), Эйтайдзи-мондзэнтё, Накатё, Хигаси-накатё, Ямамототё, Мацумуратё, Цукудатё, Токиватё-нитёмэ. В Нанакавадо-мати и в Сёдэнтё (Асакуса) по особой хартии, полученной от властей (токкё), организовали свое дело Тамая Синдзабуро и еще более двадцати известных публичных домов.

Понятно, что единых инструкций по устройству временных публичных домов не существовало, их составляли соответственно обстоятельствам, но общую идею можно понять из инструкции, изданной в 6-й год Кансэй (1794):

«Вследствие пожара, нанесшего ущерб Ёсивара, настоящим разрешается деятельность временных публичных домов при условии строгого исполнения хозяевами следующих правил:

1. Одежда юдзё не должна привлекать к себе пристального внимания.

2. Ни юдзё, ни камуро не разрешается покидать дома.

Даже внутри домов им не позволено появляться на фасадной стороне второго этажа или в окнах, так чтобы привлечь внимание прохожих.

3. Поскольку деятельность домов осуществляется за пределами специального квартала, все должно происходить тихо и скромно, а открытые демонстрации куртизанок, принятые в Ёсивара, категорически запрещены».

Следующее описание каритаку дается в «Эдо хандзёки»:

«Как правило, временный публичный дом располагает очень небольшим помещением. Примерно одной десятой от того, что имелось в постоянном здании в Ёсивара, в то время как наплыв гостей возрастает в десять раз против обычного. В таких условиях кровати для нескольких гостей помещают в одной комнате, просто отделив их друг от друга ширмами. Такой тип ночлега называется варидоко (разделенная постель). Кровати размещены так, что иногда чьи-то ноги приходят в непосредственное соприкосновение с чьей-нибудь головой и наоборот. Из-за ширм слышится болтовня юдзё со своим гостем. Слышно, как она улещивает его словами: «С первого же свидания моя любовь к вам превратилась в пылкую страсть и вся моя душа томится в ожидании вашего прихода. Вороны могут перестать каркать, но я не перестану думать о вас, мой принц!..»

Из-за ширмы слева слышится тихий шепот гостя, говорящего своей юдзё, что, если она его любит, он выкупит ее... Гость напротив оказался студентом и декламирует китайские стихи из «Тосисэн»¹. Его юдзё впадает в недоумение, не понимая, о чем он говорит, и спрашивает студента: «А что за чудные слова вы произносите и что это за тёмэн (бухгалтерская книга) вы принесли с собой?» — «Ну что за темная ты женщина! — отвечает гость. — Это же знаменитые китайские стихи, которые тебе лучше бы запомнить...» Юдзё гостя куда-то отошла, и он, не желая оставаться пассивным, зевает и потягивается... Где-то в комнате находится господин, который здорово повеселился и настолько пьян, что не может стоять, однако отказывается лечь и поспать. Как только он пытается встать, его ноги подгибаются и он оседает на постель. Разочарованный, но не обескураженный пропойца начинает слезливо жаловаться громким ворчливым голосом, то выражая свое возмущение, то раздражаясь беспричинным смехом. Вскоре он пытается развеселить себя исполнением кияри (песня пожарников), начиная песню пронзительным фальцетом во всю силу легких, но тут же сбиваясь и заканчивая невнятным пьяным бормотанием.

¹ «Т о с и с э н» — сборник китайской поэзии эпохи династии Тан (618—907). (Примеч. пер.)

Внезапно эти прелестные звуки прекращаются, поскольку сопровождающая его юдзё, опасаясь, что этот вой потревожит остальных гостей, силой укладывает его в постель и накрывает с головой одеялом, удаляя его из звуковой картины этой ночи... Теперь другой гость, который до сих пор спал под влиянием винных паров, просыпается и, влекомый зовом природы, начинает искать выход, натываясь в полумраке на окружающие ширмы. Но его состояние приводит его, и, так и не поняв, где он находится, гость начинает сердито требовать объяснить ему причину его заточения и немедленно освободить, грозя в противном случае разнести здесь все. Поскольку никакого ответа не приходит, расхрабравшийся молодой человек яростно пинает ширмы вокруг себя, обрушивая их на головы спящих и грубо прерывая их сон, выходя из себя еще больше, он бросается на оставшиеся ширмы, расшвыривая их в разные стороны и являя взору интересные сцены, происходящие в других частях комнаты. Нервы остальных гостей не выдерживают, и начинается общая паника, подогреваемая истерическим визгом юдзё, криками «Горим!!» и т. д.».

Из этого описания видно, что обычные дома, временно приспособленные под публичные, были интересными местами, особенно при большом наплыве гостей, и что в их стенах случалось множество комичных и забавных ситуаций. Кстати, именно это привлекало туда еще больше посетителей.

ДОТЮ-НО КОТО ОЁБИ ЦУКИДАСИ-НО КОТО

*(Шествия юдзё и первые появления
«рекрутов» в Ёсивара)*

Процессии, или шествия, юдзё всегда считались самым пышным зрелищем и важнейшей церемонией в Ёсивара. Однако сейчас это удивительное шествие в пору цветения вишен состоялось лишь однажды в ранние годы Мэйдзи и еще раз в 1887 году. Причем оба раза все проводилось не в соответствии со строгими канонами прежних времен, а в заметно упрощенной форме. С тех пор попыток возродить эту овеванную временем традицию не производилось.

Лучше всех описал подобное шествие юдзё Генри Норман в книге «Настоящая Япония», которую мы и процитируем.

«Самые великолепные зрелища в Ёсивара происходят в течение нескольких дней три раза в год в 5 часов пополудни, когда в садах вдоль улиц зацветают новые цветы. Первым весной появляется розовое великолепие цветущей вишни, затем, летом, пурпур ирисов и, наконец, сотни оттенков хризантем, национального цветка Японии. Когда новые цветы посажены, юдзё наносят им официальный визит. От каждого крупного дома выбирается с полдюжины красавиц, которых одевают в пышные платья, укладывают волосы в высокие прически, вставляют гребни и заколки, торчащие на три фута по обе стороны прически, и ставят их на черные лакированные гэта высотой в целый фут. Когда женщины полностью подготовлены к выходу, к ним присоединяется два десятка слуг. Два-три из них выступают впереди, оттесняя толпу. Еще двое с двух сторон поддерживают юдзё за руки. И в таком виде торжественно и очень медленно, по шагу в минуту, удивительная процессия начинает движение по саду. На улице она смешивается с процессиями из других домов, и постепенно вся главная улица Ёсивара оказывается заполненной глазающей толпой, поверх голов которой изредка видны лица участников шествия.

Ходить на высоких гэта само по себе искусство, и девушек специально этому обучают. Одна нога выдвигается немного вперед и прочно устанавливается на земле. Затем кончиками пальцев за ремешок, проходящий между первым и вторым пальцами, поднимается второй гэта и ставится впереди и чуть наискось от первого носком внутрь. Далее все повторяется с первым гэта, как если бы конькобежец двигался на наружных ребрах коньков. Японцы называют такую походку хатимондзи-ни аруку (ходить восьмеркой). Ощущение, возникающее от созерцания этой процессии, трудно передать словами. Роскошные, дорогие наряды юдзё, драгоценные шелка, парча, сияющая золотым и красным, огромные банты оби, завязанные спереди (куртизанки обязаны были это делать, чтобы отличаться от остальных

женщин)¹, пирамидальные прически, лица белые как снег, черные брови, алые губы и даже ногти на ногах, покрашенные в розовый цвет, слуги-мужчины, бережно держащие ее с двух сторон за кончики пальцев и проявляющие столько же внимания к каждому ее шагу, как церковный служака к престарелому священнику. Несколько служанок, важно идущих сзади, лакей, расталкивающий толпу, и другой, старательно убирающий любой прутик или листок с ее пути, ее медленная и болезненная походка хатимондзи, ее остановившийся наполовину высокомерный, наполовину застенчивый взгляд, направленный вперед, густая молчаливая толпа, религиозное содержание этой порочной церемонии составляют отголоски фаллического церемониала — стойкость Приапа, — все для того, чтобы сделать зрелище уникальным и неповторимым, чтобы его не с чем было сравнить».

В «Ёсивара тайдзэн» («Полное описание Ёсивара») отмечается, что термин «дотю» (道中 — путешествие) означал выход проститутки в агэя или ее прогулку по Накано-тё. Употребляли его в таком смысле, потому что выход юдзё из Эдотё в Кёмати рассматривался как путешествие. Чтобы юдзё могла совершить дотю, ей требовались соответствующие навыки. Самым сложным было поддерживать нижнюю часть платья так, чтобы двигаться с грациозным достоинством.

Несмотря на то что в настоящее время агэя больше нет, традиция сохранилась и выход юдзё на Накано-тё продолжают называть дотю.

Во времена, когда в Ёсивара агэя еще существовали, было принято, чтобы таю являлась туда для встречи с гостем. В таких случаях ее сопровождали ее синдзо, яритэ, камуро и вакаймоно. На этот счет в «Добо гоэн» сообщается: «В Мотоёсивара (прежнее местоположение квартала) в дождливую погоду юдзё переносилось в агэя на спинах слуг. Эти слуги-мужчины (рокусяку) сцепляли руки за спиной и делали из ладоней нечто вроде сиденья, на которое таю садились или становились коленями, старательно заворачивая нижнее

¹ Раньше это предписывалось законом, но сейчас оби завязывают спереди безотносительно к древней традиции. Старые правила уже давно никто не выполняет.

Куртизанок несут в агэя

платье вокруг своих ног, а верхнее оставляя свисать вниз. Руками за носильщика таю не держалась, а была занята своим нарядом и т. п. Сзади другой слуга прикрывал ее зонтом из промасленной бумаги». Говорят, в таком положении таю выглядели очень изящно.

С переездом квартала публичных домов на новое место, в нынешний Ёсивара, таю стали время от времени добираться до агэя в паланкинах, находя такой вид транспорта более удобным.

В «Добо гоэн ихон кои» утверждается, что «вплоть до эры Кэйтё знатные дамы обычно передвигались на спинах слуг-мужчин, а паланкины использовались крайне редко. Эти дамы носили на голове накидки в виде капюшонов (кацуги), а на спинах носильщиков закреплялись деревянные сиденья, на которые женщины могли присесть. Обычай проститутки передвигаться на спинах носильщиков родился из желания подражать представителям высших классов».

С переездом в Син-Ёсивара стали часто использоваться паланкины, но позже решили обходиться без них, и юдзё стали предпочитать добираться по своим делам пешком, даже в ненастную погоду... Как говорилось выше, в дождь и в грязь перворазрядные юдзё передвигались в паланкинах, но синдзо приходилось ходить пешком, обув специальные сандалии — цумэкакуси. Эти цумэкакуси были особенно популярны в Миурая из Кёмати.

Причина, по которой прогулки юдзё стали главной достопримечательностью Ёсивара в последнее время, кроется в том, что, несмотря на то что женщины перестали передвигаться в и из агэя в силу исчезновения последних, у них осталась привычка демонстрировать свои пышные наряды на Накано-тё и показывать себя в тамошних чайных домах. Традиция дотю осталась как реликт моды тех времен.

Как уже говорилось, если юдзё выходила из дому в дождливую погоду, сзади ее прикрывал зонт на длинной ручке. Обычно зонтами пользовались люди благородного происхождения, но использование зонтов для юдзё было разрешено в силу предположения, что последние были придворными дамами¹.

Зрелище вечерней процессии юдзё по ярко освещенным улицам в окружении ее синдзо, камуро, яритэ и вакаймоно, огромного фонаря с ее гербом, который несут впереди, толпы обитателей чайных домов и фунаёдо, каждый с горящим фонариком-тётин, было поистине великолепным и уникальным, нигде больше не имеющим параллелей.

В старые времена все юдзё носили сандалии (гэта), однако позже, вслед за женщиной по имени Фуё (работала на

¹ Здесь присутствует игра слов «дзёро» (女耶 — проститутка) и «дзёро» (上臈 — придворная дама).

Хисия Гондзаэмона с Сумитё), которая отличалась широтой взглядов, экстравагантностью и любовью к внешним эффектам, стали носить комагэта (плетеные или низкие гэта) даже в погожие дни. Очаровательная манера, в которой эта женщина семеняла в своих комагэта, искусно приоткрывая алую подкладку своего наряда, и ее природная грациозность вызывали всеобщее восхищение. Говорят, подражание — самая искренняя форма лести, и люди были настолько очарованы ее камагэта, что стали вслед за ней носить такие же сандалии, что постепенно сформировало особую моду Ёсивара. Правда, женщины из дома Мацубая Хандзаэмона с Эдотё на Новый год и по другим праздникам не носили комагэта, что говорит о том, что даже в этот период кое-что еще осталось от простоты прежних времен и что не все общество погрузилось в безудержную роскошь последующего времени.

Пиком экстравагантности в костюмах, используемых для прогулок, стал 11-й год Кансэй (1799). В «Каяку моногатари», написанной известным юмористом Самба¹, говорится, что верхнее платье было из темно-синего атласа, подол расшит узором из лобстеров, нижнее платье из зеленого мору (разновидность плотной ткани) было подхвачено сигаки (свободный пояс) из серого атласа с подкладкой из красного крепа. Волосы были убраны в стиле хёго мусуби и украшены двумя гребнями и восемью заколками, что было повсеместно принято в те времена.

В годы Бунка (1804—1818) и Бунсэй (1818—1830) сикакэ (свободные одеяния) черного или зеленого цвета, надеваемые во время прогулок, были, как правило, богато расшиты золотом, серебром и шелковыми нитками различных цветов. Из сюжетов в моде были унрю (драконы и облака),

¹ С и к и т э й С а м б а (псевдоним; настоящее имя Кикиути Тасукэ, прозвище — Нисиномня Тасукэ; другие псевдонимы — Сикисандзин, Юги-до-дзин и др.) (1776—1822) — японский писатель. После 1798 г. создал несколько юмористических повестей, но известность получил благодаря бытовым повестям в жанре «забавных книжек» (коккэйбон) — «Общественная баня» (1809—1812) и «Общественная цирюльня» (1812—1814). Сикитэй Самба изобразил в них реалистические характеры жителей Эдо разных сословий и возрастов, смело использовал живую разговорную речь. Был также известен как поэт и каллиграф. (Примеч. пер.)

хирию (летающие драконы), ганка-но ботан (пионы под скалой), моси кёхон (разъяренный лев) и т. д. Общий эффект от этих роскошных вышивок, сияющих золотом и всеми цветами радуги в гармоничном сочетании, был ошеломляющим. Под сикакэ надевались одно на другое три белых ко-кодэ (разновидность кимоно с узкими рукавами) из риндзу (расписной атлас) с пятью большими гербами на каждом.

Походка юдзё называлась утихати мондзи, потому что при каждом шаге нога заносилась вперед носком внутрь (ути), как в китайском иероглифе (мондзи) восемь (хати — 八). Сейчас мало кто понимает в этом деле. Позже юдзё по имени Фуё (о которой уже говорилось) ввела обычай носить гэта. Будучи любительницей пышности, она носила трехзубцевые гэта с закрепленными на них соломенными сандалиями. Помимо этого, существовали церемониальные наряды, надевавшиеся в соответствии со временем года, а также специальные костюмы для празднования Нового года и 1-го дня 8-го месяца. В «Китадзато бункэнроку» сообщается, что на 3-й день 1-го месяца 11-го года Бунка (февраль 1814) среди юдзё, шествовавших в своих новых гэта и роскошных выходных нарядах, заставляя зрителей цепенеть от великолепия этих изощренностей, была женщина по имени Аривара (из дома Цуруя Итисабуро с Кёмати-иттёмэ), которая стала центром всеобщего внимания благодаря необычности своего облачения. На ней было платье, имитирующее форму офицеров Императорской гвардии (оути букан). Выше пояса ткань была бледно-голубого оттенка, на ней серебряной нитью были вышиты три переплетенные линии. На левом плече находилась вышивка, выполненная золотом, серебром и цветными нитями, изображающая пучок кирифуно я (стрелы с оперением из пятнистых соколиных перьев). Это верхнее платье представляло собой наоси (разновидность платья аристократии). Нижняя часть была окрашена в темно-лиловый цвет и серебряной нитью расшита яцубусано фудзи (цветок глицинии с восемью лепестками). Эта часть имитировала сасинуки (вид шелковых шаровар, носимых военными).

Ее пояс-оби был малиновым и расшит золотом, серебром и цветными нитями. Волосы были уложены в стиле каравы (осабунэ). Весь наряд очень напоминал форму придворного

гвардейца, и говорят, что идея одеться подобным образом родилась потому, что ее фамилия Аривара совпадала с фамилией известного воина и поэта древности Аривара Нарихира Асон (825—880). Этот образец экстравагантной манеры одеваться дан для иллюстрации того, какие наряды могут быть и сколько денег и усилий может быть потрачено на то, чтобы выглядеть роскошно и оригинально. Интересно, что, невзирая на все великолепие своих нарядов, в годы Кансэй (1789—1801) и Бунка (1804—1818) юдзё не носили носков (таби), хотя делали это раньше, в годы Тэнна (1681—1684). В те времена таби делались из пурпурной кожи.

Когда анэдзёро (старшая сестра-проститутка) вводила в профессию свою имотодзёро (младшая сестра-проститутка) и позволяла ей первый раз появиться в мисэ, такая церемония называлась цукидаси (толкнуть наружу и вперед). Организация всего, связанного с цукидаси, была обязанностью анэдзёро, что она и делала по поручению хозяина публичного дома. И это мероприятие было известно как ояку.

Церемония цукидаси, как правило, длилась неделю, и все это время дебютантка в сопровождении своей анэдзёро прогуливалась по улицам Ёсивара, показывая себя, но так, как если бы совершала обычное дотю. Каждый день дебютантка и анэдзёро появлялись в новых нарядах. Волосы анэдзёро были убраны в стиле хёго, осабунэ, сагэгами или симада, тогда как дебютантка носила исключительно симада. (С наступлением эры Мэйдзи этот обычай исчез, но согласно рассказу человека, который видел такую церемонию, дебютантка была одета в желтое, и все сопровождающие ее камуро, яритэ и вакаймоно имели одежду того же цвета.)

После недели знакомства ее подружки-юдзё по очереди организовывали ей ангажементы и преподносили подарки.

Исдержки на инициацию новой юдзё грубо оцениваются в 300—500 рё. Далее шли расходы, связанные с цумиягу (постельные принадлежности), обычно заказываемые в «Даймару» и «Этигоя». Конечно, тут были свои хитрости, и если номинально все затраты на цукидаси ложились на анэдзёро, то в действительности большую часть денег она добывала из карманов своих гостей. Как правило, каждая анэдзёро имела по несколько почитателей, которые могли проявить ще-

дрость. Это могли быть и чиновники Казначейства, и богатые торговцы сакэ из Синкава и др. И хитроумная дама не преминула бы выманить из них столько наличности, сколько ей нужно. В прежние времена в променадах принимали участие юдзё ранга тюсан и ёбидаси, и, несмотря на то что система выходов в агэя по заявкам гостей исчезла, женщины продолжают прогуливаться в сумерках по Накано-тё с целью показать себя и попытаться привлечь клиентов. Процессию возглавляли два пожарника, несущие канабо (металлический прут с кольцами), которым они ударяли о землю, издавая резкий металлический звон, предупреждающий зевак о приближении ойран.

Вместе с ними двигался и вакаймоно (слуга-мужчина), освещающая путь большим фонарем (дайхари), на котором был изображен герб юдзё. Сама юдзё медленно выступала в сопровождении двух фурисин (фурисодэ синдзо), двух камуро, одной бансин (банто синдзо) и шести вакаймоно. Интересно, что они никогда не возвращались назад тем же путем, каким выходили. Если процессия выходила из дома по правой стороне улицы, вернуться она должна по левой. По мере продвижения процессии владельцы чайных домов на ее пути выходили из своих заведений поприветствовать красавицу и предложить ей посидеть передохнуть у них, но она лишь любезно улыбнется и продолжит путь, безмятежно покуривая свою изящную трубку. Раньше юдзё специально отрабатывали манеру передвижения в процессии, и поэтому, несмотря на очень высокие сандалии, которые носили, неприятности случались редко. Споткнуться означало потерять лицо. Если юдзё случалось упасть перед чайным домом, обычай предписывал ей зайти туда и развлекать обитателей за свой счет. Вид миловидной юдзё, одетой в сверкающую золотом и всеми оттенками радуги богатую шелковую парчу, с прической пирамидальной формы, украшенной множеством булавок из панциря черепахи и коралла, натыканных так густо, что создавалось ощущение свечения вокруг головы, грациозно, в то же время величественно идущей по Накано-тё, казался непосвященным великолепным и внушающим ужас. Древние авторы отмечают, что такие зрелища приводили простой народ в восторг и «похищали их души». Опираясь на подобные ремарки,

можно сделать вывод, что процессии юдзё оказывали определенно благотворное воздействие на моральный уровень толп, собиравшихся в Ёсивара, чтобы поглазеть на процессию.

ЁМИСЭ СУГАКИ-НО КОТО

(Ночной показ и сугаки)

Говорят, что ввиду грядущего появления в стране множества иностранцев и возможности их проживания среди японцев¹ власти задумались о целесообразности запрещения существующего обычая выставления юдзё в клетках для всеобщего обозрения. Предполагалось, что Сакаи станет первым кварталом проституток, где прекратится эта достаточно двусмысленная практика. Поскольку же такие «выставки» не были особенно широко распространены нигде, кроме Ёсивара и нескольких других юкаку, изживание этого явления, как надеялись, могло пройти без вмешательства местных властей. Что касается хайсёрон² — движения, которое обрело сторонников только в последние годы и по глубокому убеждению участников которого кварталы проституток не должны быть местом выставок и что подобные демонстрации в целях привлечения внимания должны быть осуждены, а любые действия, хоть отчасти напоминающие публичную демонстрацию несчастных женщин, как низко бы они ни пали, запрещены, то ему мало кто симпатизировал. В настоящее время большинство японцев не видят ничего шокирующего или странного в сотнях ярко одетых куртизанок, сидящих рядами на виду у прохожих как живые «образцы», а это ведет к стиранию тонкой границы, разделяющей честных женщин и женщин полусвета. А это, в свою очередь, ведет к вольности обсуждения и позволяет деятельности проституток и их безнравственных покровителей быть

¹ До 1868 г. в очень незначительном количестве иностранцы в Японии проживали в обособленных поселениях, как правило на отдельных островах, и почти не контактировали с местным населением. *(Примеч. пер.)*

² Х а й с ё р о н — движение за запрещение лицензированной проституции.

вынесенной на страницы газет и становиться темой для литературных произведений. Кроме того, в дни фестиваля Тори-но мати почти все юкаку заполнены толпами зевак, среди которых тысячи молодых людей обоих полов. Это значит, что совершенно невинные девочки и мальчики настолько привычны к этим странным зрелищам, что не видят в них ничего постыдного и вырастают, зная об этих материях гораздо больше, чем им следовало бы. Европейцам и американцам кажется диким вид целых семей, включая скромных молодых девушек, которые прогуливаются по запруженным улицам в ночь Тори-но мати, покупая разные безделушки и глядя на раскрашенных красоток, одетых в наряды из блестящей, сверкающей золотом парчи. Конечно, идея привести свою маленькую дочь на прогулку в квартал проституток никак не укладывается в европейские представления!

Основным возражением против публичной демонстрации привлекательно одетых женщин является то, что это вводит молодежь, которая могла бы остаться целомудренной, в искушение и привлекает ее в кварталы публичных домов. Понятно, что в юношеской натуре заложено желание увидеть все необычные зрелища и события и, поскольку они существуют, молодой человек приложит старания, чтобы их не пропустить. Если власти решат запретить существующую практику, это будет означать, что мужчины будут вынуждены заходить в публичные дома с холодной головой по определенной надобности, а не соблазненные видом приятного личика, фактически выставленного на продажу. Также властям можно посоветовать полностью запретить любые виды публичных праздников или фестивалей внутри юкаку, строго охранять ворота, как было раньше, и не допускать прохода внутрь женщин или мальчиков, не связанных с публичными домами по роду своей деятельности. Конечно, это нанесет некоторый ущерб бизнесу, но результатом будет более здоровое в моральном отношении подрастающее поколение. Кроме того, это позволит уменьшить, если не предотвратить, затруднения и проблемы, которые доводят молодых людей до отчаяния и толкают их на совершение преступлений ради удовлетворения своих похотливых желаний или причуд «блудниц в пурпуре», от страсти к которым они сгорают.

Пока квартал находился в Мотоёсивара, «деятельность» его происходила исключительно в дневное время, но на 9-й день 10-го месяца 2-го года Мэйрэки (24 ноября 1656) Иситани Сёгэн (матибугё) дал разрешение переместить публичные дома на нынешнее место и одновременно с этим санкционировал их работу и в ночные часы.

Это оказалось очень удобным для посетителей, которые предпочитали сохранять свое инкогнито, и поток дневных гостей постепенно сошел на нет. В дальнейшем почти все стали посещать Ёсивара исключительно после наступления темноты. Поскольку публичные дома стали работать и днем и ночью, гонорары куртизанок (агэдай) разделились на «дневные» и «ночные». Эти гонорары были известны как катасимаи (половинный ангажемент). Когда «дневные» часы заканчивались, перед каждым публичным домом вывешивался большой фонарь (андо), чем обозначалось отличие «дня» от «ночи». «Добо гоэн ихонкои» сообщает, что причина, по которой работа публичного дома в ночные часы в период Тэнна (1681—1684) была запрещена, заключалась в том, что буквально перед этим закончилась кровопролитная междоусобица. Позже, сначала только для Ёсивара, запрет был снят, и постепенно все публичные дома начали функционировать и по ночам. В Ёсивара, например (как и в других кварталах), дневная работа приобрела совершенно условные формы, поскольку при свете дня количество клиентов было минимальным.

В «Ёсивара тайдзэн» отмечается: «День» продолжался с полудня до 15.00, «ночь» — с 17.00 до 22.00. Несомненно, обнаружив, что 22.00 слишком рано для закрытия заведений, некто нашел гениальное решение. И теперь сторожа ударяли в свои хёсиги (деревянные колотушки), обозначая 22.00, когда на самом деле храмовый колокол отбивал полночь. Отсюда произошли выражения «настоящие 22.00» и «номинальные 22.00».

С наступлением сумерек перед домашним алтарем (каמידана) звонили в маленький колокольчик (судзу) и в мисэ (клетки) появлялись юдзё, а синдзо этого дома начинали наигрывать на сямисэнах мелодию сугааки. Такой обычай, похоже, сохранился с тех времен, когда проститутки были искусны в танцах и пении.

В «Ёсивара тайдзэн» сообщается, что во времена Мотоёсивара под аккомпанемент сугаки исполнялись и короткие песни. Вот несколько примеров:

Ива, раздвоенная ива у дороги!
Попрошу, скажи, склонишь ли ты свои ветви,
раскачиваясь на ветру?
Думаю, к своему любимому!

Кто он, что сломал твою ветку, ива,
тихим весенним днем?
Это кавалер на белом коне.

Исполнение таких песен продолжалось и после переезда Ёсивара на новое место, но постепенно к исходу эпохи Кансэй (1789—1801) прекратилось. Песни немного отличались друг от друга, в зависимости от дома, но со временем они упростились, унифицировались и исчезли совсем, а на сямисэнах стали играть гейши, принадлежащие домам, превратив все в чистую формальность. С приходом же эры Мэйдзи (1868—1912) забросили и сямисэны.

В книге «Нисики-но ура», написанной Кёдэном (Санто Кёдэн (1761—1816) и опубликованной в 1791 году, в уста фурусин вложены следующие слова: «Кто отвечал за сямисэн прошлой ночью? Косимото (маленькая служанка) жаловалась, что не могла найти бати (плектр)».

Так произошло оттого, что исполнение сугаки каждый вечер входило в обязанности синдзо и они занимались этим по очереди. Вплоть до периода Анъэй (1772—1781) синдзо также исполняли нагаута или бунгобуси, аккомпанируя себе на кото или сямисэне, и, если синдзо была достаточно искусна, обитатели соседних домов выходили на улицу, чтобы послушать ее. Этот обычай не имел повсеместного распространения и был принят лишь в отдельных домах.

Сейчас перед появлением юдзё в клетках гю ударяет связкой деревянных бирок (гэсокуфуда) об пол и одновременно хлопает открытой ладонью по дверному косяку, имитируя при этом крысиный писк. Этот магический ритуал исполняется теперь взамен пения сугаки прежних времен. Собственно, песни-сугаки и произошли, скорее всего, от пьес для кото, потому что термин «сугаки» означает исполнение определенных пьес на кото безо всякого пения. В дале-

кие времена некий слепой музыкант попытался переложить для сямисэна пьесы, ранее исполняемые только на кото, и это прижилось в Ёсивара в виде сугааки.

В период Гэнроку (1688—1704) в соответствии со вкусами светского общества в моду вошли Ниагари сугааки, Эдо сугааки и Санья сугааки.

В одной из песен киёмото¹, под названием «Хокую», упоминается о сугааки в связи с образным описанием периода процветания Ёсивара.

ДАЙДЗИНМАИ-НО КОТО

(Танцы богатых кутил)

Эти танцы были особенно популярны в Ёсивара в годы Сётоку (1711—1716). Песни, которые исполнялись в качестве аккомпанемента к этим танцам, говорят, были сочинены комическим актером по имени Накамура Китибэй (широко известным как Нисибан или Нисюбан). Этот Китибэй, будучи искусным исполнителем коута (легкомысленные песни), часто приглашался богатыми людьми на пирушки и развлекал их своими песнями и танцами столь успешно, что стал очень популярен. Однако, согласно одному песенному сборнику, эти песни сочинил человек по имени Сэйсай, но поскольку там же утверждается, что произошло это в годы Гэмбун (1736—1741), то вопрос об авторстве остается открытым. Если эти баллады были действительно написаны в годы Гэнроку (1688—1704) и Сётоку (1711—1714), то непонятно, как в них появились имена Кибун и Нарамо².

Кое-кто считает эти баллады плодом творчества самого Кибуна³ на основании того, что там упоминается его имя, но это выглядит весьма сомнительным. Вряд ли бы он писал песни о себе самом!

Как бы то ни было, мы оставляем споры над заплешневелыми документами и старыми книгами собирателям древностей и остановимся на констатации того факта, что

¹ К и ё м о т о — вид музыкально-драматического сказа. (*Примеч. пер.*)

² К и б у н, Н а р а м о — богатые кутилы.

³ Кинокунья Бундзаэмон. (*Примеч. пер.*)

баллады в том или ином виде существуют и что кто-то их действительно сочинил. Следующие отрывки из «Дайдзин-маи косё» могут дать некоторое представление об этих песнях, но нужно иметь в виду, что в силу вульгарности и двусмысленности оригинального текста и невозможности изложить его понятным английским языком предлагаемый перевод является достаточно вольным.

Сокровища Ёсивара скрыты за подкладкой паланкина. Проезжая по Симмати, Агэятё, Укихаси, Кокура и Яцухаси и попадая на улицы Ситая, ты видишь небольшой вишневый храм Тоэйдзан (парк Уэно) и храм Торатэн в Кинрюдзан (храм Асакуса). То, чем здесь восхищаются, — это длинное струящееся хаори (вид одежды) Кохэйбо. Ты знаешь, Конфуций говорил: ха! ха! кто бы нас ни почитал, ха! ха! окажется в грешном месте, хо! хо! (Хор: «Хо-хо-хон, хо-хо-хон-нон, хо-хон-ё хо-хон-ё-но нотамаваку-ва, сото сэнъя сото сэнъя ариятин на».)

Ха ха! Хо хо! Это счастливый знак безмятежного царства, которое не тревожат волны четырех морей ха! ха! хо! хо! Посмотри на дайджинмаи (танец).

(Следующий дайджин.) Курува (кварталы проституток) появились, когда Югэ-но Докё по указу императора основал их. Потому что гости заходили внутрь (куру), а их сердца смягчались (ва), их называли курува. Ха-а! хо-хо! Посмотри на дайджинмаи (танец).

(Следующий дайджин.) Пять улиц Ёсивара получили свои названия, потому что Эдотё имела эн (связь) с городом Эдо, Фусимитё связана с фусин (фусин суру — строить). Все трудности были преодолены, и была построена Сумитё, открылась Симмати, появилась шумная Кёмати.

(Следующий дайджин.) Титул таю появился, когда первый император Син был застигнут на охоте сильным ливнем. Его величество нашел убежище под небольшой сосной. Вдруг ее ветви чудесным образом удлинлись, иголки распушились и стали настолько плотными, что император был полностью защищен от стихии. За такие качества сосна и бамбук считаются приносящими удачу. Ха-а! хо-хо! Посмотри на дайджинмаи (танец).

(Следующий дайджин.) Если говорить о гостях, то можно ничего не знать о Корее или Китае, но всей Японии извест-

но имя Кинокунья Бундзаэмона (Кинокуня Бундза). Донсу Дайдзин («дамастовый» король), соперничая с ним, выкупил Китё из дома Миурая. Пять рулонов красного дамаста вместе с деньгами на ватную подкладку послал он Огия Ханси. Также он подарил кинжал ценой в 25 рё, который Ханси до сих пор хранит как сокровище. Ха-а! хо-хо! Посмотри на дайджинмаи (танец).

(Следующий дайджин.) Как следующего дайджина мы должны упомянуть господина Нарамо¹. Он выкупил Урадзато, широко известную на Симмати как первая красавица дома Кагая. Он поселил ее в специально построенном особняке на Куроэтё в Фукагава, и назывался он «Мокусан го-тэн». Ей служили хоканы (шуты) Иттё, Мимбу и Какутё, а из женщин прислуживали О-ман, О-кин и О-ё. Косиро, Дэнроку, Китибэй и Сэйгоро обслуживали ее в разных качествах. Но, о! Какая смена настроения! Теперь этот дайджин выкупает Араси Киёдзи. Ха-а! хо-хо! Посмотри на дайджинмаи (танец).

(Следующий дайджин.) Рассвет весной, как пишет Сэй Сёнагон², очень красив. Привлеченные звуками сугаки, в Ёсивара стекаются толпы людей в праздничных нарядах, чтобы посетить девушек первый раз в Новом году. Курува оживает, а мужчины ходят вытянув шеи, как цапли.

Таю и коси процветают, сантя и бантя тоже не остаются без внимания, их голоса звучат как щебет птиц. Большие дома Ямагути и Миура славятся своим богатством, это самые известные места на Сумитё. Ха-а! хо-хо! Посмотри на дайджинмаи (танец).

(Следующий дайджин.) Ямамото-но Хондзюн — известный житель Симмати. Кагогукэ (игра с пролезанием через полый плетеный цилиндр) у Цунокуня — достопримечательность Сумитё. Копченый бонито из Тоса продает Тэм-мая на ниттёмэ, а Нисидая Матаэмон, говорят, потомок самого Сёдзи Дзимбэя. Посмотри на дайджинмаи (танец).

(Следующий дайджин.) Начало Сингодза приписывается Исэя Дзюбэю. Он выкупил известную юдзё Кацуяма из дома

¹ Нарая Мондзаэмон. (Примеч. пер.)

² Сэй Сёнагон (965—1010?) — знаменитая японская писательница и придворная дама, обессмертившая свое имя единственной книгой «Записки у изголовья». (Примеч. пер.)

Омацуя на нитёмэ. Юкатамоно (члены уважаемых самурайских фамилий) дали начало Сингодза. Ха-а! хо-хо! Посмотри на дайджинмаи (танец).

(Следующий дайджин.) Что касается обычая отрезания пальцев (юбикири), то впервые это произошло с ведущей юдзё дома Цутая по имени Фудзисиро и Тоцуно Ёхеем. Обычай распространился, и это случилось с Хана-Мурасаки из дома Обисия и Такаясу Хикотаро. Ха-а! хо-хо! Посмотри на дайджинмаи (танец).

(Следующий дайджин.) [Далее текст настолько туманный, что ничего прояснить нельзя.]

Пояснения о песнях, под которые исполнялся дайджинмаи, дали г-н Оцуки Дзёдэн и вдова известного художника Нагааки Ансюна. (Эта дама была когда-то гейшей в Ёсивара и носила имя О-хата, поэтому оказалась весьма сведущей и в музыке, и в древних обычаях квартала. Она проживает по адресу: 42 Сёдэнтё, Ёкотё, Асакуса, Токио.) Эти песни обычно исполнялись перед гостями хоканами в дни новогодних праздников.

ДАЙКОКУМАИ-НО КОТО

(Танцы дайкокумаи)

Обычай исполнять танцы дайкокумаи в настоящее время полностью исчез из Ёсивара.

Согласно объяснениям, полученным от Ситидзаэмона, распорядителя танцев и одновременно младшего начальника нищих (хинин когасира), в ответ на запрос нануси Ёсивара в 12-й месяц 13-го года Тэмпо (январь 1843), в годы Гэнроку (1688—1704) младший начальник нищих по имени Мандзиро, живший на берегу ручья у Нихонбаси, был весьма искусен в исполнении популярных песен. Однажды он выловил проплывающую по ручью маску (бога Дайкоку), надел ее на себя и танцевал комические танцы в Ёсивара под аккомпанемент сямисэна, на котором играл его друг Ситидзо. Так появились танцы дайкокумаи. Ситидзо (или Ситидзаэмон), предоставивший эту информацию, был прямым потомком музыканта Ситидзо. В «Добо гоэн» говорится, что исполнители танцев дайкокумаи появлялись в

Ёсивара в 1-м месяце каждого года и развлекали людей различными эксцентричными номерами, буффонадой и пародиями на людей и события.

Они были частыми гостями в Ёсивара со 2-го дня 2-го месяца до 1-го дня лошади (хацуума) 2-го месяца. Кроме того, танцоры дайкокумаи появлялись в Ёсивара по всем главным праздникам, особенно в день разбрасывания бобов (мамэ-маки-но хи) в 12-м месяце и в последний день года (оми-сока). Эти исполнители очень нравились многим юдзё и получали от них значительные суммы денег. Говорят, что между юдзё и танцорами завязывалось множество тайных любовных интрижек. Во всем Ёсивара только Кадо Цутая с Эдогё-нитёмэ не привечал танцоров дайкокумаи и не пускал их на порог. До появления дайкокумаи в Ёсивара были популярны кукловоды (нингёцукай), но с появлением первых их количество заметно уменьшилось.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ ДЛЯ ДАЙКОКУМАИ

Утром первого дня нового года, глядя в счастливом направлении, Дайкокутэн улыбается так же добродушно, как фукудзюсо (адонис амурский).

Как восходящее солнце, течет поток тосо-сакэ и хризантемового сакэ. Хризантемы-камуру источают аромат юности. Различные виды апельсинов, включая укон, а также вишневое дерево сакон высажены в садах и накрыты лиловым покрывалом. Посмотри на танец дайкокумаи! Посмотри на танец дайкокумаи!

В прическах юдзё заколки с изображениями аистов, которые живут по тысяче лет, и другие с изображением цветов сливы и вишни. Зрелище прогуливающихся, похожих на фей камуру можно сравнить с цветами, расцветшими раньше своего времени. Кто эти счастливые гости, пришедшие в этот рай в начале года? Посмотри на танец дайкокумаи! Посмотри на танец дайкокумаи!

После исполнения этой песни нараспев зачитывались имена самых популярных юдзё. Во время представления танцоры дайкокумаи частенько были одеты в наряды, по-

даренные покровительствующими им юдзё (некоторые наряды были из весьма дорогого крепа), а в руке держали веер. Также они носили капюшон, известный как дайкокудзукин, и церемониальные камисимо. Одаривая этих людей одеждой, юдзё как бы покупали их расположение. «Кию сёран» («Забавный обзор игр и развлечений») замечает, что такие люди, как Хидэндзи, Синокасё, Когай и пр., кто имитировал облик бога Дайкокутэн, надев маски и капюшоны, ходили в начале нового года по городу, распевая новые песни. Их тоже называли дайкокумаи.

Дайкокутэн

Скорее всего, дайкокумаи произошли от сагитё (церемония, проводимая на 15-й день 1-го месяца, состоящая из сжигания перед домом сосны, бамбука, симэ¹ и т. п., использованных для новогодних украшений). В «Сэкэн мунасанъё» мы находим упоминание о человеке, который был (хотя, судя по его материальному состоянию, не был) чем-то вроде бродячего актера. В конце года он заложил эбоси (шапка, которую носили аристократы), ситатарэ (длинное шелковое платье) и длинный меч с тем, чтобы обзавестись дешевой маской, бумажным молотком и исполнять танцы дайкокумаи. Характерные особенности бога Дайкоку перечислены в предисловии к «Эбисукёкусю»: во-первых, он сидит на мешках с рисом, во-вторых, он ласково улыбается и, в-третьих, за спиной у него мешок, где он хранит счастье и благополучие. В «Гаэн суйккёсю» также отмечается, что изображение Дайкоку с веером в руке является нововведением, в отличие от привычного образа, сидящего на пяти мешках с рисом. Далее, в «Кэндзё синсё» при описании трущоб Като (Киото) говорится, что доход одной семьи состоял из денег, которые муж получал от Авасима Даймёдзин, и того, что зарабатывала жена, надевая маску О-фуку (О-камэ). Время от времени нищие Эдо имитировали стиль Эбису и Дайкоку, но их появление не носило регулярного, как в Ёсивара, характера.

¹ С и м э — ритуальное украшение из рисовой соломы.

Из этих небольших фрагментов видно, что танцы дайкокумаи постепенно деградировали и стали исполняться нищими, надевавшими капюшон, как у Дайкоку, и ходящими по домам, как мандзай¹. Довольно долго Ёсивара был огражден от их вторжения, однако в годы Кэйо (1865—1867) обычай был возрожден, хотя и в несколько измененной форме. Изменения касались внешнего вида танцоров. Теперь они одевались как исполнители Дайкагура², то есть в черные наряды с гербами и белые хаката-оби. Полы их кимоно подобраны вверх (сирихасиори нитэ) и заткнуты за пояс-оби. Они пудрили свои лица и подражали голосам и манерам известных актеров. Несмотря на то что все танцоры принадлежали к неприкасаемой касте (эта), среди них было много привлекательных мужчин, и они пользовались успехом у женщин Ёсивара. Рассказывают историю о дочке владельца чайного дома из Тамати по имени Миноя, которая сбежала из дома с одним из таких танцоров. В те времена к эта (кожевники) в Японии относились с презрением и на законодательном уровне запрещали им входить в контакт с остальными людьми. Упомянутый случай разбирался в суде, в результате чего оба были высланы из Ёсивара.

Сейчас мало кто, даже в Ёсивара, сможет рассказать о танцорах дайкокумаи.

ДОТЭБУСИ-НО КОТО ОЁБИ ХАЯРИУТА

(Песни дотэбуси и популярные песни)

Сейчас посетитель Ёсивара попадает в квартал сидя в тележке рикши, влекомой парой энергичных молодых людей, которые, размахивая фонарем и оглашая окрестности дикими криками, стрелой несутся по улице. В прежние времена гость медленно въезжал в квартал верхом на белой лошади под красно-белой попоной, которую вели под уздцы два мага (коновод), поочередно распевая комуробуси. Тариф

¹ М а н д з а й — ряженные, ходящие с песнями и танцами по домам на Новый год. *(Примеч. пер.)*

² Д а й к а г у р а — религиозные мистерии, проводимые в синтоистских храмах. *(Примеч. пер.)*

от Нихонбаси до Омон (главные ворота), включая музыкальное сопровождение, составлял 348 монов (34 иены 8 ринов).

В эпохи Гэнроку (1688—1704) и Дзёкё (1684—1688) существовало множество популярных песен, таких как нагэбуси, цугибуси, магакибуси, кагабуси от Удзи Кагадзё, тандзэн, нумэриута, росаи и т. д. В начале периода Камбун (1661—1673) в моду вошла песня под названием «Дотэбуси» (песня набережной), получившая свое название из-за того, что ее обычно распевали прогуливаясь по набережной. Слова в ней были примерно следующие: «И хотя это отдаленное место, но, когда я думаю о твоём жилище, мне это приятнее всего на свете. Молю, не смейся надо мной за то, что обращаю внимание на людскую молву. Слухи могут распространиться».

В «Добо гоэн» сообщается, что вышеприведенная песня была сочинена пожилым человеком по имени Одака Дзёсуйсай, жившим у подножия горы Мацутияма. Этот пожилой человек является также автором многих других дотэбуси, которые любили петь члены объединений (куми) отокодате¹, таких как Роппогуми, Сэкирэйгуми, Ёсиягуми, Канабогуми, Дайсёдзингигуми, Токэнгуми и т. д. Говорят, что три такие песни оставались популярными вплоть до 2-го года Бунка (1805). Содержание их примерно такое:

«Вчера был веселый день, но сегодня как-то грустно. Должны ли мы обратиться к Вадацуми (морское божество) или Сюсубин (?). Есть другие, лучше их. Кто же это? Мы оставили после себя баклажан, расписанный румянами. Где? Он был нарисован где-то в фунаёдо. Напряги свой ум, Бэкудзо, неужели у тебя нет идей? У меня нет, совсем нет! Я вообще ничего не понимаю. Путь любви — это тяжелый путь. Прошлой ночью в Ёсивара я услышал песню, но я не могу вспомнить ни начала, ни середины, ни концовки.

Боясь забыть, я записал песню на бумаге, но и бумагу я забыл на пороге своего дома. Вместе со справедливостью и здравым смыслом. И это совсем не смешно».

Мало кто знает, сохранились ли ноты этих песен среди разнообразия современных песен. Мелодия «Ёсивара судзумэ», похоже, произошла от дотэбуси. Мы знаем об этом

¹ О т о к о д а т э — странствующие рыцари. (Примеч. пер.)

благодаря работе Хара Будаю, который слушал эти песни с детства и стал со временем их искусным исполнителем. Сохранение спустя два столетия записей дотэбуси — целиком его заслуга.

В легкомысленной песенке, которая в годы Камбун (1661—1673) была модной не только в Ёсивара, но и за пределами квартала, говорится: бритоголовый тайкомоти (шут) Кихэй, одетый в длинное хаори (верхняя одежда), ходит по кварталу.

В песне, которую пели хоканы в это же время, есть слова:

«Нам было одиноко, и мы присматривали публичный дом. В стороне слышались звуки сямисэна и веселые голоса. Кто эти дамы, носящие широкие парчовые и атласные пояса-оби? Спросим их имена. Кто же они? Это Така-о, Усугумо, Сибадзаки, Цусима, Яцухаси, Карасаки и Ёсино. После лицезрения этих красавиц наши жены кажутся похожими на привидения из Судзукитё. Когда они одеты и накормлены, красота этих куртизанок превосходит цветущие вишни Ёсино. Да, да, я встречался с прелестной девушкой. Я набросился на нее со своим копьем, мы отважно боролись. Затем я притворился пьяным и начал колобродить, допекая всех, как растительная тля допекает азалию.

Ты помогаешь своим родителям? Я ночной сторож. Если у тебя есть ко мне сострадание, пожалуйста, поговори со мной. Если можешь, помоги мне.

Простак, которого бросила любимая девушка, прячет лицо за полой хаори. Есть здесь кто-нибудь, кто хочет стать его подружкой? Без сомнения, это будет кэндон (проститутка низшего разряда). Тайкомоти все устроит для него».

Тот факт, что в период Камбун (1661—1673) посетители Ёсивара въезжали туда на белых лошадях в сопровождении провожатых, распевających комурубуси, ни для кого не был секретом. Комурубуси также пели погонщики лошадей на дороге Токайдо, перевоза багаж даймё (крупный феодал) в и из Эдо. Изначально подобные песни появились в провинции Микава, и по мере переселения этих людей на восток страны, когда семья правителей Токугава перебралась в Эдо, они распространились среди их потомков в Микавасима, Тосимагори и в провинции Мусаси. Самой популярной из

песен была эта: «Как красиво украшена упряжь лошадей,двигающихся туда-сюда, перевоза грузы! У погонщиков есть привычка вторить звуку колокольчиков громким пением. Когда вы проезжаете Ёсида, кто-то в платье-канокко с длинными рукавами делает вам знаки со второго этажа».

Мелодии этих песен люди помнят до сих пор. Исполнители комурубуси прежних времен могут быть сравнены с современными певцами, которые обходят публичные дома, исполняя непристойные песни хокайбуси и хаяриута.

ХРОНИКА ГОДА

В «Эдо кагай энкакуси» («Анналы «цветочных кварталов» Эдо») сказано, что было бы интересно рассказать о главных событиях, происходящих в Ёсивара в течение года.

Ранним утром 1-го дня нового года, примерно в 4 утра, из банных заведений на Агэятё и Сумитё выходят люди и, обходя все пять улиц Ёсивара, возвещают о том, что ванны готовы. Поэтому юдзё встают затемно, принимают ванну и проводят много времени за туалетом и одеванием. Затем яритэ созывают юдзё в хиромэ (большая комната), где собираются хозяева дома, члены их семей и все работники. Здесь все обмениваются поздравлениями и пожеланиями счастливого Нового года. По этому случаю все присутствующие угощаются тосэ (сакэ с пряностями), а хозяин заведения раздает обитателям дома подарки. Каждой юдзё по два платья из шелкового крепса, каждой синдзэ и яритэ по два платья из цумуги (эпонж), а каждой камуро хлопчатобумажное платье с рисунком в виде сосны. По окончании церемонии юдзё расходились, продолжая обмениваться поздравлениями и заглядывать друг другу в гости. Днем происходит первый выход в новом году (хацудотю). Юдзё следуют по Накано-тё и заносят в чайные дома новогодние подарки в виде наборов чашечек для сакэ. На каждой чашечке изображался герб подарившей ее юдзё, а весь набор был упакован в небольшую коробочку из дерева кири (павлония), на которой писалось имя юдзё и название дома, где она служила. Наряды юдзё, надеваемые по этому случаю, никак не регламентировались, но сопровождающие камуро должны были нести большие ракетки для игры в волан (оха-

гоита), ярко украшенные осиэ (картины, сделанные из толстой бумаги, обернутой разноцветными тканями и наклеенной на доски). Вообще богаче всего были украшены чайные дома на Накано-тё. Перед входом в каждый дом вешали аосударэ (жалюзи из зеленого бамбука), над дверным косяком подвешивались омары (варенные до красноты) и моти (рисовые пирожные), а поверх всего укреплялся коморигаса (зонт) с нарисованными эмблемами уважаемых домов. Помимо всего прочего зонт предназначался для защиты нижерасположенной композиции от непогоды. Перед публичным домом устанавливались большие новогодние украшения из веток бамбука и сосны, в гуще темно-зеленых листьев которых вешались яркие ароматные апельсины. Небольшие публичные дома, расположенные в боковых улицах, обычно ограничивались так называемым сэнакаавасэ-но мацукадзари (украшения из сосны, поставленные спиной к спине). (Говорят, такой обычай сохранился до сих пор.) В этот новогодний день никаких ёмисэ (ночное сидение юдзё в клетках) не проводилось.

На 2-й день 1-го месяца банные заведения давали то же объявление, что и предыдущим днем. С первым криком вороны (акэгарасу-но коэ-то томо-ни) квартал заполняют продавцы моллюсков, громкими голосами расхваливая свой товар. Все, кто покупает хамагури (ракушки), делает это только у торговцев, входящих в квартал, а не у тех, кто выходит наружу. Покупать что-либо на выходе считалось несчастливым. Торговцы рыбой, однако, были настолько хитроумными, что обманывали своих покупателей. Входя в ворота, они с громкими криками двигались по улице, пока не покидали самую оживленную часть квартала. Затем они тихонько возвращались к воротам, и все повторялось сначала. Так продолжалось до тех пор, пока весь товар не был распродан, а счастливые покупатели искренне верили, что купили приносящие удачу хамагури у продавца, который только-только вошел в Ёсивара.

На следующий день гости начинали прибывать во все большем количестве в соответствии с милой традицией, по которой юдзё угощали всех пришедших тосо (сакэ с пряностями) и одаривали их веерами, полотенцами, ханси (бумага) и другими мелкими подарками.

Жены содержателей публичных домов в период праздников одевались в церемониальное платье и обязательно встречали каждого гостя, с тем чтобы поздравить его. Интересно, что подаваемые в это время закуски были разнообразнее и более высокого качества, чем обычно. Тогда же жены хозяев чайных домов возвращали юдзё праздничные визиты, обходя ради этого комнату за комнатой.

Начиная со 2-го дня и до конца 1-го месяца, а также на 1-й день лошади (хацуума) в феврале и на 8-й день того же месяца танцоры дайкокумаи обходили все публичные дома, а юдзё соперничали друг с другом за их благосклонность.

Исключением был лишь дом Цутая с Эдотё, куда танцоров не пускали.

На 7-й день проводилась церемония нанакуса-но иваи (варился и съедался суп из семи овощей), а на 11-й день совершалась церемония первого в новом году открытия кладовых (курабираки). На 14-й день следовала церемония то-сикоси (разбрасывание сухого гороха по дому с громким выкрикиванием «Фуку-ва ути, они-ва сото!» («Счастье в дом, черти вон!»)). Также церемония известна как мамэмаки¹ и ониярай². 15-го, 18-го и 20-го проводились и другие церемонии. Дата прославления Эбисуко³ не была четко зафиксирована, и каждый публичный дом решал вопрос по-своему. В прежние времена этот день отмечался всеми два раза в год — в январе и в октябре. В годы Бунсэй (1818—1830) январскую церемонию сильно сократили, и в конце концов день Эбисуко стали отмечать только в октябре.

В полном составе юдзё не появлялись в своих клетках вплоть до 20-го дня 1-го месяца, и потому ночная жизнь Ёсивара не возвращалась в обычную колею до этого срока. Сарухики⁴ и исполнители дайкагура⁵ начинали заполнять Ёсивара с 1-го дня 2-го месяца. В ночь 1-го дня лошади фасады публичных домов первого и второго класса на Эдотё и Кёмати были иллюминированы большими фонарями, на ко-

¹ М а м э м а к и — разбрасывание бобов.

² О н и я р а и — изгнание чертей.

³ Торжество в честь бога торговли и ремесла.

⁴ С а р у х и к и — клоуны с обезьянками.

⁵ В данном случае молодые люди, исполняющие на улицах танцы в деревянных масках львов. Также известны как сисимаи.

торых были написаны имена обитающих в этих домах юдзё. В семейных храмах богини Инари совершались подношения красного риса, жареного соевого творога и фруктов.

Многие юдзё в сопровождении своих гостей посещали храмы Инарисама¹, расположенные внутри или вблизи от квартала. Храмов было четыре, а именно: Куросукэ-Инари, Акаси-Инари, Кайун-Инари и Эномото-Инари. Танцы кагура² обычно исполнялись возле дзисимбан (кордегардии) на Эдотё-нитёмэ и всегда вызывали большой переполох в Ёсивара. На следующий день владельцы публичных домов передают в храмы большие фонари, висевшие на фасадах их домов предыдущим вечером. На 3-й день 3-го месяца начинается посадка вишен (ханауэ³). Вишневые деревья высаживались по обеим сторонам улицы Накано-тё и привлекали массы зевак, которые с восторгом глазели на нежные розовые и белые цветы, окутывающие ветви клубящимся туманом сказочного сияния. О происхождении этого обычая уже где-то сказано.

В апреле цветы вишен уже опадают и появляющиеся на деревьях зеленые листья возвещают о скором приходе лета. К концу этого месяца по Накано-тё начинают расхаживать продавцы светляков (хотаруури), предлагая свой светящийся товар как бы в насмешку над теми, кто сжигает свои тела в огне страсти и беспутства!

На 5-й день 5-го месяца юдзё меняли свои зимние наряды на летние, одаривая при этом новыми летними платьями синдзо и камуро. Правда, эти наряды, похоже, были оплачены непосредственно гостями дома, обойдя подарком знакомых юдзё. Существует комическая песенка, в которой говорится о гостях, которые исчезают в последние дни ста-

¹ И н а р и — богиня риса (пишется двумя иероглифами (稻荷 — рождающая рис). Иногда об Инари говорят как о «божестве-лисице», но лисы выполняли лишь охранную функцию при храмах богини. Также существуют разночтения в вопросе о поле Инари, поскольку иногда «ее» (sic) представляют в образе бородатого мужчины.

² К а г у р а — старинные японские танцы, которые еще можно увидеть на площадках определенных храмов. Исполнители носят маски и старомодные одежды из настоящей парчи или ее имитации. Кагура, о которой говорилось выше, является, скорее всего, профанацией, изобретенной комическими актерами.

³ Х а н а у э — третий месяц. Следует иметь в виду, что по современному европейскому календарю это апрель.

рого года, чтобы вернуться весной и опять избежать уцуригаэ (обновление нарядов). Забавно, что юдзё имели привычку поддразнивать гостей, распевая эти строчки. В этот день, так же как и на Новый год, юдзё посещали чайные дома Накано-тё с выражениями наилучших пожеланий в новом сезоне. Позже в квартале появился обычай на следующий день высаживать ирисы, как одно из средств привлечения клиентов. После начала сезона доё (самая жаркая часть лета) в июне юдзё одаривали знакомых гостей веерами и, кроме того, чтобы заручиться подтверждением дальнейшего сотрудничества, отсылали такие веера в чайные дома.

На 7-й день 7-го месяца отмечался праздник ткачихи (Танабата). По этому случаю на фасадах домов вывешивались ветки бамбука с прикрепленными к ним белыми веерами, на которых писались стихи. Даже в небольших публичных домах чтили эту традицию. В некоторых домах хозяева по совету гостей устраивали выставки редкой мебели и другого антиквариата, что, естественно, привлекало в Ёсивара новые толпы посетителей.

На 10-й день проводился фестиваль Асакуса Каннон. Этот день называли симанрокусэннити (46 000 дней), подразумевая, что тот, кто посетит храм, достоин одобрения, как если бы он посетил его 46 000 раз. То есть на того, кто зайдет в храм Асакуса Каннон на 10-й день 7-го месяца, падет благословение Будды до конца его дней.

Этот фестиваль привлекал в Ёсивара множество посетителей, и жизнь квартала заметно оживлялась, поскольку все пришедшие желали получить это благословение! С рассвета 12-го дня и до 9 часов следующего между Омон и Суйдодзири выстраивались ларьки, торгующие всем необходимым для празднования Дня поминовения. Этот фестиваль назывался Кусаити (травяной рынок). Также там продавались игрушки и туалетные принадлежности. Вечером 13-го дня гости не принимались и юдзё свободно передвигались по кварталу группами по три—пять человек. В своих комнатах они выставляли на комодах ихаи (деревянные таблички с именами усопших) с именами родителей и возносили у этих импровизированных алтарей горячие молитвы. Существует стихотворение, гласящее: уси ума-но цунагарэ нагара нага-рэкэри тиисай токи-о ханасу кэйсэй.

(Куртизанки, разлученные в раннем детстве с родителями и плывущие по морю жизни, подобны бессловесному скоту.)

На 15-й день юдзё снова наносили визиты вежливости в чайные дома, точно так же, как и на Новый год. Начиная с последнего дня 6-го месяца и на протяжении всего 7-го, пока длился праздник фонарей, хикитэдзая (чайные дома) Накано-тё украшались прямоугольными фонарями, как снаружи, так и внутри. Однако на 13-й и 14-й дни фонари убирались, а с 15-го — заменялись новыми. Зажжение бондоро (поминальный фонарь) в праздник бон (поминовения усопших) является традицией для всей Японии, и изначально в Ёсивара также зажигали разнообразные фонари. Но с тех пор как в 7-м месяце 13-го года Кёхо (1728) в память о третьей годовщине кончины Тамагику из дома Мандзия был зажжен фонарь определенной формы, способы украшения квартала были приведены к некоторому единообразию.

В 1-й день 8-го месяца¹ юдзё ходили процессией по Ёсивара, одетые в сиромуку-но косодэ (косодэ из белого шелка на подкладке). В прежние времена на Танго-но сэкку² юдзё надевали платья из крашеной ткани на легкой подкладке, а на хассаку похожие наряды, но из белого шелка. Однажды в начале периода Камбун (1661—1673) август выдался на редкость холодным, и юдзё по имени Югири (Вечерняя дымка) из дома Согёку надела платье на ватной подкладке, чем нарушила установившиеся правила. Ее наряд обратил на себя всеобщее внимание, а она выглядела более счастливой и привлекательной, чем прочие женщины, которые мерзли в своих легких платьях. Двумя годами позже уже все юдзё в этот день, невзирая на весьма теплую погоду, вышли

¹ Хассаку — праздник урожая. (*Примеч. пер.*)

² Т а н г о - н о с э к к у — День мальчиков, отмечаемый на 5-й день 5-го месяца. Дома, где были сыновья, украшали ветками бамбука и флагами, изображавшими карпов. Истоки этого праздника относятся к первым векам нашей эры, когда он был обрядовым действием, связанным с наступлением весны, началом полевых работ, просьбой о благополучии общины. Со временем он вобрал в себя синтоистские идеи очищения, культа предков, продолжения рода. В День мальчиков имело место поклонение духам растений, трав и деревьев, что было связано с молением о здоровье, даровании мужской жизненной силы, процветании рода. (*Примеч. пер.*)

в нарядах на вате, что и положило начало новой традиции. По другой версии, все началось в годы Гэнроку (1688—1704), когда юдзё по имени Такахаси из дома Томоэя отправилась в агёя по вызову знакомого клиента, однако, приболев, явилась в своем ночном одеянии из шелка на вате. Правда, эта версия вызывает сильные сомнения. В те же времена юдзё из дома Мёгоя по имени Осю имела обыкновение прогуливаться в платье из белого шелка с орнаментом из человеческих черепов и растения сусуки (эвлялия японская), vyplненным тушью, удивляя окружающих своим странным вкусом. 14-го, 15-го и 16-го числа торжественно отмечалась церемония любования Луной (цукими). В эти ночи выставлялись самбо (деревянные столики), на которые в виде подношения Луне выкладывались пирожные, каштаны, бобы в горшочках, сладкий картофель, хурма, цветы леспедецы (хаги), трава эулария (сусуки), цветы астры (сион) и многое другое. Также выставлялись сосуды со священным вином и зажигались лампы.

В комнатах юдзё устанавливались искусственные композиции из семи осенних цветов, изображающие осеннее поле. Когда-то на эти ночи в публичные дома для развлечения приглашались мальчики-актеры, кукловоды и т. п., но позже этот обычай исчез.

Большую часть 8-го месяца, начиная с 1-го числа, проводился фестиваль Куросукэ-Инари. В Ёсивара тогда происходило красочное шествие повозок с танцорами и музыкантами (неримоно), которое проходило по улицам квартала. Вплоть до годов Бунка (1804—1818) главные ворота (Омон) украшались ветками бамбука и симэнава¹. На протяжении всего этого месяца юдзё, искусные в танцах и пении, принимали участие в танцах нивака², развлекая публику в хорошую погоду.

¹ С и м э н а в а — веревка с привязанными через определенные интервалы пучками соломы или резаной бумаги, вывешиваемая перед синтоистскими храмами для освящения помещения. Это символ соломенной веревки, которую Футодама-но микото протянул позади богини Солнца (Аматэрасу), чтобы помешать ей вернуться в грот после того, как Тадзикарао-но микото выманил ее наружу и тем вернул погруженному во тьму, миру свет.

² См. соответствующую главу.

1-й день 9-го месяца, считавшийся днем хорошего предзнаменования (касин), в каждом публичном доме отмечался по-своему. На 9-й день того же месяца отмечался еще один день хорошего предзнаменования (тёё-но сэкку¹), когда цветы хризантемы обмакивали в сакэ и съедали. Этот праздник пришел из Китая.

12-го, 13-го и 14-го числа повторялась церемония любования Луной, и гости, присутствовавшие на празднике в 8-м месяце, были обязаны явиться снова, поскольку юдзё ясно давали понять, что без этого церемония считается незаконченной. Вторая церемония любования Луной называлась ноти-но цукими. В 9-м году Бунка (1812) на Накано-тё были впервые высажены хризантемы, и так продолжалось несколько лет, но, поскольку это мероприятие, похоже, не вызывало наплыва новых гостей, от него решили отказаться, как от излишне дорогостоящего.

На 1-й день вепря 10-го месяца во всех публичных домах устанавливались большие жаровни (охибати²), а их обитатели меняли летние наряды на зимние. Праздник, посвященный Эбисуко, выпадал на 20-й день, и по этому случаю по всему кварталу организовывались банкеты, а юдзё получали выходной. Однако наиболее популярные куртизанки имели привычку все же приглашать своих постоянных клиентов, поскольку считали ниже своего достоинства делать перерывы в своей «работе».

На 8-й день 11-го месяца проводился хибусэ, или «пожарный фестиваль», когда в палисадниках дзёроя разбрасывались апельсины и дети сражались за них. Этим вечером по всему Ёсивара зажигали фонари. 17-го и 18-го числа проводился так называемый Акихамацури (Праздник осенних листьев). Напротив большого уличного фонаря на Суйдодзири устраивались временные торговые палатки, а юдзё и прочий народ толпились вокруг. В день петуха этого месяца все ворота Ёсивара распахивались настежь и проходил праздник Тори-но ити. В такие вечера в квартал набивались огромные толпы

¹ 9-й день 9-го месяца — Праздник хризантемы.

² О х и б а т и — переносная жаровня, сделанная из металла, глины или фарфора. Используется для обогрева в легко продуваемых помещениях японского дома. (*Примеч. пер.*)

народу. О происхождении праздника Тори-но ити я расскажу в другой главе.

На 8-й день 12-го месяца начинались котохадзимэ, или новогодние приготовления. 13-го проводилась сусухараи, или генеральная уборка домов. Правда, обычно к этому сроку сусухараи уже заканчивали. 17-е и 18-е были «рыночными днями» (ити) Асакуса Каннон. Посетителей в Ёсивара было больше, чем обычно, а хозяева публичных домов посылали людей на рынок у храма, чтобы приобрести бумажные изображения Дарума, которые они затем прикрепляли к главным колоннам своих домов на счастье. После 20-го во всех домах начинали готовить моти (рисовое печенье), а пожарники из Минова, Канасуги, Санья, Имадо и окрестностей ходили по знакомым домам и вызывались истолочь рис в муку. В ответ на эту помощь юдзё одаривали пожарных новыми хантэн, момохики и тэнугуи¹. Говорят, этот обычай начался с Тёдзан из дома Тёбдзия в эпоху Хорэки (1751—1764). Вот строчки из песни, которая пелась во время дробления риса для моти:

«Я слышу твой голос, но не вижу тебя. Ты как сверчок в траве».

«Если ты живешь в Овари, а твоя жена в Мино, ты стремишься в эту провинцию, даже если нет дождя»².

«Даже корабль в море ускоряет свой бег, если его поминает куртизанка».

С 20-го числа 12-го месяца в лучших домах прекращаются вечерние выставки юдзё, и их примеру следуют многие другие заведения.

В период с 22-го числа 12-го месяца и до 7-го дня 1-го на открытых местах у входа в публичный дом в земле рылась воронка, где синдзо и камуро разводили огонь. Эта воронка называлась нивагама (дворовый очаг), и обычай разжигать там огонь просуществовал до эры Бунка.

Все вышеперечисленное является основными событиями в жизни юдзё прежних лет. Кроме этого, существовали дни,

¹ Хантэн, момохики, тэнугуи — рабочие куртки, короткие узкие штаны, полотенца. (Примеч. пер.)

² Игра слов: провинция Мино и соломенная накидка от дождя — мино.

которые назывались маруби и момби. В эти дни гости должны были платить агэдай и за день и за ночь, тогда как время их посещения ограничивалось каким-либо одним временем суток. Маруби выпадали на первые семь дней 1-го месяца, а также на 14-е, 15-е, 25-е число — всего 10 дней. Момби (гербовые дни) приходились на пять сэкку (как уже говорилось ранее), назывались так, потому что на церемониальных нарядах изображалось по пять гербов. Некоторые проносят это слово как моноби.

НАКАНО-ТЁ-НО ХАНАУЭ

(Посадка цветов на Накано-тё)

Каждый год на 3-й день 3-го месяца (по старому стилю) на Омон (главные ворота) вывешивалось объявление о начале сезона цветов (ханабираки-но фуда), а посередине Накано-тё строились зеленые бамбуковые изгороди, внутри которых высаживались цветущие вишневые деревья. Цветы вишни, перемешанные в плотную массу мягких пушистых облаков, окутавших деревья, выглядят как ожившая поэзия и превращают улицу в настоящее жилище фей из розового и белого сияния. Ослепительное сияние электрических огней и мерцание тысяч фонарей с гербами создают зрелище, не поддающееся описанию. Это нужно видеть. Ослепительное великолепие и блеск Ёсивара в эти дни принесли кварталу подходящее название — Фуядзё («Замок, куда не приходит ночь»¹). Кроме живых цветов, использовались и искусственные, а ко всему этому добавлялись занавеси с цветочным орнаментом на втором этаже чайных домов. Эти полотнища лениво колыхались под порывами легкого весеннего ветерка и зазывали прохожего познать секреты страны чудес, которые они скрывали. В более поздние периоды на 2-й месяц высаживали сливы, на 5-й — ирисы, а на 9-й — хризантемы. Однажды из хризантем руками знаменитого Ясумото Камэхати² были выполнены композиции в виде фи-

¹ Или «Город, куда не приходит ночь» — название этой книги.

² Очевидно, имеется в виду основатель династии мастеров-кукольников (1826—1900). (*Примеч. пер.*)

гур известных актеров. Но никакие цветы не могли сравниться с ёдзакура (ночная вишня) с Накано-тё. Эти вишни были знамениты по всей Японии, их воспевали поэты и литераторы¹, рассказы о них передавались из поколения в поколение на протяжении полутора сотен лет. Обычай высаживать цветы зародился во 2-м году Кампо (1742), когда вишни в горшках были впервые выставлены перед чайными домами. Это наделало много шума в Эдо и привлекло в Ёсивара множество новых посетителей. Обитатели Ёсивара поняли намек, и на следующий год на Накано-тё было высажено уже несколько сотен деревьев.

Позднее, на 2-й год Энкё (1745), вишневые деревья высаживали в пространстве между Омон и Суйдодзири. Вокруг деревьев ставились бамбуковые изгороди, а внизу для усиления эффекта зажигались яркие фонари. Это зрелище неизменно привлекало в квартал огромное количество посетителей.

В те времена стоимость всего мероприятия оценивалась в 150 рё. 40 процентов суммы выплачивал кэмбансё, еще 40 процентов предоставляли торговцы, продававшие в Ёсивара разные мелочи, и 20 процентов вносили чайные дома. Сбор средств производился по подписке в виде ежедневных или ежемесячных взносов заинтересованных сторон, и похоже, этот обычай сохранился до сих пор.

В прежние времена в течение этого месяца камуро и синдзо разрешалось посещать Уэно, Асукаяма, Мукодзима и другие места, чтобы полюбоваться цветущими вишнями. А в один из дней все обитатели борделя, включая юдзё, вакаймоно и других, получали выходной, который проводили за распиванием сакэ и любованием вишнями на Накано-тё. Однажды Кинокуния Бундзаэмон и Кикаку сочинили песню следующего содержания: «Серебристая дымка цветов вишни отражает заходящее солнце. Они как горы, усыпанные золотыми цветами».

В этот период Ёсивара достиг своего расцвета и считался одним из мест в Эдо, ради которого стоило «пройти за день тысячу ри».

¹ Разумеется, те, что обитали в Ёсивара.

ТОРО-НО КОТО

(Фонари)

В настоящее время каждый август в центре Ёсивара на Накано-тё для привлечения людей устанавливается большой фонарь, расписанный каким-нибудь известным художником. Помимо него перед чайными домами вывешивались всевозможные, в том числе и вращающиеся фонари, которые горели всю ночь. В эти дни множество людей, не включая и женщин, стекалось в Ёсивара, чтобы насладиться блестящим спектаклем.

А поскольку фонари служили в основном для ослепления и лишения людей здравого смысла, а отнюдь не для освещения дороги, то в эти дни в квартале оседало много денег. Как правило, фонари были вытянутыми вертикально и при этом достаточно узкими. Делались они из шелка, натянутого на черные лакированные рамки. Вся конструкция поддерживалась двумя кедровыми стойками с навершием в виде итимацу (решетчатая) сёдзи. Каждый дом выставял по паре таких фонарей. Один светил на улицу, другой внутрь дома, так что все могли друг друга видеть. Такой подход сводил на нет старую поговорку: «Торо-ва ура-кара миро нивака-ва маэ-кара миро» («Смотри на фонарь сзади, а на танцы нивака спереди»). Один литератор отмечал, что на момент 20-го года Мэйдзи (1887) фонари перед чайными домами светили на улицу и служили исключительно для удобства пешеходов, в то время как настоящие гости, находящиеся на втором этаже дома, должны были удовольствоваться созерцанием задней части фонаря. Нынешний обычай, похоже, появился совсем недавно. Где-то в 10-м году Мэйдзи (1877) чайные дома на Накано-тё посетила идея завешивать вход белым полотном и показывать с помощью волшебного фонаря картинки, но, поскольку Ёсивара в таком случае превращался в совершенно неосвещенное место, это создавало гостям серьезные неудобства. Время от времени владельцы чайных домов оказывались весьма изобретательными в деле привлечения новых посетителей. Однажды они умудрились показать на экране луну с движущимися через ее диск облаками. Все эти ухищрения перечисляются с тем,

чтобы рассказать о самом замечательном событии, происходящем в Ёсивара ежегодно.

Согласно старинным обычаям, каждый год в промежутке от последнего дня 6-го месяца до последнего дня 7-го перед всеми чайными домами на Накано-тё выставлялись бондоро (фонари в память усопших). Правда, тогда у небольших публичных домов с боковых улиц их, как сейчас, еще не выставляли. Фонари стояли 13-го и 14-го числа, а после 15-го их меняли на новые (ни-но каэридоро). Традиция зажигать фонари в День поминовения усопших существует в Японии с древности, и потому в Ёсивара также применялись фонари различных форм и размеров. В «Ёсивара тайдзэн» говорится, что в один из годов популярная юдзё по имени Тамагику внезапно заболела и вскоре, к началу 7-го месяца, скончалась.

Чтобы успокоить ее дух и в качестве подношения душам других умерших в дружественных ей чайных домах над дверями были вывешены фонари, которые назывались кирикодоро (фонарь кубической формы с прямыми углами). Такая иллюминация привлекла определенное внимание и много новых гостей, что определенно пошло на пользу «бизнесу», поэтому уже в следующем году (1716) этому примеру последовали все чайные дома. Примерно тогда же искусный мастер по имени Харю изготовил замысловатый фонарь, который он передал в один чайный дом, что сразу привлекло огромное количество интересующихся и восхищенных зевак. В этой связи рассказывают, что на 4-й день 7-го месяца 1-го года Гэмбун (10 августа 1736) учитель игры на сямисэне по имени Казэй, живший на Агэятё, организовал у себя дома религиозную церемонию в память о Тамагику и что в это время исполнялась новая мелодия под названием мидзутёси. В комнате было повешено несколько фонарей с написанным на них камиё (посмертное имя) Тамагику, и каждому гостю подарили по одному при уходе. Но поскольку считалось дурным знаком держать дома фонарь с буддистским именем умершего человека, все они оказались повешенными снаружи чайного дома. (Говорят, что в нижней части этих фонарей проступали зеленые линии.) Запрос о разрешении вывешивать подобные фонари был подан содержателями чайных домов властям Ёсивара, но, получив

отказ, решили действовать без оного. Додзё с Эдотё и Тамия Докаку, которые были тогда в руководстве квартала, были очень недовольны и посрывали фонари с Сумиёсия и еще с трех-четырех других заведений. Вопрос был в конце концов решен полюбовно. И после извинений содержателей чайных домов и обещаний властей на следующий год фестиваль фонарей состоялся и ежегодно проводится по сей день. Правда, религиозный аспект церемонии был выхолощен полностью. В прежние времена рядом с шоу фонарей соседствовали мальчишки-актеры, циркачи, жонглеры и прочие, но позже они исчезли. В иные годы фестиваль приобретал большое художественное значение, поскольку фонари бывали украшены картинами известных художников. Те, кто побывал в Ёсивара между серединой июля и серединой августа 1886 года, никогда не забудут исторические рисунки Хонэна и Эйтаку, представленные на фонарях.

ТАНЦЫ НИВАКА

Представления танцев нивака считаются одним из самых интересных событий в жизни Ёсивара. Они состоят из драматической части, представляемой профессиональными буффонами (хокан), вокальной, исполняемой гейшами квартала, и проводятся в августе—сентябре каждого года. Исполнители этих комических танцев обходят все чайные дома, в каждом устраивая свое представление, и, говорят, делают они это в благодарность за покровительство труппе со стороны ття (чайные дома) и касидзасики (публичные дома). На время представления по обеим сторонам Наканотё устанавливались деревянные ограждения, а перед каждым чайным домом вывешивались зажженные фонари в форме асагао (цветок выюнка) с названиями этих домов.

С наружной стороны Омон вывешивалось два очень больших фонаря (такахари тётин) с надписью 全盛遊 (дзэнсэй асоби — волшебное представление). Организация подобных представлений требовала определенных усилий и, кроме того, разрешения полицейских властей. После получения официальной санкции начинались приготовления. При этом хоканы и гейши обращались в контору распоря-

дителя, где тянули жребий на участие в первых пятнадцати днях представлений или вторых пятнадцати днях.

Представления танца львов и песен кияри ограничивались первой половиной месяца. Все принимавшие в них участие гейши были в возрасте и весьма опытни в своем ремесле. Молодые гейши в этой ситуации традиционно уступали дорогу старшим. Как только с помощью жребия устанавливался порядок выступлений, дюжина женщин организовывалась в труппу и песни кияри звучали с утра до вечера. На протяжении многих лет человек по имени Кити (также известный под прозвищем Тигэйнэй-но Кити-сан) обучал искусству песен кияри, а сейчас этим занимается один из его учеников по имени Тё. Урок проходил следующим образом: первые шесть гейш начинали песню, а остальные шесть должны были следовать за ними под руководством преподавателя.

Исполнители драматической части представления также непрерывно занимались в течение десяти дней под руководством наставников. На период репетиций исполнители договаривались между собой не откликаться ни на какие приглашения со стороны гостей, и это правило никогда не нарушалось. Также в период репетиций, если мы можем позволить себе упомянуть гастрономическую деталь, исполнители традиционно каждый день завтракали унаги-но домбу-римэси (вареный рис с кусочками жареного угря в глубокой чашке).

Включение в драматическую часть новых фрагментов и репетиции с танцорами доверялись Ханаянаги Дзюсукэ. Он родился и вырос в Ёсивара, и поэтому вся ответственность за танцы возлагалась на него. По его заказу профессиональные драматурги писали эти новые, обычно комического содержания, куски, поскольку амплуа хокана предполагало развлечение зрителей различными шутовскими ужимками. Период подготовки заканчивался генеральной репетицией с облачением в театральные костюмы в одном из чайных домов. Такие генеральные репетиции назывались наримоноири. После этого в кэнсадзё (検査場 = контора инспектора) происходила процедура, известная как кайсёири. Во время ее все участники выступлений по одному заходили в контору согласно своему жребию. Все участники будущего

праздника были профессионалами. Исполнители сисирэн (獅子連 = танец львов) заходили в контору первыми, так как считались наиболее значительными членами труппы. Поскольку вход в помещение без специального пропуска был невозможен, полиция на этом этапе проверяла всех артистов, собирающихся участвовать в представлении.

В первый день представлений нивака из кайсё (контора) направлялись люди с барабаном (ситаку дайко), которые, передвигаясь то в одну, то в другую сторону по Накано-тё, ударами в него возвещали о начале действия. Если же погода случалась дождливой и дороги становились грязными и непроходимыми, представление отменялось, и тогда в барабан не били и не вывешивали фонарей на Омон (Главные ворота). Исполнители танца львов и нивака-но ятай (нечто вроде повозки, которая использовалась как сцена для исполнения танцев нивака) трогались в 7 часов вечера с определенного места и каждый вечер двигались по Накано-тё. Если в один вечер повозка и танцоры проходили по левой стороне улицы, то на следующий день они возвращались по другой. Представление заканчивалось в 11 вечера, когда всех участников созывали обратно в контору. Повозка-сцена для нивака представляла собой квадратную сцену на колесах со стороной 18 футов (5,4 м) и соответствующей высоты. Она могла разделяться на две части, каждая на своих колесах. Сцена была организована как настоящая театральная с пейзажем на заднике и множеством фонарей.

Эта передвижная сцена обычно делала остановки как раз между двумя чайными домами, с тем чтобы представление было одинаково хорошо видно со второго этажа обоих домов. Идея устанавливать сцену в таких местах родилась у мастера танцев Ханаянаги, чей богатый опыт подсказал ему, что такое положение наиболее удобно для всех заинтересованных сторон. Затем в повозке, оснащенной скамьями, появлялись гейши, играющие на сямисэнах.

Слева и справа от скамеек устанавливались стойки, на которые крепились решетчатые сёдзи, красные и белые полотноща перекрывали верх повозки, а вся она освещалась изнутри тремя фонарями.

Далее следовала соконукэ ятай (повозка без дна), похожая на квадратную бумажную коробку без крышки и дна, на

передней части которой вешался ёконая-но андо (горизонтальный фонарь). На фонаре писались имена музыкантов, танцоров, певцов, а также имя хозяина повозки. Внутри повозки размещался хаясиката (оркестр). Люди, передвигавшие повозки с места на место, обычно нанимались по контракту в окрестностях Мацубатё и в Асакуса и оплачивались поденно владельцами повозок. Костюмы гейш, игравших на сямисэнах, были из серого крепа (с набивными гербами), подшитые снизу полосками алого крепа, с белыми воротниками и носками, черными атласными поясами-оби. Их причёски были выдержаны в стиле симада и украшались булавами с орнаментом в виде травы сасаки.

Старшие гейши одевались более ярко, чем их молодые коллеги, используя в своих нарядах много ярких цветов, таких как синий и алый, несовместимостью которых привлекали определенное внимание. Музыканты и певцы мужчины одевались в синие хлопчатобумажные куртки со своими гербами. Гейши, принимающие участие в исполнении кияри, убирали свои волосы в пучки на макушке, как у мужчин, намеренно распуская челки, и становились похожими на исполнителей танцев тэкомаи. Они надевали на себя от трех до пяти дзибан (свободные блузы), харагакэ (полотняные передники) и верхние платья, известные как ёсиварагаку.

Девушки состязались друг с другом в нарядах, в результате чего рождались новые направления в моде. Они носили тонкие гамаши, синие хлопковые таби (носки) и соломенные сандалии. Их грудь пересекала серебряная цепь, крепившаяся на правом плече, на которой висел небольшой какэмамори (подвеска-оберег). В руках у них были веера с черным лакированным каркасом, с изображениями цветущих пионов и тэппо тётин (цилиндрические фонари), на которых некоторые из них отважно помещали имена своих любовников. Этот обычай появился в 1894 году и стал поводом для развлечений, потому что друзья с самым серьезным видом налагали и на барышень, и на их любимых шутовской штраф в 10 сенов за публичное заявление о своих нежных отношениях! Подготовленные таким образом, они начинали движение, распевая кияри под звуки барабана. С ними следовали барабанщик, переносчик барабана, музыкант с деревянными дощечками и еще один человек, который нес маску «львиная голова».

Когда песня кияри спета, руководитель поднимает вверх веер в качестве сигнала для музыканта с хёсиги (деревянные дощечки). Раздается их резкий звук, и вся компания, выкрикивая прощальное «о-якамасю» («мы вас потревожили»), отправляется дальше. Начало и конец как женского, так и мужского представления ниваки возвещаются ударами хёсиги. В прежние времена в моде были представления амэфури нивака (нивака после дождя). Тогда, как только погода прояснялась, мужчины направлялись к чайным домам, разыгрывали там импровизированные фарсы и часто удостаивались аплодисментов за свою находчивость. К сожалению, это больше не практикуется. Около 10 часов сотрудники кайсё объявляли о перерыве и все участники немедленно останавливались, чтобы выпить чаю, предложенного тем домом, напротив которого их застал сигнал. В этом случае они могли также перекусить тем, что им передавали знакомые юдзё или их гости. В течение всего периода представлений артисты могли принять ангажемент только на дневное время или после 11 вечера, поскольку в этот час общественные увеселения заканчивались. Когда труппа получала извещение об ангажементе из чайного дома, бумага, на которой оно было написано, после переклички прикреплялась к заколке ведущей гейши, и с наступлением 11 часов вся труппа отправлялась в этот дом. Нет нужды говорить, что настроение труппы повышалось пропорционально количеству таких извещений. В прежние времена случалось, что артисты бывали заняты всю ночь напролет.

Ангажементы артистов на первую ночь нивака делались заранее, так как у тех считалось неприличным не иметь приглашений в этот день. Полученные артистами чаевые и подарки от гостей чайных домов собирались вместе и распределялись среди всех, кто принимал участие в представлении, не исключая носильщиков. Оплата такой труппы нивака составляла 12,5 сена на гейшу за одну ароматическую свечку (иппон) с каждого гостя и еще по 20 сенов чаевых. Конечно, такие деньги получали только гейши первого класса, прочие artistes, более низких рангов, зарабатывали заметно меньше.

Строго говоря, труппа должна была выступать перед каждым гостем в отдельности, однако более удобным считалось выступать перед группой гостей. Из-за гейш, принимающих

участие в представлении, нивака было достаточно дорогим зрелищем, и средства для его оплаты часто собирались путем уступок аморальным желаниям гостей, которые ни в коем виде не вызывают ни малейшей симпатии.

Во время представления нивака в каждый чайный дом для различных поручений нанимался пожарный, а люди из кайсё, одетые в хакама (просторные шаровары), с фонарями в руках постоянно обходили улицы, наблюдая за порядком. Вакаймоно (молодые слуги-мужчины) с Накано-тё с фонарями (дайхари) и железными палками также следили за порядком и не позволяли скапливаться зевакам. Эти дайхари устанавливались в качестве сигналов перед домами, около которых в данный момент проходило представление.

Все расходы, связанные с организацией представлений нивака, несли в первую очередь публичные и чайные дома.

Изначально нивака были импровизированными фарсами, но в годы Тэнна (1681—1684) их характер изменился, хотя и незначительно. В «Кию сёран» говорится, что нивака было имитацией фестиваля Гион в Киото и Праздника повозок (нэримоно) в Симбара и Сумиёси. Он произошел от праздника Куросукэ-Инари, который проводился в 8-м месяце 19-го года Кёхо (август 1734) по случаю обретения этим божеством титула сёити (высший ранг). В память об этом событии, вплоть до последнего времени, когда бы ни проводились представления нивака, бамбуковые деревья с листьями устанавливались по сторонам Омон (Главные ворота), а между ними натягивалась соломенная веревка, чтобы освятить квартал. Сейчас эта традиция не соблюдается. С 1-го дня этого месяца начинался фестиваль Куросукэ-Инари в Суйдодзире. Праздничные повозки двигались по улицам Ёсивара, заполненным зеваками. Обычай украшать Омон бамбуком был в моде до конца эпохи Бунка (1804—1818). К тому же на 1-й день 8-го месяца юдзё, искусные в пении и танцах, публично исполняли танцы нивака и делали это каждый погожий день на протяжении месяца. Утверждают, что танец зародился после визита одной молодой юдзё в храм Мадзаки Тэндзин в 4-м году Мэйва (1767), и, если судить по нынешним танцам нивака, так оно и было.

В «Кагай энкакуси» говорится, что на рисунке, изображающем танец нивака, сделанном в эпоху Мэйва (1764—

1772), написано следующее: «Оцуэ сёсагото хаясиката о-дэки о-дэки («Драматическое представление музыкантов оцуэ замечательно, замечательно»)».

На рисунке изображена сцена-повозка и сдвинутые сёдзи, вокруг которых развешаны цветы глицинии, а внутри находятся музыканты.

Гейши О-Иси, О-Кумэ, О-Юки и О-Нами, одетые в платья с широкими рукавами и хокамури (платок, закрывающий голову и щеки), играли на сямисэнах. Юдзё Танэко из дома Синъканая и Масуно из Оэбисуя, также в платьях с широкими рукавами и в лакированных шляпах, танцевали с цветами глицинии в руках. Кроме того, здесь находилось более десяти камуро с Кёмати-иттёмэ с фонарями. Пять ведущих юдзё были одеты в пятислойные платья и красные хакама, носили на голове ёраку (корона) и держали в руках хисяку (скипетр) из дерева хиноки. Во время движения женщин надежно прикрывали сзади специальными зонтами. На программе представления нивака годов Кёва (1801—1804), так же как и на изображениях годов Бунка (1804—1818), видны мужчины, разыгрывающие фарс перед ограждением публичного дома. В те времена сцены-повозки еще не использовали, а танцевальные пантомимы исполнялись на открытом воздухе. Актёров освещали свечи на подставках, расставленные перед ними. Исполнители обладали определенным остроумием и находчивостью, поскольку почти каждое их слово или жест вызывали у зрителей взрывы хохота. Поздний вариант нивака, похоже, произошел от танцев юдзё. Знаменитый танец львов и песни кияри, являющиеся главными событиями представления нивака, сформировались в годы Ансэй (1854—1860) под влиянием гейши по имени О-Ити, которая благодаря своим умениям в этой области была очень популярна в свое время. Утверждается, что в 1898 году от представлений нивака отказались, возможно, в связи с большими расходами на организацию, несопоставимыми с дальнейшими доходами Ёсивара, однако тщательное исследование показало, что полицейские власти были склонны запретить танцы или хотя бы наполовину сократить время их исполнения. Хозяин одного из самых крупных заведений утверждал, что и он, и его другие владельцы известных домов были весьма обеспокоены

попыткой искоренить такую древнюю традицию и что они приложат все усилия, чтобы получить разрешение полиции проводить представления нивака как обычно. Его аргументом является то, что такие представления не противоречат общественной морали и что люди, приходящие в Ёсивара, имеют единственную цель развлечься, поглазев на такое зрелище!

ТОРИ-НО МАТИ

(Праздник Отори-но ками)

В осенние дни ноября в разных районах Токио, где есть храмы Орла, отмечается праздник Отори-но ками. По этому случаю огромные толпы народу наводняют Ёсивара, поскольку наиболее популярный рынок располагается по соседству, в Рюсэндзи мати Асакуса Тамбо.

Это золотые дни для публичных домов и их владельцев, и, как правило, все юдзё уже связаны предварительными договоренностями со своими гостями. В эти дни для юдзё считается неприличным долго находиться в своей клетке. Пользующиеся известностью женщины демонстрируют свою популярность посредством цумиягу, а гейши имеют множество предварительных заказов.

Трое ворот рядом с Омон, которые всегда заперты, кроме случаев пожара или другого бедствия, в дни Тори-но мати открыты настежь для пропуска публики с раннего утра. Торговцы ставят свои палатки начиная от конторы инспектора (кэнсаба) и до Судодзири, а юдзё появляются в клетках даже днем. К вечеру суета и неразбериха в Ёсивара усиливаются.

Вдрызг пьяные бездельники шатаются по улицам или толпятся перед публичными домами, распевая непристойные песенки, в то время как юдзё зазывают возможных клиентов на своем откровенном жаргоне. Толпа колыхается в разные стороны, как волны в океане, и общая неразбериха не поддается описанию. Но над всем этим, там, тут и везде, мелькает маленький полицейский в синей куртке с мечом, фонарем и записной книжкой, выкрикивающий предупредительную формулу «Корэя! Корэя!»

(«Хватит! Хватит! Проходите») и сдерживающий profanum vulgus¹ силой закона, видимой и воплощенной в человеческом облике.

ЁСИВАРА НАНА ФУСИГИ

(Семь тайн Ёсивара)

В противовес «Семи тайнам» Этиго, Сува, Хондзё и т. д., состоящим из жутких рассказов о привидениях или о действительно неразгаданных тайнах, нана фусиги Ёсивара совершенно невинны и скорее забавны по своей сути. Вот они:

1. Хотя ворота или главная входная дверь называются Омон (Главные ворота), внутри нет гэнкан (прихожей).

2. Хотя ров вокруг квартала называется берегом реки (каси), там не видно лодок.

3. Хотя один из околотков называется Сумитё (угол квартала или улицы), там нет угла.

4. Хотя дома для знакомств называются тья (чайные дома), в них не продают чай.

5. Хотя служанки в публичных домах называются синдзо (молодая женщина), большинство из них пожилые.

6. Среди вакаймоно (*букв.:* молодой человек, но имеется в виду слуга-мужчина) много лысых.

7. Хотя пожилых женщин в публичных домах называют яритэ (遣り手 — дающий), они ничего не дают, а только забирают все, до чего могут дотянуться.

Вот таковы семь тайн Ёсивара, но главным является то, что эти тайны не имеют объяснения.

ЁСИВАРА-НО КЁКА

(Комическая поэзия)

Среди остроумных и эпиграмматических стихов, созданных известными литераторами, нижеприведенные отобраны как наиболее интересные и характерные.

¹ Непосвященная толпа (*лат.*).

«Вид снежного вечера у Омон так прекрасен, что нет мужчины настолько глупого, чтобы, пресытившись, покинуть Ёсивара» (*Ёмо Акара*). (Акара Ёмо-но (1749—1823).)

«Тихим весенним вечером, когда женщины квартала заходят в свои клетки, кажется, что от звуков колокола, возвещающего приход вечера, по Ёсивара рассыпаются цветы» (*Ёмо Акара*).

«Гости могут меняться, но листья микаэри янаги (ива прощального взгляда) всегда зеленые, а цветы неизменно алые» (*Кёкутэй Бакин*). (См. выше.)

«Даже не спрашивая, ясно, что миякодори (дальневосточный кулик-сорока) живет на реке Сумида. Та, кого я страстно желаю, живет в Ёсивара» (*Санто Кёдзан* (1769—1858)).

«Если ветер можно остановить, заперев Омон (Главные ворота), не жалко потратить и тысячу рё на цветы» (*Магао*).

«Если кто-то одурманен, он повторяет одно и то же: в Ёсивара цветут цветы, в Ёсивара цветут цветы» (*Сёку Сандзин*). (*Ота Нампо* (1749—1823).)

«Жизнь пришедшего в Ёсивара продлевается колоколами хикэёцу, которые звонят на два часа позже, чем в мире снаружи» (*Сёдзи Нарююки*).

«Гости стремятся к цветущим вишням в Ёсивара, как кони в упряжке» (*Мото-но Мокуами*).

«Пришло время цветения, но цветы Ёсино не сравнятся с цветами ойран из Ёсивара» (*Тэгара Окамоти* (1735—1813)).

ЁСИВАРА КАЙРОККИ

(Хронология пожаров в Ёсивара)

В 12-м месяце 7-го года Канъэй (январь 1631) пожар вспыхнул на Хатёбори и выжег Нэгитё, Хасэгататё и Томидзаватё.

На 14-й день 12-го месяца 2-го года Сёхо (30 января 1646) после перерыва в 16 лет пожар вспыхнул на Оваритё и Ёсивара сгорел. Огонь был остановлен на Хасэгататё и Омондори. Этот пожар известен как Сакуэмон кадзи.

В 9-й месяц 3-го года Дзёо (октябрь 1654) после 19 лет пожар случился на Кирагаси и Мотоёсивара сгорел.

На 18-й день 1-го месяца 3-го года Мэйрэки (2 марта 1657) после 13-летнего перерыва (что-то не так в этих подсчетах?) случился пожар в храме Хоммёдзи. В результате Маруяма, Хонго и большая часть Эдо, включая Мотоёсивара, выгорели.

Далее перечислены несчастья, случившиеся после переезда Ёсивара на нынешнее место.

На 7-й день 12-го месяца 4-го года Эмпо (10 января 1677) после 20 лет загорелся банный дом на Кёмати, владельцем которого был человек по имени Итибэй, и весь квартал сгорел.

На 27-й день 11-го месяца 5-го года Эмпо (21 декабря 1677) загорелся дом Ханая Итибэй. Эдотё-нитёмэ и часть улицы, где стоял дом, сгорели. В тот день шел сильный дождь.

В 4-м месяце 5-го года Мэйва (май 1768) случился пожар в публичном доме Ёцумэя Дзэнтаро на Эдотё и, после передышки в 92 года, Ёсивара сгорел дотла.

В 23-й день 4-го месяца 8-го года Мэйва (5 июня 1771) вспыхнул пожар в доме Умэя Ихэй. Простояв четыре года, Ёсивара сгорел.

На 29-й день 2-го месяца 9-го года Мэйва (1 апреля 1772) загорелся храм Дайтандзи. Тогда выгорели Гёниндзака, Мэгуро и, с перерывом в два года, Ёсивара.

На 30-й день 9-го месяца 1-го года Тэммэй (15 ноября 1781) пожар случился в доме Абурая Ясубэй. После 10 лет спокойствия выгорели Фусимитё и Эдотё-нитёмэ. Источники сообщают, что пожар начался в Кадая на Фусимитё и что на Эдотё-нитёмэ сгорело 11 домов, на Накано-тё — 10 и 10 на Фусимитё.

На 16-й день 4-го месяца 4-го года Тэммэй (3 июня 1784) загорелся дом Маруэбия, и Ёсивара сгорел, простояв четыре года.

Через четыре года на 9-й день 11-го месяца 7-го года Тэммэй (18 декабря 1787) случился пожар в чайном доме Горобэя на Сумитё. Весь квартал сгорел.

На 2-й день 4-го месяца 6-го года Кансэй (1 мая 1794) огонь вспыхнул в публичном доме Тёдзия, и после восьми лет Ёсивара сгорел. Кроме того, ветер занес искры на жилые дома в Тамати (в Асакуса), и этот квартал тоже выгорел.

Через семь лет на 23-й день 2-го месяца 12-го года Кансэй (18 марта 1800) загорелся дом крестьянина по имени Цунэаса Дзинъюэмон из деревни Рюсэндзимура в районе Ситая. Ёсивара опять сгорел.

На 21-й день 11-го месяца 9-го года Бунка (24 декабря 1812) загорелось скопление хижин, принадлежащее Дзэнити (старшина нищих), и после 13-летнего перерыва Ёсивара выгорел. Этот пожар также распространился на Яма-но тiku и Тамати-нитёмэ в Асакуса.

Еще через пять лет Ёсивара снова сгорел. На 3-й день 5-го месяца 13-го года Бунка (29 мая 1816) загорелся пустой дом, принадлежащий Синэбия Китисукэ (хозяин публичного дома) на Кёмати-иттёмэ. Контора Сахэя (нануси) на Эдотё-нитёмэ избежала несчастья. Этот пожар захватил также Рюсэндзимати в Асакуса.

На 26-й день 1-го месяца 6-го года Тэмпо (23 февраля 1835) вспыхнул пожар в публичном доме, принадлежащем Мацугоро на Сумитё. Ёсивара сгорел, простояв 12 лет.

На 19-й день 10-го месяца 8-го года Тэмпо (16 ноября 1837) пожар случился в доме Гэнтаро (он был отцом и опекуном хозяйки небольшого публичного дома на Эдотё-нитёмэ). После трех лет Ёсивара сгорел. Контора нануси Нидзаэмона на Эдотё-иттёмэ и маленькие дома на задних улицах не пострадали.

Через девять лет Ёсивара снова сгорел. На 5-й день 12-го месяца 2-го года Кока (2 января 1846) загорелся публичный дом Кавацую Тэцугоро на Кёмати-нитёмэ. Однако конторы нануси Сахэя на Эдотё-нитёмэ, Ниэмона на Эдотё-иттёмэ и Рокуроэмона на Кёмати-иттёмэ не пострадали.

Прошло 11 лет. На 2-й день 10-го месяца 2-го года Ансэй (11 ноября 1855) произошло разрушительное землетрясение. Все дома в Ёсивара были уничтожены толчками или последовавшим пожаром. Множество людей погибло.

На 29-й день 9-го месяца 1-го года Манъэн (12 ноября 1860), через шесть лет, пожар случился в доме Кинодзия Тэцудзиро (касидзасики на Эдотё-нитёмэ). Ёсивара сгорел полностью. Интересно, что дом нануси Дзинсиро на Кёмати-иттёмэ не пострадал.

На 14-й день 11-го месяца 2-го года Бункю (3 января 1863) вспыхнул дом Симидзю Сэйсукэ (на Кёмати-иттё-

мэ). И, простояв всего три года, Ёсивара снова сгорел. Огонь распространился и на Годзиккэнмати. Дома нануси Дзин-сиро и Канэко Хамбэя (на Кёмати-иттэмэ) удалось спасти.

На 26-й день 1-го месяца 1-го года Гэндзи (5 марта 1864), через три года¹, в кладовой публичного дома Огутия Бундзаэмона на Эдотё-иттэмэ случился пожар. Сгорели все дома на улице. Публичные дома, стоящие вдоль ручья на Агэятё, уцелели, так же как и некоторые дома на Кёмати-иттэмэ.

На 23-й день 9-го месяца того же года (23 октября 1864) загорелась табачная лавка на Эдотё-иттэмэ. Сгорело шесть домов.

На 11-й день 11-го месяца 2-го года Кэйо (17 декабря 1866), по истечении трех лет, пожар случился в небольшом публичном доме Омасуя (на Эдотё-иттэмэ) и часть Ёсивара сгорела.

На 28-й день 5-го месяца 4-го года Мэйдзи (28 мая 1871) загорелся магазин бумажных изделий, принадлежащий Санья Мацугоро (на Китафусимитё), и большая часть Ёсивара сгорела. Дома вдоль ручья на Эдотё-иттэмэ, Агэятё и Кёмати-иттэмэ, а также публичный дом Кадоэби удалось отстоять.

На 11-й день 11-го месяца 6-го года Мэйдзи (11 ноября 1873) загорелся дом, где жил Кобаясия Рю, № 25 по Кёматинитэмэ, при этом вся улица и Эдотё-нитэмэ были полностью уничтожены. Уцелело только два чайных дома поблизости от Омон (Омория и Ягатая). От летящих искр сгорело несколько домов на Тамати-нитэмэ, Яманосику и Сёдэн Ёкотё.

На 12-й день 12-го месяца 8-го года Мэйдзи (12 декабря 1875) пожар вспыхнул на кухне дома Накамура Тёбэя (Сано Цутия), № 25 по Эдотё-иттэмэ. В результате Эдотё-иттэмэ и нитэмэ, Сумитё, Агэямати, а также Кёмати-иттэмэ и нитэмэ сгорели. Кроме того, пострадали некоторые дома в других частях Ёсивара.

На 2-й день 1-го месяца 11-го года Мэйдзи (2 января 1878), через четыре года, загорелся дом Накамура Тёбэя (Исэроку) на Эдотё-иттэмэ, но дом быстро разобрали, и пожар не распространился. Причиной возгорания стал керосин.

На 23-й день 1-го месяца 24-го года Мэйдзи (23 января 1891), спустя 17 лет, пожар вспыхнул в доме Кобаяси Кю-

¹ Так в тексте. (Примеч. пер.)

таро (Кобаясиро). На Кёмати-нитёмэ и на Сумитё 46 домов сгорели полностью и 5 частично. На Кёмати-нитёмэ 13 домов сгорели полностью и 2 частично. На Эдотё-нитёмэ 2 дома сгорели полностью и 9 частично.

На 4-й день 4-го месяца 26-го года Мэйдзи (13 апреля 1893) в 7.30 вечера загорелся третий этаж дома Ирита Ёсита-ро (Байманро), № 31 по Агэятё. На Агээтё, Эдотё и Кёмати-иттёмэ около 45 домов сгорели полностью и 9 частично.

Последний разрушительный пожар случился в Ёсивара в 4.30 утра 15 марта 1896 года. Он начался позади чайных домов Син кирихан и Канэнамая (которые стояли на границе Эдотё-нитёмэ и Сумитё) и быстро распространился по Эдотё-нитёмэ, Накано-тё, Сумитё и даже за Омон.

В совокупности сгорело 139 домов. В этом пожаре погибла юдзё по имени Коигину 24 лет из дома Кавати-ро (Сумитё). В дыму она не смогла выбраться из горящего дома.

Также задохнулся в дыму работник из Танакаро.

ФУРИСОДЭ КАДЗИ

(Большой пожар годов Мэйрэки)

Нижеприведенный текст является почти буквальным переводом популярной японской легенды.

Известно, что на 18-й день 1-го месяца 3-го года Мэйрэки (2 марта 1657) в храме Хоммёдзи на Маруяма в Хонго вспыхнул пожар, который бушевал в Эдо три дня и три ночи, сжигая все. Число погибших в огне превышало 108 000 душ, и предание говорит, что с древних времен и по сей день ни один пожар не может сравниться с этим и что невозможно описать словами размеры этого ужасного бедствия. При расследовании причин пожара выяснилось, что в конце весны 2-го года Мэйрэки, когда вишни стояли в полном цвету, дочь одного хатамото, жившего поблизости от Бантё, в компании нескольких соседей, отправилась в Уэно полюбоваться цветами. В это время молодой паж из замка проходил по мосту Саммайбаси на Хирокодзи в Уэно. Знатная девушка, двигавшаяся в противоположном направлении, увидела его. Юноша был хорош собой, и девушка, мельком глянув на него, заметила, что ему лет шестнадцать—семнадцать, одет он в черную

хаори (род свободной куртки) с широкими рукавами (фурисодэ), с рисунком в виде водяных колес (популярный в Японии орнамент). Его хакама (свободные шаровары) были из коричневой полосатой материи. Весь его облик с мечами (ножны которых были украшены цветочным орнаментом), заткнутыми за пояс, напоминал древние изображения Нарихира (Аривара Нарихира — см. выше) или Минамото-но Мицуудзи¹ в детстве, на пороге посвящения в рыцари. И она подумала: кто может превзойти в красоте этого юношу? Его губы такие же алые, как самые алые цветы. Его брови прекрасно изогнуты. Его волосы черные и блестящие. Его лоб несет знак обряда гэмбуку². Его волосы были красиво расчесаны по моде того времени. Его лицо не знало прикосновения мороза. Весь его облик, казалось, соперничал с красотой и ароматом распустившихся цветов. Когда он проходил мимо, широкие рукава его одежды коснулись ее платья, ее сердце заколотилось, и она влюбилась с первого взгляда. Поскольку они двигались в противоположных направлениях, она не могла не обернуться, чтобы понять, кого она увидела — человека или бога, и в то время, пока она смотрела на него, ее первая любовь расцветала, как цветы вишни. Но она была не одна и продолжила свой путь, сожалея о разлуке с любимым. Прибыв со своими подругами в Уэно, она погрузилась в грустные мысли, несмотря на великолепие цветущих вишен, образ юноши стоял у нее перед глазами, а смех и веселье окружающих только раздражали ее.

Вернувшись домой, она задумалась: «Кто это может быть? Я не знаю, где он живет, и не знаю, как его найти. Теперь я буду изнывать от своей любви. Моих сил и воли недостаточно, чтобы соединиться с ним и утолить свои желания. Да, я безумна, но я стараюсь остановить свои глупые и бесполезные мысли, но я не могу приказать своему сердцу». Время тянулось для нее невыразимо тоскливо, проходили дни и месяцы, пока не наступил сезон летних дождей с его периодами

¹ Похоже, автор смешал здесь двух полулегендарных персонажей истории Японии, а именно Минамото-но Ёсицунэ и Асикага-но Мицуудзи. Оба считались рыцарями без страха и упрека и писаными красавцами. (*Примеч. пер.*)

² Г э м б у к у — совершеннолетие. Наречение подростка в 15—16 лет взрослым именем. Присвоение ему одежды, прически и головного убора взрослых. (*Примеч. пер.*)

ливней. Ее мысли были полны меланхолии, и она даже перестала причесываться, оставляя волосы распущенными по плечам. Полагая, что она заболела, ее родители очень беспокоились. Однажды ее отец сказал ее матери: «Я долго думал над причиной болезни нашей дочери. Она не пьет лекарств, не принимает докторов. Я ничего не понимаю. Но на днях я слышал от соседей, что во время любования цветущими вишнями наша дочь встретила в Миахи какого-то молодого господина и не может забыть его. Я не знаю, кто он, но похоже, это очень красивый юноша. Я слышал, что она говорила об этом подругам, но не придавал этому значения. И вот наша дочь вернулась домой, и с тех пор она несчастна и постоянно плачет. Последнее время ее болезнь усилилась и стала очень серьезной. Она погружена в свои мысли и выглядит очень плохо. Если ты ее осторожно расспросишь, может, она тебе расскажет, в чем дело». Тем же вечером мать попыталась поговорить с дочерью, но та лишь прятала лицо в подушку и молчала. Через некоторое время, однако, она решила, что все зашло так далеко и нет больше смысла молчать, и потому рассказала все: «Во время любования цветами весной и т. д. и т. д.» — и она продолжила свою исповедь матери. Из ее глаз лились слезы. Она кричала, ее трясло. Выглядела она очень несчастной и достойной жалости. Закончив, она отвернулась и попросила мать не смеяться над ней. Тогда мать придвинулась к ней поближе и спросила, не знает ли та имя молодого человека и где он живет. Но дочь ответила, что не знает о нем ничего, а единственное, что помнит, — орнамент на его платье, и постоянно думает об этом. Тогда мать сказала: «Если у тебя будет одежда с таким же орнаментом, ты сможешь положить ее у своей подушки, и тебе станет легче». Услышав это, дочь очень обрадовалась, а родители, расспросив ее о рисунке и цвете орнамента из водяных колес, призвали своего красильщика и не торгуясь сделали ему заказ со словами: «Пожалуйста, поторопись и сделай ткань с таким рисунком как можно быстрее». Ткань была окрашена очень быстро, и они поторопились к портному, заставив его трудиться день и ночь, пока одежда не была готова. Они были очень заботливыми родителями и внимательно относились к своему ребенку. Поэтому, когда случилось несчастье, их сердца стали такими же черными, как фурикодэ, которое они заказали.

Орнамент состоял из водяных колес среди волн, которые вращались и вращались, пока не навлекли на мир разорение и несчастья. Родители принесли это одеяние дочери, и она с криком «Да-да! Вот оно!» как безумная схватила его. Она почувствовала себя почти как в раю. Затем через четыре или пять дней ее болезнь усилилась, и вскоре она умерла, прижимая фурисодэ к груди. Вид ее, даже в смерти, держащей в руках это платье, вызывал глубокую печаль и сожаление. Что ж, пришло время родителям расстаться со своим ребенком, и в храме Хоммёдзи в районе Хонго были проведены все необходимые ритуалы. Что касается украшенного фурисодэ, то, поскольку девушка его так любила, родители положили его на ее гроб в качестве какэмуку (покрова) и отправили все в храм. Со временем священники из Хоммёдзи продали одеяние в лавку подержанных вещей, а в 9-м месяце того же года его снова принесли в храм и снова в виде покрывала на гроб, но священники не обратили особого внимания и опять продали фурисодэ, как обычно, старьевщику. В следующий раз точно так же расписанное одеяние и так же в качестве покрывала попало в храм от одного прихожанина на 18-й день 1-го месяца 3-го года Мэйрэки (2 марта 1657), и это был уже третий раз, когда одно и то же одеяние попадало в храм. Это, наконец, привлекло внимание нассё (служитель храмовой канцелярии) и бансо (служба), которые подумали, что это странно. Что это фурисодэ в третий раз возвращается в храм неспроста. И рассказали обо всем настоятелю. После размышлений настоятель сказал: «Это действительно серьезный случай. В высшей степени непонятно, как это одеяние попадало в руки наших прихожан не один, а два и три раза. И что еще более загадочно, что все усопшие были молодыми девушками. Я справлюсь у сэсю (поставщик похоронных принадлежностей) об этом». И, будучи ответственным за похоронные службы, он спросил у сэсю об истории этого фурисодэ. И сэсю отвечал: «Мне очень стыдно, что вы меня об этом спрашиваете, но однажды наша дочь отправилась по делам в район Асакуса, увидела это фурисодэ в лавке торговца подержанной одеждой и стала настаивать на его покупке. В соответствии с ее желанием мы купили это одеяние, и в тот же самый вечер она свалилась в жестокой лихорадке. Но это еще не все, она начала бредить, как лунатик, крепко прижимая одеяние к себе при этом. Вся

моя семья прикладывала огромные усилия, чтобы забрать одеяние, но она не позволяла. С того дня она начала стремительно худеть и вскоре умерла». Настоятель кивнул и рассказал детали происхождения этого загадочного одеяния и как оно уже дважды попадало в храм в виде какэмуку (покрова). Услышав рассказ, сэсю пришел в ужас и сказал, что, если продать фурисодэ еще раз, это принесет такое же несчастье еще кому-нибудь. «Я не хочу, чтобы такое произошло, и поэтому думаю, что лучше всего по окончании похоронной церемонии эту одежду сжечь». Настоятель кивнул и ответил: «Действительно, это мудрое решение. Да-да». Затем, когда похоронная церемония закончилась и люди разошлись, священники принесли трехфутовую жаровню, чтобы сжечь одеяние. Скомкав фурисодэ, они сунули его в огонь и встали вокруг, распевая молитву: «Пусть души трех женщин скорее попадут в рай. Мы поклоняемся тебе, Цветок мудрости. Ты спас нас, принеся книгу удивительного Закона!» Сразу же после того, как они сунули одежду в огонь, с севера налетел вихрь настолько сильный, что поднятые им песок и пыль почти полностью закрыли небо и грозили накрыть весь мир черным покрывалом. Люди в храме смотрели друг на друга в ужасе, говоря, что это не может быть случайностью. И в это время горящее одеяние было подхвачено ветром и занесено под высокий потолок главного помещения храма. Стоящие вокруг не успели сказать даже «Ах!», как храм и жилища священников оказались объаты пламенем. Огонь становился все яростней, пока не стал источником великого бедствия. Так случился пожар, известный как фурисодэ кадзи (пожар платья с широкими рукавами), который выжег почти весь город и о котором люди говорят до сих пор.

МЭЙГИ РЯКУДЭН

(Короткие заметки о жизни известных куртизанок)

ТАКАО

Первая Такао блистала в период старого Ёсивара, и звали ее Мёсин Такао. Также она была известна как Комоти Такао (Такао с ребенком), так как она имела обыкновение

прогуливаться в сопровождении кормилицы, которая несла ее ребенка.

Вторая Такао была известна как Датэ Такао.

Третьей была Сайдзё Такао, которую выкупил некий Сайдзё Китиэмон (слуга тюнагона¹ Кии) и увез в свою родную провинцию (Кии). Другой источник говорит, что ее выкупил Сайдзё Китибэй — мастер лаковых изделий при дворе сёгуна.

Четвертую Такао называли Асано Такао. Говорят, что ее выкупил или Асано Ики-но ками, или Асано Инаба-но ками. Оба они были даймё. Согласно списку даймё, опубликованному в 4-й год Мэйрэки (1658), Асано Ики-но ками, похоже, был внуком знаменитого Асано Нагамаса².

Пятая Такао звалась Мидзутани Такао. Ее выкупил Мидзутани Рокубэй — банкир при князе Мито. Позднее она сбежала со слугой Мидзутани — пожилым человеком 68 лет. Затем она вышла замуж за Хандаю Рёуна, а позже стала любовницей Макино Суруга-но ками (даймё), но снова сбежала с одним из служащих последнего по имени Коно Хэйма. Далее мы видим ее женой парикмахера из Фукугава, затем женой актера по имени Содэока Масаносукэ и, наконец, женой торговца маслом из Микаватё. Конец ее полиандричной карьере положила внезапная смерть на улице перед храмом Дайондзи.

Шестую Такао называли Дадзомэ Такао. Ее выкупил красильщик по имени Дзиробэй. Говорят, она была очень красива и превосходила всех своих предшественниц (кроме пятой, о безнравственности которой мы уже говорили), будучи к тому же искусной в письме (одно из необходимых качеств дамы) и обладая спокойными и тонкими манерами. При своих женских качествах и воспитании ей сам Бог велел стать женой господина с положением, но она вышла замуж за Дзиробэя, который не только находился в стесненных финансовых обстоятельствах, но был на редкость уродлив. Станный союз, однако, оказался удачным, и пара жила в счастье и любви. Вкратце история их брака такова. Красильщик Дзиробэй, работавший на хозяина, однажды

¹ Тюнагон — второй придворный чин. (*Примеч. пер.*)

² Асано Нагамаса (1546—1610) — родственник и соратник Тоётоми Хидэёси. (*Примеч. пер.*)

пошел с приятелями в Ёсивара поглазеть на прогуливающих юдзё. Здесь он и увидел свою будущую жену. Будучи ошеломленным ее красотой и грациозностью, он подумал, что если бы он смог только приблизиться к ней, то мечта всей его жизни была бы осуществлена. Но в те времена встреча обычного бедного ремесленника с юдзё такого ранга была, конечно, невозможна, и Дзиробэй впал в отчаяние. Ситуация так подействовала на него, что его расстроенный вид по возвращении домой привлек внимание хозяина. Не имея сил хранить секрет, Дзиробэй открылся, и тот призвал его усердно работать, чтобы накопить достаточно денег на оплату юдзё, ведь, в конце концов, это всего лишь вопрос денег. Более года Дзиробэй усердно трудился день и ночь и в результате жесточайшей экономии умудрился собрать сумму, достаточную для оплаты агэдай за юдзё такого класса, как Такао. Как только нужная сумма оказалась у него на руках, он поспешил в Ёсивара, так как опасался, что, если он промедлит, кто-нибудь выкупит объект его любви и он потеряет ее навсегда. Когда он явился в квартал в платье ремесленника, выглядящий грязным и неуклюжим, с всклокоченными волосами и щетинистой бородой, у него возникли определенные проблемы на пути к Такао, но все же он попал к ней и смог без утайки открыться. Ее женское сердце было глубоко тронутو таким подтверждением искренней любви, и она пообещала выйти за него замуж по истечении срока ее контракта. Свое обещание она впоследствии выполнила, а Дзиробэй открыл в городе собственную мастерскую и со временем разбогател. Однако, поскольку он не был особо искусным в своем ремесле, благосостояние пришло со стороны покупателей, которые посещали мастерскую, чтобы взглянуть на знаменитую романтическую красавицу.

Кто выкупил седьмую Такао, неизвестно. Многие путают ее с Сакакибара Такао. В записях Миура как Сакакибара Такао ошибочно названа шестая. У восьмой и девятой, похоже, была успешная карьера в Ёсивара, но они не были выкуплены сколько-нибудь заметными людьми, и поэтому никаких записей на этот счет не сохранилось.

Десятая Такао появилась в Ёсивара в 13-м или 14-м году Кёхо (1728 или 1729).

Одиннадцатая Такао была выкуплена Сакакибара сикибу таю¹, даймё Таката в провинции Этиго, который имел доход в 15 000 коку риса в год. Когда тот отошел от дел, она отправилась вслед за ним в его вотчину (Таката), а после его смерти постриглась в монахини и умерла в тридцать с небольшим лет.

ХАНАОГИ

В «Эдо кайгай энкакуси» говорится, что хозяин публичного дома по имени Огия Уэмон был учеником Като Тиинаи, потому хорошо разбирался в японском стихосложении и был известен под своим литературным псевдонимом Бокука (Чернильная река). Среди обитателей дома этого милого ценителя поэзии жила юдзё по имени Ханаоги, очень популярная в то время. Примерно в 6-й год Кансэй (1794) она сбежала из Ёсивара и жила с любимым человеком. Но вскоре ее разыскали и водворили обратно. Тогда под предлогом болезни она отказалась исполнять обязанности юдзё, и никакими силами переубедить ее не удалось. Хозяин дома написал по этому поводу стихотворение: «Несмотря на усилия садовника уберечь цветы сливы, ветер все усиливается» — и показал ей. Ханаоги расплакалась и, тронутая добротой хозяина, быстро написала ответное стихотворение: «Цветы сливы, которые плотно закрылись, чтобы противостоять безжалостному ветру, расцветут следующей весной».

С этого дня она одумалась и ее популярность вернулась. В «Кинсэй сёгадан» говорится, что Ханаоги, юдзё из дома Огия в Ёсивара, не только обладала тонким поэтическим вкусом и владела искусством стихосложения, но была нежной и заботливой дочерью своей престарелой матери. Поскольку ее литературные таланты получили всеобщее признание, а дочерние качества не были так же широко известны, автор «Кинсэй сёгадан» счел нужным отметить, что исполнение ею дочернего долга превосходит все ее прочие заслуги. Потому что это редкое качество среди женщин, торгующих своим телом. Слава о Ханаоги как о примерной дочери распро-

¹ С и к и б у т а ю — придворный чин, церемониймейстер. (Примеч. пер.)

странилась далеко за пределы страны. Китайский ученый по имени Хикосэй¹, прибывший в Нагасаки на борту торгового судна, услышал ее историю и направил ей хвалебное письмо, написанное в виде классического китайского стихотворения. Это произведение, полное красивых художественных образов, можно перевести примерно так:

«Ты, главная куртизанка лучшего дома удовольствий, щедро одарена Небом сотней различных качеств, присущих женщине. Я, будучи иностранцем, прибывшим в вашу страну издалека, должен отплыть, не узрев твоих прелестей, но я буду стремиться к тебе, носясь по волнам на бескрайней груди океана. Здесь в Эдо живет известная куртизанка по имени Ханаоги, прославленная не только своей красотой, но и литературными талантами. У этой дамы есть престарелая мать, которую она боготворит, которой посвящает всю себя без остатка, как и надлежит добропорядочному ребенку. Я пробыл в Нагасаки десять дней и видел много женщин приятных на вид и обладающих вкусом в поэзии, но никогда еще не слышал о куртизанке искушенной в литературе и в то же время свято исполняющей свой дочерний долг.

Услышав о тебе, Ханаоги, я захотел навестить тебя, но, поскольку это было невозможно, я написал стихотворение и посылаю его тебе.

(Подписано) *Сёкэй Хикосэй*».

Похоже, что Ханаоги училась у Токо Гэнрина (поэт) и могла сочинять как китайские, так и японские стихи. Вот некоторые из ее произведений:

1. Имя Ханаоги (Цветочный веер) не подходит человеку, носящему его, это можно сравнить с грубым лесорубом, носящим необычное и нелепо нежное имя.

2. Хоть и светит осенняя луна, выражение глаз того, на кого я смотрела в последние дни весны, все еще стоит перед моим внутренним взором.

3. Луна льет такой яркий волшебный свет на дрожащую поверхность реки, что можно разглядеть тень человека в лодке, держащего веревку.

¹ Здесь и далее китайские имена даны в японском варианте чтения. (Примеч. пер.)

Говорят, что известная куртизанка написала китайскими иероглифами 鳴琴 (мэйкин — звенящая арфа) и, поместив бумагу в рамку, подарила храму Исиямадэра, где этот свиток повесили в Гэндзи-но ма. Монастырь Исияма был основан в 749 году монахом по имени Рёбэн Судзё по приказу императора Сёму. В 1078 году монастырь сгорел и был восстановлен только столетие спустя усилиями Ёритомо¹. Нынешний хондо (главный павильон) был построен Ёдогими, матерью Хидэёри², в конце XVI века. Небольшая комната направо от хондо известна как Гэндзи-но ма; говорят, там жила знаменитая писательница Мурасаки Сикибу³ во время написания ее великого романа «Гэндзи моногатари». Исиямадэра знаменит великолепием своих кленов осенью⁴.

ТАМАКОТО

В одном из стихотворений знаменитого Басё говорится: «Сосну в Карасаки предпочла вишням цветущим весенняя дымка»⁵.

Считается, что это стихотворение написано для того, чтобы подчеркнуть достоинства одинокой вечнозеленой сосны, которая по идее, в отличие от цветов вишни, не должна быть видна пасмурной ночью. Тамакото с симпатией сравнивается с этой сосной с мыса Карасаки (которая в Японии традиционно является символом добродетели), поскольку ее представляют как образец искренности, снисходительности, очаровательной женственности, чьи изящные манеры и способности к общению подняли ее над всеми женщинами ее круга. Благодаря таким уникальным и безукоризненным качествам она стала одной из самых популярных куртизанок в Ёсивара. Обычай прикреплять лист дерева наки к ручке

¹ Минамото-но Ёритомо (1147—1199) — первый сёгун Минамото. (Примеч. пер.)

² Хидэёри (1593—1615) — сын Тоётоми Хидэёси (1537—1598) — полководца, участвовавшего в войнах за объединение Японии и к концу жизни получившего титул кампаку — канцлер. (Примеч. пер.)

³ Мурасаки Сикибу (вторая половина X — первая половина XI в.). (Примеч. пер.)

⁴ Туристский справочник по Японии Мюррея. (Примеч. авт.)

⁵ Перевод Т.Л. Соколовой-Делюсиной.

зеркала, перед которым дамы приводят себя в порядок, был придуман Тамакото. Этот обычай впоследствии подхватили и дамы из высшего общества. В феодальные времена меч называли «живой душой самурая», а зеркало считалось столь же важным и драгоценным для женщины. Помещение листа дерева наки в ручку зеркала имело религиозное значение, поскольку дерево наки считалось священным деревом храма Идзу Дай-Гонгэн в Хаконэ, провинция Идзу. Люди верили, что Хаконэ Гонгэн является божеством, отвечающим за выполнение обещаний, данных друг другу мужчинами и женщинами, и поэтому лист дерева наки в ручке зеркала был эквивалентен обету богам в том, что хозяйка зеркала будет искренна с мужчинами и никогда не солжет. В самом расцвете лет Тамакото заболела и вернулась в дом своих родителей, где, несмотря на все усилия, ушла из этой жизни и «отправилась в путешествие в неизведанный мир» 25 лет от роду. При жизни эта изысканная дама сочинила лирическую песню под названием «Печальная бабочка», которую позже положил на музыку Рансю и которую пели в память об ее авторе.

КАЦУЯМА

На службе у Ямамото Сукээмона с Кёмати-нитёмэ была юдзё по имени Кацуяма, которая, несмотря на то что имела ранг сантядзёро, была искусна в японском стихосложении и очень артистична по натуре. Однажды, по случаю празднования Хинамацури (День девочек — проводится ежегодно 3 марта и имеет еще одно название — Фестиваль кукол). Накануне этого дня в домах, где есть дочери, в гостевой комнате всегда устанавливался ступенчатый стенд с куклольными фигурками и миниатюрными игрушками, все оформление имеет символическое и благожелательное значение. Маленькая кукла по-японски называется хина, праздник — мацури¹. В 3-м месяце известный в то время поэт Рансэцу² оказался свидетелем того, как Кацуяма готовила свою комнату к тор-

¹ Отсюда еще одно японское название Дня девочек, или Фестиваля кукол, — Хинамацури. (*Примеч. пер.*)

² Хаттори Рансэцу (1654—1707). (*Примеч. пер.*)

жеству, и написал следующие строки: «Печально смотреть на бездетную женщину, отмечающую Хинамацури».

Это аллюзия на тот факт, что Фестиваль кукол (Хинамацури) изначально зародился как праздник рождения детей и проявления желания иметь прямых потомков, продолжающих род. Хина означает «птенец, только вылупившийся из яйца», а в феодальные времена рождение детей считалось настолько важным, что бесплодие считалось позором для женщины и могло служить поводом для развода. Куртизанки ввиду ненормального образа жизни, связанного с постоянным физическим напряжением, считались неспособными к зачатию, откуда и сожаление Рансэцу о женщине такой выдающейся красоты и добродетели, как Кацуяма, которая как будто в насмешку над своей судьбой отмечает этот праздник.

Тем не менее куртизанка Кацуяма была искренней и достойной женщиной, благочестивой буддисткой, обладательницей тонкого вкуса, любящей все красивое, искусной в аранжировке цветов и стихосложении. Также у нее был талант к изобретательству. Она разработала уникальный способ укладки волос, настолько простой и оригинальный, что он быстро завоевал популярность у женщин всех слоев общества, не исключая придворных аристократок. Эта прическа до сих пор известна как кацуяма магэ. Вот небольшой рассказ, иллюстрирующий доброту Кацуямы. Был в те времена один бугё по имени Кайсё, и был он в близких отношениях с этой прекрасной девицей, и был он настолько без ума от ее красоты и добродетели, что тратил солидные суммы денег на покупку редких и дорогих вещей, чтобы доставить ей удовольствие. Как-то раз он прислал серебряную клетку с золотым насестом, в которой находилась красивая корейская птица, известная как хиёдори (рыжеухий буль-буль). Посылая этот подарок, он отметил, что такую птицу нельзя купить ни за какие деньги и что ему удалось добыть такого замечательного певца исключительно благодаря своим связям и положению бугё. Кацуяма была рада получить такой подарок от своего друга и, показав птицу обитателям дома, отнесла клетку в свою комнату и обратилась к пернатому приятелю со следующими словами: «Милая птичка, многие могут позавидовать твоей жизни в украшенной се-

ребром и золотом клетке, в окружении внимания людей, но я, моя птичка, знаю, что ты думаешь совершенно о другом. Я много лет живу в Ёсивара как птица в клетке и хорошо тебя понимаю. У меня тоже есть золотая клетка, роскошные наряды, но я знаю, что человек, лишенный свободы, подобен Осёкун¹, для которой драгоценности и цветы потеряли свою привлекательность и которая ощущала себя жительницей Кикайгасима (Остров дьявола)². Зная свои чувства, я могу представить твою печаль, птичка. Несмотря на хороший уход, ты бьешься о прутья клетки, стремясь улететь и свободно жить под голубым небом, так и я хочу вернуться в родные места».

С этими словами Кацуяма достала птицу из клетки и выпустила ее на свободу. Если бы это произошло во времена Кэнко Хоси³, он наверняка бы похвалил ее за такой поступок, так же как Кёё в своей знаменитой книге.

СЭГАВА

Вторая Сэгава из дома Мацубая с Эдотё-нитёмэ (Ёсивара) была выкуплена хозяином Эития (заведение поблизости от Рёгокубаси). Третью выкупил слепой музыкант по имени Торияма. Вторая Сэгава жила в любви и нежности со своим спасителем, но заболела, стала слабеть и провела долгое время в постели, невзирая на усилия ее врача. Тогда кто-то предположил, что, если принять имя, означающее какое-либо животное, она поправится. Сэгава сменила свое имя на Киса (архаичное слово, означающее «слон») и, говорят, под наблюдением доктора Китагава Гиана постепенно поправилась. Еще будучи в Ёсивара, Сэгава послала своей подруге Хинадзуру (из дома Тёдзия), которая собиралась покинуть квартал, потому что ее выкупил гость, красиво написанное письмо. Это письмо было образцом женского

¹ О с ё к у н — жена одного из древних китайских императоров, которую враги держали заложницей за пределами страны.

² Остров Иводзима. (Примеч. пер.)

³ Ёсида Кэнко (1283—1350), также известный как Урабэ Кэнко, иногда его имя читали как Канёси. Кэнко-хоси — его монашеское имя. Автор «Цурэдзурэгуса» («Записки от скуки») — крупнейшего прозаического произведения периода Муромати.

эпистолярного жанра и выглядело так: «С чувством величайшего удовлетворения и радости узнала я, что сегодня ты покидаешь «дом огня» в этом Ёсивара навсегда и уезжаешь жить в более спокойное и благоприятное место. Я не могу найти правильные слова, чтобы передать чувство зависти к твоему многообещающему будущему, которое ждет тебя на новом месте жительства. Кроме всего прочего, согласно принципам составления гороскопов, твоя натура тяготеет к дереву, а натура твоего мужа к земле. Это замечательное сочетание активного и пассивного элементов природы, поскольку земля питает и защищает дерево на протяжении всей его жизни. Это действительно хороший знак, предвещающий тебе счастье и благосостояние. Я еще раз поздравляю тебя со счастливым и многообещающим союзом, который ты заключила».

УСУГУМО

(Легкое облако)

В период Гэнроку (1688—1704) Усугумо была одной из самых популярных куртизанок в Ёсивара и считалась второй после Такао. Она была исключительно красивой женщиной, грациозной и стройной, как ива, а также весьма искусной в различных галантных развлечениях, необходимых японской даме. На 15-й день 8-го месяца 1-го года она проводила с гостем вечер любования луной на втором этаже агэя. Наслаждаясь восхитительным блеском полной луны, которая висела как сверкающее серебряное зеркало на ясном осеннем небе, они сочиняли и читали японские и китайские стихи. Некоторое время спустя на горизонте появились легкие облака, которые постепенно распространились по небу и закрыли луну. В соседней комнате косидзёро по имени Мацуяма (Гора, поросшая соснами) также проводила вечер с гостем в любовании луной и, будучи в не очень хороших отношениях с Усугумо (Легкое облако), ехидно заметила: «Легкие облака высокомерно скрывают прекрасную луну от людских взглядов».

Услышав эту плохо скрытую насмешку, основанную на игре слов «усугумо» («легкое облако») и ее имени, Усугумо

не сдержалась и ответила с предельной прямоотой: «Те легкие облака, которые сейчас скрыли луну, могут казаться пятнами на небе, но, в конце концов, они недолговечны и скоро исчезнут. Гора, поросшая соснами (Мацуяма), напротив, маячит в темноте, отравляя пейзаж, и постоянно закрывает лучший вид на ночное светило».

Раздосадованная таким быстрым и точным ответом, Мацуяма покраснела и покинула комнату. Усугумо славилась своим быстрым умом и находчивостью, и приведенный выше случай блестящее тому доказательство.

У Усугумо была красивая кошка, которую она имела обыкновение брать с собой на прогулки. Кошку несла одна из подчиненных ей камуро. Интересно, что, когда бы Усугумо ни отправлялась в туалет, кошка всегда следовала за ней, что дало повод для слухов о том, что животное было влюблено в свою хозяйку! Хозяин Миурая (заведение, где работала Усугумо), услышав эту историю, однажды привязал кошку к столбу и стал ждать, что будет. Увидев, что Усугумо направляется в туалет, кошка пришла в неистовство и, перекусив веревку, попыталась последовать за хозяйкой сквозь груды кухонной утвари, которая стояла на ее пути. При этом один из поваров ударил ее по шее острым ножом и отделил голову бедного животного от тела. Усугумо, напуганная шумом и суматохой, вышла из туалета и с огорчением нашла свою кошку мертвой. Ко всеобщему удивлению, головы бедного животного на месте не оказалось. Пропавшая голова была найдена при обследовании туалета. Ее зубы были мертвой хваткой сомкнуты на шее большой змеи и не отпускали ее до смерти последней! Когда загадка кошки, постоянно следовавшей за своей хозяйкой, разрешилась, люди поняли, что несчастное животное, зная о существовании змеи, не отходило от своей хозяйки, чтобы уберечь ее, и погибло ее защищая. Когда история о кошачьей преданности стала известна, многие сокрушались о несчастной судьбе киски, и в качестве искупления ее похоронили на семейном кладбище. Стихотворение Кикаку¹, похоже, посвящено кошке Усугумо: «Кошка с улицы Кёмати любила играть между ней и Агэямати».

¹ Э н о м о т о К и к а к у (1661—1707) — ученик Мацуо Басё. (Примеч. пер.)

В прежние времена могила преданного создания была отмечена на Агэятё, но после многочисленных пожаров Ёсивара ее местоположение затерялось.

ОСУМИ

Несмотря на то что Осуми имела более низкий ранг, чем Сирагику из Ямагата или Карю из Хёгоя, она была очень популярна и пользовалась большим спросом у клиентов, чем они. Но однажды она внезапно заболела, и ее болезнь бурно развивалась, не оставляя несчастную в покое даже ночью. Когда, совершенно обессиленная, она впадала в легкую дремоту, ее тут же начинали мучить кошмары и она стонала и кричала от ужаса, обливаясь холодным потом. Проявления ее болезни были настолько чудовищными, что у остальных обитателей публичного дома кровь стыла в жилах при звуках ее жалобных криков и виде ее искаженного страхом лица. Они делали все, что могли, чтобы облегчить ее страдания, и усердно ухаживали за ней. Рассказывают, что женщина, которая сидела у постели несчастной страдальцы, обнаружила неподалеку огромную жабу, и, хотя это мерзкое создание несколько раз выбрасывали, она немедленно оказывалась на прежнем месте, сидя у постели и злорадно глядя на больную. Зловещий и отвратительный соглядатай!

Со временем, невзирая на все усилия ее врача, Осуми исхудала до состояния скелета и умерла от жуткой болезни, поразившей ее. Но напоследок из нее вырвались самые душераздирающие и леденящие кровь звуки, в которых выразался весь ужас, преследовавший ее до могилы.

Говорят, что один священник часто посещал Осуми, влюбился в нее и попытался завоевать сердце куртизанки, но не преуспел, так как она уже имела любимого. Последний беспутно промотал деньги родителей и был за это изгнан из дома. Осуми, чтобы помочь своему любовнику, притворилась влюбленной в священника и заставила оступившегося «слугу Будды» снабжать ее солидными суммами денег, которые она немедленно передавала своему тайному другу. В одну из ночей обманутый священник был подло убит на берегу Нихон цуцуми, и его неупокоенный дух иногда все-

лялся в тело лягушки, которая пробиралась к постели Осу-ми, а иногда в тело камуро и глухим замогильным голосом вещал о своих обидах на бессердечную женщину, которая обрекла его на смерть и вечные муки.

КОМУРАСАКИ

(Маленький пурпурный цветок)

Имя этой куртизанки известно во всех уголках Японии и даже в западных странах благодаря истории под названием «Любовь Гомпати и Комурасаки», изложенной в «Сказках старой Японии» Митфорда.

Ее считают образцом женской преданности, продемонстрированным дамой ее положения. Она была искусна в стихосложении, обладала красивым почерком, а также владела всеми прочими изящными умениями, которые считались необходимыми для настоящей дамы. Говорят, она была автором популярной песни «Яэумэ» («Слива, расцветшая дважды»), в которой говорилось:

«Я похожа на азалию, цветущую в низинах. Встряхни мои цветы, и они все опадут.

Я как светлячок в поле, который освещает скамью как факел. Я всеми силами стремлюсь к тебе и жажду встречи, но я, как птица, заперта в клетке, и невыразимая тоска повергает меня в меланхолию».

Трогательная история любви Комурасаки и Сираи Гомпати выглядит так.

Около двухсот шестидесяти лет назад жил молодой человек по имени Сираи Гомпати — сын уважаемого самурая на службе у даймё одной из центральных провинций. Он уже заслужил репутацию искусного воина, но имел несчастье убить своего молодого товарища в споре из-за собаки и был вынужден покинуть родные места, чтобы искать убежища в Эдо. По прибытии в Эдо он разыскал Бандзуйин Тёбэя, главу отокодате (содружество защитников Эдо), был им радушно принят и укрыт от властей. Однажды Гомпати в первый раз отправился в Ёсивара в компании Токэн Гомбэя, Мамуси Дзихэя и еще нескольких протеже Тёбэя. Этот визит и стал причиной его гибели. Разглядывая пестро одетых кур-

тизанок, прогуливающих в сопровождении своих спутниц и спутников по Накано-тё, Гомпати внезапно увидел известную красавицу, которая недавно дебютировала в Ёсивара.

Это был случай взаимной любви с первого взгляда, и с того раза привлекательный молодой человек каждый вечер навещал Комурасаки в Ёсивара. Как это обычно случалось с завсегдатаями квартала, Гомпати, будучи ронином без постоянного занятия, не имел средств поддержания своего легкомысленного образа жизни и, когда его средства подошли к концу, решил пойти на убийство ради ограбления и пополнения своего кошелька.

Ослепленный любовью к Комурасаки, он продолжал убивать и грабить, чтобы не расставаться с ней. В конце концов на берегу реки Кумагава он убил торговца шелком и забрал у несчастного 300 рё. Это убийство было раскрыто, и Гомпати был арестован и казнен как обычный преступник в Судзугамори (Колокольная роща) недалеко от Омори, где проводились казни во времена правительства Токугава. После смерти Гомпати Бандзуйин Тёбэй приобрел у властей его останки и похоронил их на кладбище храма Борондзи в Мэгуро. Комурасаки после смерти Гомпати была выкуплена одним богатым человеком, но в ночь освобождения исчезла из дома своего благодетеля и, проведя эту ночь неизвестно где, утром появилась в храме, где был похоронен ее любовник.

Сперва она поблагодарила священника за его уважение и заботу о душе усопшего, сделала подношение в виде связки дорогих ароматических палочек и 10 рё на нужды храма, а также вручила священнику еще 5 рё с просьбой установить памятник над могилой Гомпати. Затем она отправилась на кладбище и, вознеся молитвы над местом захоронения своего любимого, лишила себя жизни с помощью кинжала, который принесла для этой цели с собой. Когда Дзуйсэн Осё — главный священник храма — узнал о случившемся, он сообщил Бандзуйин Тёбэю, и тот вскоре явился на место трагедии, приведя с собой родителей несчастной девушки.

Несчастные при жизни, они наконец соединились в смерти, потому что тело Комурасаки было похоронено в той же могиле, что и Гомпати.

Рядом с могилой было посажено апельсиновое дерево с двумя ветками в знак того, что двое усопших отошли в веч-

ный покой в полном взаимном согласии, а над могилой был возведен каменный памятник, на котором были вырезаны соответствующие гербы: сасариндо¹ для Гомпати и круг, содержащий два 卍 и иероглифа для Комурасаки. Также на камне были вырезаны имена усопших и добавлена надпись «Могила под Хиёку»². Надгробие сохранилось до наших дней. Рядом стоит камень, на котором написан следующий текст: «В далекие времена Гэнроку она тосковала по своему любовнику, который был прекрасен, как деревья в цвету, а сейчас под мхом этого старого надгробия кануло в вечность все, кроме ее имени. В переменах этого мира сия могила разрушается от дождей и росы, постепенно погружаясь в землю. Остались только ее очертания. Незнакомец, оставь что-нибудь на сохранение этого камня, а мы, не требуя от тебя ничего более, будем благодарить тебя от всего сердца. Помоги нам установить его заново для будущих поколений и написать на нем это стихотворение: «Эти две птицы, прекрасные, как вишни в цвету, погибли раньше своего срока, как цветы, сорванные ветром до того, как их семена созрели».

Пока Гомпати находился в тюрьме, Комурасаки послала ему письмо следующего содержания: «Я люблю редким цветком, который ты прислал мне накануне, как будто я люблю твоим лицом. Я ужасно расстроилась, узнав, что ты находишься в таком неприятном положении, и не нахожу себе места при мысли, что все это из-за меня. Я слышала, что бог присутствует даже в крохотном лепестке цветка, и я обращаюсь к этому богу, заявляя о своей преданности и верности тебе, что бы ни случилось».

Приведенный выше документ существует до сих пор и известен как «Ханакисё» («Цветочная клятва»). Его часто цитируют в качестве примера того, насколько Комурасаки была влюблена и предана своему милому в минуты несчастья.

Даже сейчас люди с симпатией думают о переживаниях и верности прекрасной куртизанки, сохраняя память о ней в песнях и рассказах, а наиболее впечатлительные возжига-

¹ С а с а р и н д о — семейный герб в виде пучка из пяти заходящих друг на друга листьев бамбука вершинами вниз, увенчанных тремя небольшими цветами.

² Очевидно, имеется в виду хиёку — новый герб, который составляется из собственного герба и герба возлюбленного. (Примеч. пер.)

ют благовония и возлагают цветы на ее могилу, молясь за души несчастной пары. В популярной песне чувства японцев по отношению к Комурасаки выражены так: «Кто может сказать, что куртизанки не искренни? Пусть он пойдет в Мэгуро. Пусть он увидит Хиёкудзука, которая несет на себе красноречивое свидетельство верности куртизанки!»

КАОРУ

(Благоухание)

Каору была весьма красивой женщиной и главной куртизанкой дома Томоэя. Какой-то энтузиаст оставил запись о впечатлении, которое произвела на него эта красавица: «Все, кто смотрел на ее прекрасное лицо и отмечал его очаровательное выражение, были переполнены радостью от ее присутствия и вспоминали о знаменитых китайских красавицах Рифудзин и Сэйси»¹. Однажды один из ее знакомых гостей принес ей в подарок сосуд с четырьмя очень дорогими золотыми рыбками разновидности известной как рантё.

Каору и другие обитатели дома были так восхищены прекрасными золотыми рыбками, что столпились вокруг сосуда с ними, от волнения позабыв о посетителе. Постепенно гостю стало скучно, и, чтобы развлечься, он протиснулся в круг и стал смотреть, что там происходит. Он увидел, как девочка-служанка, следуя указанию Каору, по одной достаёт рыбок из сосуда и раскладывает их на одеяле. Удивленный такими действиями, он осведомился об их причине, говоря: «Зачем вы извлекаете рыбок из их родной стихии? Они же все живые!»

На что Каору любезно ответила: «Рыбки, похоже, очень устали, и я решила дать им отдохнуть на этом одеяле».

Гость, ошеломленный прелестной демонстрацией такого искреннего невежества, расхохотался. Этот рассказ может показаться иллюстрацией глубокого невежества и потрясающей глупости, но в те времена демонстрация полного отсутствия знаний по самым общим вопросам широко приветствовалась в Японии, так как считалась показателем

¹ Имена приведены в японском варианте чтения. *(Примеч. пер.)*

чистоты внутреннего мира девушки. Как бы там ни было, говорят, что гость Каору был так тронут ее простотой, что привязался к ней еще больше. Вот еще один выдающийся и даже в чем-то раблезианский рассказ о Каору, очевидно призванный показать, в каких условиях (sic) эта прелестная куртизанка находилась в Ёсивара. Однажды вечером группа беспечных молодых людей устроила попойку, спиртное лилось рекой. Как вдруг один особо глупый индивид предложил любому из компании на спор проглотить содержимое большой чашки, наполненной перцем. Разгоряченный вином и готовый на любое безрассудство, другой осел в человеческом облике немедленно принял вызов и пожелал совершить этот подвиг дикого обжорства. Сначала этот деятельный идиот выпил чашку сакэ и приготовился заглотить острую смесь, но, как только проглотил первую порцию перца, он свалился на пол, корчась в жутких муках, его глаза вылезли из орбит, а на лице отразились страдания всех грешников ада. Натурально, такая картина быстро привела компанию в чувство, и они немедленно послали за доктором, чтобы помочь пациенту. Явившийся ученик Эскулапа был осведомлен в медицинских вопросах не более чем простой носильщик, и, естественно, случай поставил его в тупик. Однако для спасения профессиональной репутации надо было что-то делать, и сей достойный лекарь на полном серьезе прописал в качестве высокоэффективного лекарства человеческие экскременты! Такой «странный» рецепт испугал окружающих, и они решили узнать, что думает на этот счет сам пациент. Последний, будучи не в состоянии разговаривать, схватил кисть и написал на клочке бумаги: «Если я должен принять это жуткое лекарство, то я лучше предпочту.....!!!»

КОКОНОЭ

(Девять складок)

Коконоэ звалась известная куртизанка, обладавшая определенными литературными способностями. Ее история грустная и в то же время интересная, поскольку проливает свет на абсурдность мышления японских судебных властей того вре-

мени, что приводило к излишне жестоким и бесчеловечным решениям. Говорят, что Коконэ была на службе у одного уважаемого жителя Токио в качестве кормилицы его маленького сына. Ребенок рос и однажды, играя, поссорился с одним из своих друзей. От слов они вскоре перешли к кулакам, и мальчик нанес своему маленькому приятелю рану, от которой тот вскоре скончался. Родители умершего мальчика, возмущенные произошедшим, обратились к властям, и дело принял к рассмотрению Ока Этидзэн-но kami, слышавший великим законником в те времена. Этот судья в духе Соломона решил, что одинаково виноваты и маленький арестант, и Коконэ. Он сказал, что мальчик на самом деле совершил убийство, а кормилица является его соучастницей, поскольку не смогла в полном объеме исполнить свои обязанности. В результате мальчика приговорили (учитывая его нежный возраст) к ссылке в монастырь и воспитании его там как монаха, а несчастная нянька была приговорена к позорной жизни в течение пяти лет в «Море горькой печали» (Ёсивара). Коконэ тут же отправили в Ёсивара, где ее определили в качестве куртизанки в дом Нисидая на Эдотё-иттёмэ. По другой версии, женщина была из семьи жителя Киото и за свое распутное поведение предстала перед судом в Эдо, где была приговорена к пожизненному проживанию в Ёсивара в качестве куртизанки. О том, что она обладала литературным и поэтическим вкусом, свидетельствуют некоторые ее произведения, особенно одно стихотворение, в котором она с большим чувством вспоминает о родных местах, своей ссылке, трех главных обязанностях женщины и пяти препятствиях, мешающих женщине достичь нирваны. Годы шли, и по причине своего возраста Коконэ перестала пользоваться прежней популярностью. Таким образом, в годы Кёхо (1716—1736) нануси и старейшины Эдотё обратились в суд с просьбой о смягчении ее наказания, принимая во внимание возраст, но получили отказ. Услышав это, несчастная женщина исполнилась самой горькой печали и написала стихотворение, которое можно перевести так: «Увы! Я обречена жить так далеко от родительского дома и черпать воду только из бесконечного потока реки Сумида»¹.

¹ Река Сумида протекает через Эдо/Токио. (Примеч. пер.)

По прочтении такого сострадание нануси увеличилось в тысячу раз, и со слезами на глазах он отнес стихотворение чиновникам в бугёсё и опять попросил помиловать писательницу. Глубоко тронутые таким выражением безнадежной тоски, власти были рады продемонстрировать свое милосердие к несчастной куртизанке и удовлетворили второе прошение нануси.

КИНОКУНИЯ БУНДЗАЭМОН (1669—1734)

В эпоху Эмпо (1673—1681) в Эдо по соседству с Накабаси жил человек по имени Бундзаэмон. Он был очень простого происхождения, но благодаря своей природной практичности сумел скопить в сравнительно короткий срок большое состояние, а его экстравагантная манера тратить деньги легла в основу многих удивительных историй, которые можно найти в японской литературе. Правдивого рассказа о жизни Бундзаэмона, скорее всего, так и не было написано, и любая из версий является апокрифом, в большей или меньшей степени приправленным вымыслом. Мы внимательно рассмотрим следующую историю, которая в той же степени правдива, как и любая другая из рассказанных об этом эксцентричном рагвепу (выскочке). Однажды Бундзаэмон приобрел по очень незначительной цене большое количество кабачков, баклажанов и прочих овощей, которые использовались в качестве ритуальных подношений в День поминовения усопших (Сёрёмацури) в 7-м месяце. Все эти овощи он замариновал в смеси соли и рисовых отрубей и хранил, дожидаясь подходящего момента. В тот же год в городе случился опустошительный пожар, что вызвало заметный рост цен на рынке товаров широкого потребления, и Бундзаэмон продал свой запас маринованных овощей с огромной выгодой. С вырученными деньгами он тут же отправился в Кисо, провинция Синано, для закупки строевого леса. Чтобы простые деревенские жители приняли его за богатого и великодушного человека, он нарочито напоказ демонстрировал великую щедрость, раздавая окрестным ребятишкам в качестве игрушек золотые

монеты. План сработал замечательно, и провинцию он покидал владельцем большого участка земли, на котором росло огромное количество отличного строевого леса. Позже в Кисо нахлынули торговцы лесом из Эдо с целью пополнить свои запасы, истощившиеся вследствие бешеного спроса, вызванного пожаром. К своему удивлению и досаде, они обнаружили, что весь подходящий лес уже скуплен хитрым Бундзаэмоном. В таких обстоятельствах они были вынуждены прекратить поиски и вернуться в Эдо и уже там закупать необходимый лес у него по совершенно другой цене. Но Бундзаэмон получал прибыль не только спекулируя лесом, но и заключая контракты на строительство домов для даймё, взамен уничтоженных пожаром. До этого времени он проживал в неприметном углу города со своей престарелой матерью, но сейчас он переродился в короля торговцев и открыл большую фирму на Коамитё, наняв целую армию приказчиков и слуг. Фирма получила название «Кинокуния», и с этого момента хозяин концерна стал известен как Кинокуния Бундзаэмон. Затем он приобрел для себя и своей матери удобный дом на Иссикитё в Фукагава. На основе накопленного капитала богатство Бундзаэмона стало расти как на дрожжах. Один крупный контракт сменял другой. Среди них были и на перестройку храма Гоккудзи (в Коисикава), и на восстановление семейного мавзолея сёгунов Токугава, и пр. После выполнения последнего контракта Бундзаэмон решил по-царски развлечь всех чиновников сёгуната, имевших к этому отношение. Были наняты большие лодки, и чиновники катались по реке Сумида в сопровождении множества популярных артистов, таких как Ханабуса Итё, Накамура Китибэй и Синко. По завершении прогулки вся компания направилась в Ёсивара. На голове каждого мужчины, согласно тогдашней моде, была плетенная из тростника шляпа (амигаса). Бундзаэмону очень нравились песни жанра хандаюбуси, и он даже брал уроки у актера Эдо Хандаю. Последний имел слабость к азартным играм и однажды проиграл все, что имел, включая марионеток и их костюмы, так что, будучи не в состоянии продолжать выступления, оказался на мели. Услышав о несчастье Хандаю, Бундзаэмон дал ему 2000 рё в обмен

на письменное обещание никогда больше не играть. Актер смог выкупить свои куклы и реквизит, чтобы продолжить выступления. В начале того же года Бундзаэмон, по своему обыкновению, посетил Ёсивара в сопровождении толпы профессиональных артистов. Войдя, он осведомился, во что ему обойдется снять весь квартал, закрыть главные ворота и никого более не пускать. Ему ответили, что сумма в 2300 рё (23 000 иен) поможет организовать такое мероприятие, Бундзаэмон тут же согласился. Ворота были закрыты, и он славно повеселился, имея в своем распоряжении всех обитателей квартала.

В 11-м году Гэнроку (1698) Бундзаэмону достался подряд на строительство храма в Уэно, и огромные суммы денег потекли в его карманы. По этому случаю он снова пригласил правительственных чиновников прокатиться с ним по реке Сумида. Для оживления пикника он нанял компанию молодых поэтов и актеров. Они отплыли из Кандагава и высадились на другой стороне реки Сумида, чтобы посетить храм Инари в Мимэгури, затем были организованы фейерверки и пр. Так случилось, что в тот год была большая засуха и, несмотря на молитвы о дожде, ни капли не выпало. Когда Бундзаэмон с гостями посещал храм (Мимэгури-но Ёсиро), один из находящихся там крестьян заметил среди гуляющей компании довольно известного поэта Кикаку и, обращаясь к нему, попросил сочинить стихотворение достаточно трогательное, чтобы Небо смилостивилось и послало на землю дождь, чем принесло бы радость всем на ней живущим. Крестьянин указал на то, что был уже прецедент, когда Оно-но Комати (знаменитая поэтесса (около 850—?). — *Пер.*) с помощью стихотворения удалось убедить богов оказать подобную милость. Искренне отказываясь от способности влиять на стихии, Кикаку все же зашел в храм, помолился и написал следующее стихотворение:

Юдати я
та-о мимэгури-но
ками нараба.

(О, пошли дождь, если ты действительно бог, который покровительствует урожаю, тебе известно состояние полей.)

Это стихотворение он принес в качестве жертвы в храм, и легенда гласит, что Небеса были смягчены, так что очень скоро действительно пошел дождь и вся земля насладилась освежающими ливнями и прохладным бризом. После того как Кикаку совершил это благочестивое и похвальное деяние, вся компания направилась в Ёсивара, и опять силой денег Бундзаэмона ворота веселого квартала были для всех прочих закрыты.

Однажды три богатых человека из Осаки и Киото, желая познакомиться, нанесли Бундзаэмону визит. Тот радушно их принял, предложив им все, что имел в своем распоряжении. В разговоре один из визитеров выразил свою уверенность в том, что любой мужчина может насладиться любовью и расположением куртизанки, если у него есть деньги. Это утверждение оскорбило Бундзаэмона, но он скрыл свои чувства и пообещал следующим вечером пригласить визитеров в Ёсивара. А тем временем отослал четырех своих людей к Оцуя Сансиро в Ёсивара, чтобы они с его помощью наняли всех куртизанок, сняли все чайные дома в квартале и купили все, что может пожелать посетитель. Короче, закрытие Главных ворот (Омон) было произведено тщательнее, чем когда-либо. На следующий день три богатых человека с запада (Японии) в сопровождении Бундзаэмона и его веселой компании прибыли на лодках к Имадобаси и были приняты служителями чайных домов, гейшами, хоканами и прочими, одетыми в наряды, подаренные им Бундзаэмоном с его же гербами на них. Бундзаэмон провел своих гостей по Накано-тё и другим улицам Ёсивара, по обеим сторонам которых, приветствуя его, в большом количестве выстроились куртизанки, синдзо, камуро и другие обитатели квартала. Затем они вошли в чайный дом Оцуя, а оттуда проследовали в агэя под названием Овария, где состоялся банкет. Трое богатеев с запада захотели послать за куртизанками, но, к их великому изумлению, им ответили, что, поскольку все в Ёсивара куплено Бундзаэмоном, для них нет ни единой женщины и ничего съестного. Визитеры стали возмущенно протестовать, указывая на свое богатство и владения, но их слова только сотрясали воздух, и в конце концов вся троица с кислыми минами вынуждена была отправиться восвояси и к тому же пешком,

потому что Бундзаэмон заранее позаботился нанять все лодки, паланкины и другие средства транспорта. Говорят, эти трое были весьма разгневаны шуткой, которую сыграл с ними Бундзаэмон, и собирались с ним поквитаться. Похоже, однако, им не удалось выработать подходящий план, и в конечном итоге они, «поджав хвосты», ускользнули домой.

Хотя Бундзаэмон ухитрялся три раза запирать главные ворота, это еще не все, что он сделал. Существует множество интереснейших рассказов о необыкновенной жизни этого необыкновенного человека и о его проказах. Например, утверждается, что время от времени он расшвыривал вокруг себя золотые монеты, с тем чтобы присутствующие их подбирали. На этот счет есть любопытная история о том, как он соревновался с другим богачом по имени Нарамо (Нарая Мондзаэмон) в щедрости и распутстве. Существует также легенда о великолепном банкете, устроенном Бундзаэмоном на Накано-тё по случаю Праздника любования снегом.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ИМЕЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ПУБЛИЧНЫМ ДОМАМ¹

Предписание № 40. Издано столичным полицейским управлением, Токио, 7 июля 1896 года (Мэйдзи 29 нэн 7 гацу 7 ка).

Предписание № 12 содержит инструкции касательно присмотра за публичными домами (касидзасики), чайными домами (хикитэдзая) и куртизанками (сёги). Издано столичным полицейским управлением в марте 1889 года (Мэйдзи 22 нэн 3 гацу), с внесенными поправками и изменениями надлежит к исполнению в Ниситамагори, Ми-намитамагори и Китатамагори, и, если положения данного уведомления вступают в конфликт с предыдущими уведомлениями, последние теряют юридическую силу с момента вступления в силу настоящих инструкций.

¹ Последние законодательные акты см. в приложении.

ИНСТРУКЦИИ ПО ПРИСМОТРУ
ЗА ПУБЛИЧНЫМИ, ЧАЙНЫМИ ДОМАМИ
И КУРТИЗАНКАМИ

I

ПУБЛИЧНЫЕ И ЧАЙНЫЕ ДОМА

Пункт 1. Деятельность публичных домов или хикитэдзяя может проходить только в местах, утвержденных столичным полицейским управлением, и ни одно новое заведение не может быть открыто за пределами юакау (место, выделенное для домов проституток).

Пункт 2. Лица, желающие открыть публичный дом (касидзасики) или хикитэдзяя, должны направить прошение об этом в столичное полицейское управление через соответствующий полицейский участок и получить лицензию, те же формальности должны быть соблюдены при желании сменить местоположение предприятия. Промшение должно содержать следующие детали:

- а) место регистрации, положение или ранг, место жительства, фамилия и имя, возраст;
- б) название касидзасики или хикитэдзяя;
- в) местоположение заведения;
- г) рисунок (план?) строения, в котором будет вестись дело. (Должно быть указано расположение и размер комнат, ширина, количество и расположение лестниц.)

Пункт 3. Если предлагается возвести строение, которое будет использоваться как касидзасики или хикитэдзяя и его высота будет превышать три этажа, прошение с приложением подробного плана и описания должно быть направлено в столичное полицейское управление через соответствующий полицейский участок для получения разрешения на проведение работ. Если высота строения не превышает два этажа, то к информации, подаваемой в полицейское управление, должен быть приложен только рисунок согласно установленному порядку. При перестройке или ремонте должны быть соблюдены те же формальности.

Каждое строение (с площадью помещений до 30 цубо — 99 м), используемое под касидзасики или хикитэдзяя, должно иметь не менее двух лестниц шириной 4 фута (121,92 см),

и по одной лестнице должно быть добавлено на каждые следующие 30 цубо.

Пункт 4. После получения разрешения, указанного в пункте 3, и завершения строительства необходимо известить соответствующий полицейский участок на предмет освидетельствования готового строения. Без санкции полицейских властей использование строения запрещено.

Пункт 5. Если владелец касидзасики или хикитэдзя нарушит данные инструкции и тем самым создаст угрозу общественной безопасности, нарушит общественную мораль и сложившийся порядок или передаст свое имя (торговую марку) другим, лицензия изымается и дело закрывается.

Пункт 6. Если владелец касидзасики или хикитэдзя без уважительной причины не открывает дело в течение трех месяцев со дня получения лицензии или прекращает свою деятельность на период, превышающий один год, выданная лицензия аннулируется.

Пункт 7. Двум и более касидзасики или хикитэдзя не позволяется вести дело на основе партнерства.

Пункт 8. Если происходят перемены в регистрации, положении, ранге, месте жительства или имени владельца касидзасики или хикитэдзя, когда меняется название заведения, когда меняется опекун или когда дело закрывается или, наоборот, открывается новое, столичное полицейское управление должно быть в обязательном порядке уведомлено через соответствующий полицейский участок в течение трех дней со дня наступления изменений.

Пункт 9. Когда лицензия запрашивается через опекуна или когда происходит смена опекуна, должен быть приложен сертификат статуса опекуна с печатью и подписью главы города, деревни или района.

Пункт 10. Владельцы касидзасики и хикитэдзя обязаны выставлять перед своими заведениями соответствующие вывески, на которых должно быть четко написаны их имена и названия заведений, а в ночное время должен выставляться фонарь с характерной надписью.

	Название заведения
Публичный дом	
или хикитэдзя	
	Имя владельца

Пункт 11. Владельцы касидзасики и хикитэдззя должны подготовить две книги, обозначенные соответственно «А» и «Б». Книга «А» является книгой-квитанций заведения, а в книгу «Б» должно подробно заносить имя, место жительства, профессию, возраст, внешний облик и одежду каждого посетителя. Открытие каждой новой книги должно быть заверено печатью соответствующего полицейского участка. По окончании книги должны сохраняться в течение пяти лет. Буде такие книги повреждены, уничтожены или утеряны, соответствующий полицейский участок должен быть извещен в течение трех дней.

Пункт 12. Если владелец касидзасики или хикитэдззя нанимает или увольняет работников, имена этих работников вместе со сведениями о месте жительства, регистрации и возрасте должны быть подробно записаны и представлены в соответствующий полицейский участок в течение трех дней.

Пункт 13. Если в процессе ведения дела владельцам касидзасики или хикитэдззя понадобятся помощники, ими могут стать только лица, имеющие «трудовую книжку», упомянутую в пункте 43.

Пункт 14. Если владельцы касидзасики или хикитэдззя предоставляют кров женщинам, соответствующий полицейский участок должен быть уведомлен в 24 часа.

Пункт 15. Владельцы касидзасики или хикитэдззя должны соблюдать следующие условия:

а) незаказанные напитки и закуски не должны выставляться на стол или навязываться гостям. Гости не должны принуждаться к заказу напитков и закусок против своей воли;

б) прохожие не должны зазываться внутрь развлечься. Владельцы заведений не должны вступать в сговор с рикшами на предмет заманивания посетителей. Посетители не должны зазываться в заведения публичной рекламой и т. д.;

в) учащимся, носящим значки своих школ, и юношам моложе 16 заходить внутрь заведений запрещается;

г) если кто-то захочет увидеться с гостем заведения, то ему (или ей) в такой просьбе нельзя отказывать. Скрывать присутствие того или иного гостя в заведении запрещается;

д) если в качестве гарантии оплаты счета в залог берутся какие-либо вещи гостя, гость должен быть сопровожден в

соответствующий полицейский участок для получения разрешения полицейских властей.

Пункт 16. Если полицейский участок отдает специальные приказы, касающиеся деятельности касидзасики и хикитэдзая, владельцы последних должны им подчиняться.

Пункт 17. Относительно деяний, совершенных в процессе функционирования заведения, даже если их совершили члены семей или лица наемного труда, ответственность лежит на владельцах касидзасики и хикитэдзая.

Пункт 18. Для получения разрешения на высаживание цветущих деревьев, организацию выступлений танцоров или буффонов, развеску фонарей (торо) и другие действия на улицах необходимо подать подробное прошение в соответствующий полицейский участок. Следует иметь в виду: ни одно из этих действий не будет разрешено за пределами юаку.

Пункт 19. Владельцы касидзасики и хикитэдзая не должны позволять ярко наряженным куртизанкам показываться на глаза прохожим на улицах за пределами юаку.

Пункт 20. Работая с куртизанками, владельцы касидзасики и хикитэдзая должны вежливо вести себя с девушками, делать все, что в их силах, чтобы способствовать их исправлению, наставлять их на путь истинный и не позволять им безрассудно тратить деньги.

Пункт 21. Владельцы касидзасики должны следить, чтобы куртизанки не нарушали инструкции, касающиеся медицинского осмотра. В случае болезни женщины необходимо немедленно предоставить ей медицинскую консультацию и лечение.

Пункт 22. Владельцы касидзасики должны в месте доступном всем куртизанкам вывесить экземпляр инструкции с иероглифами, подписанными хираганой¹ (то есть очень простым способом, с тем чтобы даже неграмотные женщины смогли это прочесть. — *Авт.*)

Пункт 23. В случае нарушения куртизанкой данных инструкций информация об этом должна быть передана в соответствующий полицейский участок. Владелец касидзасики

¹ Имеется в виду, что справа от иероглифа фонетической азбукой — хирагана подписывалось его звучание, то есть нечто вроде транскрипции. В Японии такой прием используется до сих пор, например в детской или учебной литературе, и называется фуригана. (*Примеч. пер.*)

не должен пытаться разобраться в проступке частным порядком.

Пункт 24. Если куртизанка захочет перейти в другой публичный дом, оставить профессию проститутки, отдохнуть некоторое время или посетить какое-либо место за пределами квартала, владельцы касидзасики не должны чинить им препятствия без разумных и веских причин.

Пункт 25. Всякий раз, когда куртизанка сбегаёт или возвращается, владелец касидзасики должен немедленно известить соответствующий полицейский участок.

Пункт 26. Владельцам хикитэдзэя запрещено предоставлять кров гостям, куртизанкам или певицам (гейшам) в своих заведениях.

Пункт 27. Владельцы касидзасики, хикитэдзэя и куртизанки должны организоваться в гильдии по месту своей деятельности, разработать правила и инструкции и получить на то разрешение в столичном полицейском управлении через соответствующий полицейский участок. Те же формальности должны быть соблюдены при исправлении или изменении правил.

Пункт 28. Гильдии должны выбрать своих исполнительных директоров и их заместителей и затем получить одобрение в столичном полицейском управлении через соответствующий полицейский участок. Если предложенные кандидатуры покажутся властям неподходящими, назначаются другие или специальные выборы.

Пункт 29. Претендовать на пост исполнительного директора или его заместителя могут только мужчины не моложе 25 лет, которые не менее двух лет до этого держали касидзасики или хикитэдзэя в этом районе.

Пункт 30. Срок пребывания на посту исполнительного директора гильдии составляет два года, но по истечении этого срока он может быть переизбран.

Пункт 31. Когда в инструкции, касающейся касидзасики, хикитэдзэя и куртизанок, вносятся исправления и изменения или когда приходят (из полиции) новые инструкции, главы гильдий должны надлежащим образом уведомить об этом членов своих гильдий.

Пункт 32. Исполнительные директора гильдий должны заверять своими печатями все прошения и извещения, ис-

ходящие от владельцев касидзасики, хикитэдзя и куртизанок.

Пункт 33. Кроме указанных в инструкциях обязанностей, могут возникнуть и другие вопросы, требующие вмешательства глав гильдий.

II

КУРТИЗАНКИ

Пункт 34. Заниматься профессией куртизанки дозволено только в касидзасики.

Пункт 35. Женщина, желающая стать куртизанкой, должна направить письменное прошение в соответствующий полицейский участок. В прошении должны быть указаны следующие данные, причем ни одна женщина моложе 16 лицензию получить не может:

1. Документ о согласии, заверенный подписью и печатью отца или матери просительницы или ее ближайшего родственника, если она сирота. В документе должен быть указан срок службы и размер ссуды.

2. Свидетельство о регистрации из городской или сельской управы (имя, возраст, место рождения, место жительства), а также сертификат подлинности печати отца, матери или родственника.

3. Послужной список просительницы.

4. Договор с владельцем касидзасики, где она находится.

5. Причины желания стать куртизанкой.

6. Присвоенное имя и размер оплаты.

7. Условия найма просительницы.

8. Справка о здоровье от медицинского инспектора.

Пункт 36. Куртизанка должна проживать в касидзасики. Если куртизанка хочет сменить дом, она должна обратиться с прошением в соответствующий полицейский участок и получить разрешение. Промшение должно быть подписано владельцами обоих касидзасики. К прошению должны быть приложены документы, указанные в параграфах 4, 6 и 7 пункта 35. Если дом, куда отправляется куртизанка, находится в зоне юрисдикции другого полицейского участка, проше-

ние должно быть направлено через прежний полицейский участок.

Пункт 37. Если в регистрации, положении, имени, профессиональном имени или размере оплаты куртизанки происходят изменения, если она уходит из жизни, временно прекращает или начинает заниматься своей профессией, соответствующий полицейский участок должен быть уведомлен в течение трех дней.

Пункт 38. При найме или увольнении куртизанки или другого работника должно быть сделано уведомление согласно пункту 12.

Пункт 39. Если куртизанки получают специальные указания полицейского участка, связанного с надзором за их профессией, исполнение их обязательно.

Пункт 40. Куртизанки должны проходить медицинское обследование в соответствии со специальными нормами и правилами.

Пункт 41. Куртизанки не должны покидать свои касидзасики, кроме случаев необходимости посещения могилы отца или матери, ухода за дедами, отцами, матерями, дядями, тетями, братьями, а также по случаям торжественных или траурных церемоний, связанных с этими родственниками. Однако в границах квартала они могут находиться за пределами домов сколь угодно долгое время.

Для выхода за границы юаку они должны через владельца своего касидзасики получить разрешение исполнительного директора гильдии, должны быть одеты в обычное женское платье и иметь сопровождающего из работников своего дома.

Пункт 42. Если при обстоятельствах, изложенных в пункте 41, возникнет необходимость заночевать за пределами юаку или в случае заболевания, отличного от перечисленных в пункте 2 инструкций, связанных с медицинским освидетельствованием проституток, требующего лечения за пределами юаку, соответствующий полицейский участок должен быть извещен надлежащим образом и получено его разрешение. Подобное извещение должно быть подписано куртизанкой и владельцем касидзасики, а в случае болезни должна быть приложена справка от врача.

III

РАБОТНИКИ

Пункт 43. Лица, желающие наняться в касидзасики или хикитэдззя, должны подготовить «трудовую книжку» требуемой формы и заверить ее разрешительной печатью полицейского участка, под юрисдикцией которого находятся конкретные касидзасики или хикитэдззя.

Пункт 44. В «трудовой книжке» должны быть отражены такие сведения, как регистрация, положение, ранг, место жительства, имя, имя нанимателя, дата поступления на работу и увольнения, срок службы, подвергался ли владелец «книжки» наказанию со стороны властей, как часто и за что.

Пункт 45. При любых изменениях в данных, приведенных в пункте 44 (за исключением наказаний, налагаемых полицейскими властями), владелец книжки должен их внести и заверить печатью в полицейском участке, под юрисдикцией которого находятся конкретные касидзасики или хикитэдззя.

Пункт 46. В случае утери или порчи «трудовой книжки» владелец должен в течение трех дней известить полицейский участок, под юрисдикцией которого находятся конкретные касидзасики или хикитэдззя, об обстоятельствах и предоставить новую «книжку» для заверения ее печатью.

Пункт 47. При прекращении работы в касидзасики или хикитэдззя работник (или работница) должен обратиться в полицейский участок, где заверяли его «трудовую книжку», для отмены действия разрешительной печати.

Пункт 48. Если лицо нарушает данные инструкции или совершает действия, выходящие за рамки его обязанностей, действие разрешительной печати может быть приостановлено.

Пункт 49. При исполнении своих обязанностей работники касидзасики и хикитэдззя должны придерживаться пунктов 15, 20 и 22 данных инструкций.

IV

НОРМЫ, СНАБЖЕННЫЕ УГОЛОВНОЙ САНКЦИЕЙ

Пункт 50. Лица, нарушившие пункты с 2-го по 4-й, 7-й и 8-й, с 10-го по 16-й, с 18-го по 26-й, 31-й, с 36-го по 43-й, с 45-го по 47-й и 49-й, наказываются заключением сроком не менее одного дня и не более десяти или штрафом не менее 5 сенов и не более 1 иены и 99 сенов.

Помимо этого, существует множество подробных инструкций, контролирующих это социальное зло, среди которых можно отметить

Предписание Департамента полиции № 22 относительно медицинского осмотра проституток (издано в марте 1894);

Инструкция Департамента полиции № 18а, предписывающая методы медицинского осмотра проституток. Эта инструкция для врачей, и к ней прилагаются формы составления заключений (издана в апреле 1894);

Инструкция Департамента полиции № 38а. Инструкция по практическому приведению в жизнь указаний, касающихся чайных домиков для знакомств (хикитэдзяя), публичных домов (касидзасики) и проституток (сёги). Прилагаются формы докладов, регистрационных книг и т. п. (издана в ноябре 1896).

Инструкция Департамента полиции № 42а для полицейских участков, в чью юрисдикцию входят кварталы публичных домов.

Инструкция требует:

1. В полицию предоставляется информация о посетителях, подходящих под описание подозрительных лиц, распространенное полицией и снабженное рисунком.

2. В полицию предоставляется информация о лицах, располагающих денежными средствами и ценностями, не соответствующими их положению, или бездумно тратящих деньги.

3. В полицию предоставляется информация о лицах, имеющих мечи, огнестрельное или любое другое оружие и чье поведение кажется подозрительным.

4. В полицию предоставляется информация о лицах, непрерывно находящихся в публичных домах более трех дней.

5. В полицию предоставляется информация о лицах, передающих куртизанкам деньги или имущество (издана в декабре 1896).

Инструкция Департамента полиции № 43а для полицейских участков, в чью юрисдикцию входят кварталы публичных домов. Содержит семь пунктов касательно позиции Департамента в отношении гильдий владельцев касидзасики, хикитэдзэя и сёги (издана в декабре 1896).

Существует также множество детальных постановлений, призванных обеспечить защиту женщин. Из них можно привести следующее.

Закон запрещает владельцам публичных домов требовать денежных компенсаций или без веской причины чинить препятствия женщинам, пожелавшим встать на путь исправления. Ни по закону, ни по контракту владелец не может жестоко и несправедливо относиться к женщинам. Если же подобное совершается, женщины должны обратиться к патрульному полицейскому или в полицейский участок.

Конечно, законы справедливы до тех пор, пока они строго выполняются, но нет нужды говорить о том, что обитатели публичных домов в Японии полностью зависят от воли их владельцев. Даже если к девушкам относятся хорошо, все равно они находятся в положении рабов, прикованных к веслам на галерах. Здесь их держит не закон, а традиция. Именно традиция привела в эти дьявольские заведения множество невинных жертв. Традиция, облагораживающая беспутных отцов и грубых братьев, превращающаяся тем самым, по сути, в некие высшие существа, ради которых возможны любые формы самопожертвования, даже потеря девственности. Жертвенность женщины во благо своих родственников оправдывает все в глазах низших и невежественных слоев населения. И единственным средством повлиять на таких отцов, матерей и братьев является порка последних в каждом конкретном случае. А еще лучше передать их в руки специалиста с плетью-девятихвосткой до тех пор, пока они не попросят пощады. Усилия японского правительства по искоренению этого позорного рабства были достаточно энергичны, но традиция — закон дураков — была слишком сильна. Инструкции сплошь и рядом негласно нарушались в основном благодаря наличию яростной оппозиции рефор-

мам в лице паразитирующих иждивенцев, прилепившихся к веселым кварталам и, ведя нескучный образ жизни, извлекающих средства к существованию из заработков незащищенных женщин. Позиция правительства ясно следует из предписаний и законодательных актов, но ни одно правительство не сможет искоренить зло, если его не поддержит народ. К сожалению, в настоящее время мало кто разумно подходит к разрешению данной проблемы.

В Уголовном кодексе, обнародованном в июле 1880, в пункте 425 говорится о тюремном заключении сроком от трех до десяти дней или штрафе от 1 иены до 1 иены 95 сенов за занятие скрытой проституцией или предоставление помещений для этого.

Чтобы дать читателю возможность оценить суровость отношения правительства к проблеме, приведем воззвание Оока Этидзэн-но kami¹ от 16-го дня 8-го месяца 7-го года Кёхо (26 сентября 1722).

Несмотря на то что скрытая проституция запрещена в пределах города, имеют место случаи дерзкого нарушения данного запрета. Настоящим предписывается следующее отношение ко всем случаям выявленной скрытой проституции:

1. Лицо, дающее приют нелегальным проституткам, должно передать государству свой земельный участок, мебель, дом и прочее имущество, а женщины, занимающиеся подобным промыслом, должны быть лишены всего своего имущества и заключены в кандалы сроком на 100 дней в месте заключения, обозначенном властями данного околотка, с ежедневными визитами должностного лица, проверяющего печать на кандалах.

2. Хозяин участка и дома, где зафиксированы случаи нелегальной проституции, должен содержаться в таких же условиях, даже если не проживал в указанном месте, он должен быть лишен всего своего имущества и заключен в кандалы сроком на 100 дней в месте заключения, обозначенном властями данного околотка с ежедневными визитами должностного лица, проверяющего печать на кандалах.

¹ Полулегендарный градоначальник Эдо по имени Оока Тадасукэ (1677—1752), также известный как Этидзэн но Ками. (*Примеч. пер.*)

В течение трех дней с этого момента уполномоченные чиновники и власти Ёсивара должны провести розыск лиц, занимающихся нелегальной проституцией, и при обнаружении оных те должны быть подвергнуты наказанию, приведенному выше.

Лица, дающие приют нарушителям, могут быть приговорены к ссылке или смертной казни, а жители околотка, имеющие к этому отношение, могут понести наказание согласно вышеизложенному. Примите это к сведению и донесите до всего населения города.

В 1875 году Департамент полиции снова издал указание от 27 января за № 23, гласившее:

лица, занимающиеся нелегальной проституцией, и лица, предоставляющие для этого свои дома, должны наказываться следующим образом:

Преступник или Соучастник	Первое нарушение	Штраф, не превышающий 10 иен, или 2,5 месяца тюремного заключения
	Второе нарушение	Штраф, не превышающий 20 иен, или 5 месяцев тюремного заключения
Владелец дома	Первое нарушение	Штраф, не превышающий 15 иен, или 3 месяца тюремного заключения.
	Второе нарушение	Штраф, не превышающий 50 иен, или 6 месяцев тюремного заключения

ОБРАЗЦЫ КОНТРАКТОВ МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМИ ДОМАМИ И КУРТИЗАНКАМИ

Ниже приводится текст (перевод) реального договора, расторгнутого по взаимному согласию.

МЕМОРАНДУМ О СОГЛАСИИ

90 иен. Приносящий проценты в размере 1% (одного процента) в месяц.

Принимая во внимание вышеизложенное и в связи с невыносимыми обстоятельствами я согласна, с разрешения моих родственников, исполнять обязанности куртизанки

в вашем заведении. В этой связи я заняла у вас вышеупомянутую сумму, что подтверждаю распиской. Сумма займа будет выплачена из моих заработков. Далее я соглашаюсь со следующими пунктами данного договора.

1. Оплата моих услуг по обслуживанию каждого гостя устанавливается в размере 25 сенов, из которых 12,5 сена принадлежат мне, 3 сена идут на мои карманные расходы, а 9,5 сена отходят на обслуживание и покрытие моего долга. Вы, со своей стороны, должны при окончательном подсчете вычитать данную сумму из моего дневного заработка.

2. Если я буду делать отдельные займы в период моей службы, эти деньги должны быть немедленно вычтены из моих заработков в текущем месяце, и эти займы должны быть отделены и не иметь никакой связи с основным займом, означенным в данном договоре.

3. Поскольку оплата моего пребывания в больнице осуществляется мною, вы должны удерживать соответствующую сумму из моего текущего месячного заработка. Эти затраты не должны иметь никакой связи с основным займом, означенным в данном договоре.

4. Если я по каким-либо причинам не смогу оплачивать авансированные суммы или затраты на пребывание в больнице, возникшие в текущем месяце, пожалуйста, прибавьте эту сумму к основному займу и подсчитайте согласно пункту 1.

5. Имущество, необходимое мне для исполнения профессии, является залогом в счет моего долга, и поэтому я не могу его перемещать, закладывать или продавать другим лицам.

6. Срок действия контракта установлен с 20 декабря 1895 по 9 октября 1900. В течение этого срока я обязуюсь выполнять свои обязанности в вашем заведении, но, если я захочу оставить профессию или перебраться в другое заведение до окончания контракта, я обязуюсь полностью выплатить сумму займа с процентами.

7. Если я заболею и не смогу исполнять свои обязанности, я должна обратиться к врачу и подчиниться его решению. Я обещаю не отлынивать от работы и не оставлять профессию на основании только личных капризов.

8. При окончании срока действия контракта должны быть произведены подсчеты всех сумм, которые я задолжала в результате чрезвычайных займов в связи с помещением в

больницу, временным прекращением работы и т. д. или в связи с моим побегом или другими случаями нелояльного поведения. Я, со своей стороны, обязуюсь выплатить всю необходимую сумму в день окончания моего контракта.

9. По окончании действия моего контракта или моей болезни, приведшей к недееспособности или смерти, я должна быть передана в руки моего поручителя, который, в свою очередь, не должен создавать вам проблемы или причинять беспокойство.

10. Если при обстоятельствах, изложенных в пункте 9, вся сумма долга не может быть выплачена немедленно, находящееся у вас в залоге имущество должно быть продано в присутствии моего поручителя, а вырученная сумма пойти на погашение моего долга.

11. Если я нарушу контракт в пунктах 6, 7 или 8 или если я скроюсь и не вернусь в течение 30 дней, заложенное имущество должно быть продано, а вырученная сумма пойти на погашение моего долга. Если этой суммы все-таки не хватит, ответственными за погашение долга становятся лица, совместно подписавшие данный контракт. Если кто-то из этих лиц окажется несостоятельным, ответственность ложится на остальных.

Договор заключен на вышеизложенных условиях.

20 декабря 1895.

Заемщик	(подпись)	печать
---------	-----------	--------

Поручитель	(подпись)	печать
------------	-----------	--------

(адрес)

Г-ну Нисимура Эцуносукэ

Владельцу публичного дома

Я заверяю вышеприведенный контракт.

(подписано)	Сунага Ёнэдзо	печать
-------------	---------------	--------

Вице-суперинтендант публичных и чайных домов, а также куртизанок Сусаки

№ 453

Приведенный ниже документ является типовой формой контракта и служит в качестве иллюстрации. Такие контракты применялись в публичном доме Дзимпуро (широко известно как № 9) в Канагава.

МЕМОРАНДУМ О ДОГОВОРЕ

Касается денежного займа

Иен — четыреста.

При условии, что проценты будут начисляться в соответствии с правилами, предписанными правительством.

Принимая во внимание вышеизложенное, я сообщаю, что, не имея средств существования и исполняя обязанности куртизанки с официального разрешения, я взяла у вас в долг вышеозначенную сумму и согласна со следующими пунктами договора:

1. Я буду строго придерживаться правил, предписанных куртизанкам.

2. Я начну исполнять свои обязанностигод.....месяц.....день периода Мэйдзи и буду продолжать догод.....месяц.....день периода Мэйдзи и по окончании трехлетнего срока незамедлительно верну свою лицензию государству. Также я понимаю, что, если в течение срока договора я окажусь в венерологической лечебнице, количество проведенных там дней должно быть письменно зафиксировано и должна буду обратиться к официальным властям с просьбой о продлении срока действия моей лицензии на это количество дней. Если я не успею выплатить свой долг за период действия моей лицензии, я заключу отдельный договор, касающийся этого вопроса.

3. Я обязуюсь постепенно выплачивать долг из своих заработков куртизанки и, пока долг не будет полностью выплачен, обязуюсь работать честно и усердно. Я не буду отлынивать от работы без уважительной причины и не сделаю ничего, что смогло бы помешать или нанести ущерб вашему делу.

4. Налог, налагаемый на проституток, я буду оплачивать из своих денег.

5. Я обязуюсь делить свои доходы на две части, одну из которых я буду отдавать вам в качестве платы за наем помещения и прочие затраты. Из оставшейся половины я буду отчислять 15% в счет погашения долга, оставшиеся деньги (35%) поступают в мое распоряжение. Также я понимаю,

что, согласившись делить деньги, как указано выше, в случае если мои заработки будут недостаточными, чтобы оплачивать проживание, я не буду должна платить недостающую часть из второй половины.

6. Суммы, поступающие в счет погашения долга, должны подсчитываться два раза в месяц, для чего и хозяин заведения и куртизанка должны вести специальные книги, куда будут заноситься все поступления при взаимном согласии сторон, а в конце каждого месяца записи должны заверяться печатями сторон в их присутствии. Одежда, которая используется в профессиональной деятельности, и другие личные вещи, согласно отдельному списку, являются залогом погашения вышеозначенного долга.

7. Если владелец публичного дома сочтет пришедшего гостя неплатежеспособным и откажет такому гостю в обслуживании, я не буду иметь претензий, но исполню его (ее) желание.

8. Если в течение срока действия договора я совершу побег, заболею или пожелаю прекратить занятие данной профессией и сменить место жительства при определенных обстоятельствах, но не буду в состоянии выплатить сумму долга, я не предприму ничего до тех пор, пока мой поручитель не выплатит недостающую часть суммы.

9. Любые другие денежные заимствования могут быть произведены по договоренности сторон и не должны иметь отношения к настоящему договору. Тем не менее я понимаю, что, если я не смогу оплатить помещение и прочие расходы, находясь в венерологической лечебнице, они будут прибавлены к сумме основного долга.

10. Принимая во внимание необходимость ежемесячного подсчета баланса, как указано выше (пункт 6), и с тем, чтобы при этом не возникало споров и разногласий, книги денежных поступлений должны быть представлены на рассмотрение управляющего «трех профессий», который должен после проверки заверить записи своей печатью.

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, прикладываем свои печати вместе с поручителями, с тем чтобы в дальнейшем не произошло нарушения настоящего договора.

ДЖОЗЕФ ДЕ БЕКЕР

Мэйдзи.....год.....месяц.....день
Заемщик..... М. П.
Поручитель (отец) М. П.
Адрес
Поручитель (мать) М. П.
Адрес

Хозяйке публичного дома

При сем подтверждаю, что настоящий документ составлен правильно.

Канагава Татибана-гори,

Канагава эки,

(подпись)

Симадзаки Кюдзиро (печать)
Управляющий «трех профессий»¹

МЕДИЦИНСКИЙ АСПЕКТ²

Согласно докладу об исследованиях на предмет венерических заболеваний, составленному доктором Такаи Хаяо в 1892 и опубликованному в № 4 «Медицинского ежемесячника» от того же года, процент инфицированных в шести веселых кварталах Токио в 1891 году был следующий:

Син-Ёсивара	1,67	Сэндзи	1,35
Сусаки	1,88	Синдзику	1,99
Синагава	1,47	Итабаси	1,98

То есть 1,67509 на 100 женщин.

В префектуре Канагава (куда относились кварталы проституток Йокогамы и Ёкосуки) среди 2634 женщин средний процент заболеваемости на 1898 год официально отмечался на уровне 2,771. Такие низкие цифры должны восприни-

¹ Содержание публичных и чайных домов и проституция.

² См. приложения: «Правила работы госпиталя».

маться с большим подозрением, поскольку они не только заметно отличаются от аналогичной статистики в других странах, но и были признаны полностью нереальными в ходе последних статистических исследований госпиталя Ёсивара. В марте 1899 года процент его пациентов в Ёсивара поднялся до 6,5%, и это больше похоже на правду. Любопытно, что в работе доктора Оскара Комменжа (*Recherches sur les Maladies vénériennes a Paris, dans leur Rapports avec la Prostitution réglementaire de 1878 à 1887*) процент проституток (с билетами), страдающих только от сифилиса, оценивается в 7,3%, а зарегистрированных в публичных домах доходит до 12%. Перед лицом таких цифр японские статистические данные не кажутся правдоподобными, тем более предположив, что они охватывают все венерические заболевания. Возможно, это произошло вследствие поверхностности медицинского освидетельствования.

В то же время нельзя забывать, что обследование проституток в обособленных кварталах дает совершенно другие цифры, поскольку такая система обеспечивает больший контроль над лицензированными женщинами.

Согласно записям больницы общего профиля в Йокогаме (за 1868), количество излеченных случаев сифилиса заметно снизилось с введением существующей системы медицинских осмотров и контроля. Однако европейские медики утверждают, что было бы ошибкой считать, что форма сифилиса, распространенная в Японии, более заразна и протекает тяжелее. Просто у японцев ход болезни мягче и трудные случаи достаточно редки. Возможно, у относительно чистокровных европейцев болезнь и протекает тяжелее, но даже иностранцы поддаются лечению, так же как в Европе и Америке.

Многие японские доктора подтверждают, что с введением медицинских осмотров и насильственной госпитализации относительно тяжелые формы сифилиса стали встречаться реже. Во времена, предшествующие эпохе Мэйдзи (настоящее время), встретить человека с провалившимся носом было обычным делом, однако сейчас это почти невозможно.

Несмотря на существование множества различных точек зрения на проблему, японские медики единодушно считают

государственную проституцию печальным, но необходимым явлением. Они утверждают, что существующая система является предохранительным клапаном для общества, а репрессивные меры породят рост случаев изнасилования, соблазнения, адюльтера, противоестественного секса и незаконной проституции¹ и что уклонение от медицинских осмотров, несомненно, приведет к увеличению количества и тяжести венерических заболеваний.

Одним из самых больших недостатков системы является разрешение обычая маваси, при котором женщина принимает сразу нескольких гостей и всю ночь поочередно переходит от одного к другому. Предполагается, что после каждого полового контакта женщины моются, чтобы избежать распространения заболеваний, но на деле, если эта процедура не проведена со всей возможной тщательностью, нет никаких сомнений, что в результате отвратительной практики обслуживания нескольких мужчин одновременно инфекция будет занесена. Особые неудобства гигиена доставляет женщинам летом. В результате частого мытья кожа становится склонной к воспалению. Кроме того, лучшим антисептиком является йодоформ, но его запах не нравится гостям, и это препятствует его правильному применению.

Доктора, имеющие дело только с женщинами, рекомендуют смотрительницам осматривать мужчин, заходящих в публичные дома, с тем чтобы не допустить внутрь больных, однако допускают, что подобный осмотр не может служить гарантией и что определенные заболевания могут остаться незамеченными. Хозяева публичных домов, со своей стороны, считают, что подобная практика отпугнет клиентов и станет почвой для развития нелегальной проституции, а кроме того, дополнительные медицинские услуги заметно увеличат их издержки.

Также среди обитателей Ёсивара наблюдается множество случаев сердечных заболеваний, бери-бери, диспепсии, истерии, а также туберкулеза.

¹ Такая проституция получила особенно большое развитие в префектурах Гумма и Вакаяма после закрытия лицензированных публичных домов.

ГЕЙШИ

Результаты медицинского обследования в Син-Ёсивара,
1898

Месяц	Количество осмотров	Количество инфицированных	Пропорция на 100	Количество обслуженных клиентов
Январь	10 590	574	5,42	135 100
Февраль	10 052	585	5,82	98 922
Март	12 224	697	5,70	104 415
Апрель	10 466	633	6,05	121 497
Май	11 568	733	6,33	100 616
Июнь	11 803	684	5,83	101 005
Июль	10 542	600	5,69	108 973
Август	12 268	671	5,47	92 101
Сентябрь	11 153	539	4,83	90 523
Октябрь	10 869	540	4,96	91 486
Ноябрь	11 817	649	5,49	11 784
Декабрь	11 250	597	5,30	81 463
Всего	134 602	7506	5,58	1 237 885

Результаты медицинского обследования в Син-Ёсивара,
январь—апрель 1899

Месяц	Количество осмотров	Количество инфицированных	Пропорция на 100	Количество обслуженных клиентов
Январь	11 545	732	6,34	133 410
Февраль	10 300	665	6,46	89 127
Март	11 648	740	6,35	115 534
Апрель	10 412	699	6,71	131 593
Всего	43 905	2836	6,47	469 664

**СТАТИСТИКА, КАСАЮЩАЯСЯ
СОЦИАЛЬНОГО ЗЛА В ЯПОНИИ,
ЗА 1898 ГОД**

Утверждается, что нижеприведенные цифры получены в результате официального расследования и приводятся для справки. Читатели должны понимать, что проверить все детали практически невозможно, и потому корректность данной информации не гарантируется.

Певицы (взрослые).....	24 261
Певицы (дети)	3537
Женщины, совмещающие профессии	
куртизанки и певицы	513
Служанки в публичных и чайных домах ¹	34 015
Дома гейш.....	6647
Рестораны	29 511
Прочие заведения, посещаемые гейшами.....	5650
Канторы инспекторов.....	364
Куртизанки	40 208
Сводники	1277
Кварталы проституток.....	546
Публичные дома.....	10 172

ЗА И ПРОТИВ

Поскольку автор не преследует никаких корыстных целей, а всего лишь хочет предложить материал для дальнейших исследований вопроса, он посчитал нелишним присовокупить некоторые публикации, появившиеся в «Джапан таймс» в марте 1899 года.

¹ Многие из этих женщин были, вне всякого сомнения, порочными. Представленная статистика весьма и весьма неполна, поскольку в нее не попали нелегальные проститутки Японии. Даже официально заявленное количество гейш и куртизанок является определенно заниженным.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ «ДЖАПАН ТАЙМС»

ВОПРОС ОБЩЕСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ

К издателю «Джапан таймс»

Уважаемый г-н издатель, не могли бы вы любезно предоставить место в вашей газете следующим «фактам». Как долго правительство этой страны будет санкционировать состояние вещей, способствующее закабалению ее женщин? Доколе закон будет считать моральным лишение этих девушек свободы, и насколько легальная проституция будет возможна, настолько же женщин Японии будут принуждать к такого рода самопожертвованию.

Если нация оценивается по тому, в каком положении находятся ее женщины, не пора ли Японии стереть это пятно с ее имени?

На западе Японии проживала вдова с троими детьми — двумя дочерьми и сыном. Старшая дочь, двенадцати лет от роду, была принята в другую семью. Через три года, когда приемный отец умер, приемная мать захотела отказаться от ребенка, но за вознаграждение. Она написала настоящей матери, что готова вернуть девочку за 150 иен, в противном случае угрожая продать ребенка на три года в публичный дом. Запрошенная цена намного превышала возможности несчастной матери, выбивающейся из сил, чтобы прокормить себя и оставшихся детей. И в результате пятнадцатилетняя девочка была продана в публичный дом не на три, а на семь лет, а все вырученные деньги попали в руки приемной матери.

Семь лет прошло, и родная мать уже ждала своего ребенка домой, но вследствие интриг хозяина публичного дома и приемной матери (последняя получала отчисления от ежемесячных заработков девочки) получилось, что бедный ребенок должен еще 300 иен, чтобы получить свободу. Письма этой жертвы мужской похоти и жадности были полны отвращения к образу жизни, который она была вынуждена вести, и мольбами об освобождении. В отчаянии мать отправилась в город, где ее дочь содержалась в рабстве и смогла получить своего ребенка обратно. Десять лет рабства, милее которого была бы смерть, — вот доля этой девочки.

Счастливо освободившись, она сейчас живет честной и благопристойной жизнью, но на этой всего лишь двадцатипятилетней женщине навсегда останется клеймо порока. И где же патриоты? Определенно пришло время поднять голоса и выступить против такого положения вещей.

Ваш

Белая лента.

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ. 3 МАРТА 1899

Вопрос о легальной проституции, как любой другой, имеет две стороны, и никакое решение не может быть вынесено до тех пор, как не будут взвешены все за и против. Мы не претендуем на полное и всестороннее исследование вопроса и не можем дать авторитетное и беспристрастное заключение по нему. Но, насколько можно видеть, для окружающего общества существование системы, которая локализует социальные пороки и осуществляет над ними строгий контроль, все же лучше с точки зрения и морали, и санитарии, чем альтернативная система или вообще отсутствие таковой, что позволило бы пороку гордо шествовать по улицам, на каждом шагу бросаясь в глаза уважаемым дамам и господам, как это происходит во многих христианских городах Европы и Америки. Вполне возможно, что система эффективного контроля не свободна от частных случаев жестокости, несправедливости и не всегда срабатывает четко, как отмечается в опубликованном письме Белой ленты. Но вопрос в том, прекратятся ли случаи подобного обращения с невинными девушками, если существующая система лицензирования проституции будет упразднена. Предположим, что официальные публичные дома исчезли, но не найдет ли жадная до денег приемная мать каких-либо иных способов заработать на невинности несчастной девушки? И будет ли ее судьба счастливее в этом случае? До тех пор, пока на эти вопросы не будут получены бесспорно положительные ответы, высказывания против системы административного контроля порока являясь лишь бесполезной тратой сил реформаторов общества. Лучше бы они направили свою энергию на повышение уровня морали общества в целом.

Уважаемый господин, случай продажи девочки в публичный дом приемной матери, изложенный Белой лентой в сегодняшнем выпуске вашей газеты, определенно не является единственным в этой стране. Японцы твердо убеждены, что большинство девушек, заполняющих публичные дома этой страны, попадают туда отнюдь не по своей воле и содержатся на положении мало чем отличающемся от рабства. Также понятно, что государство закрывает глаза на факты подобных «сделок». Первым и самым важным шагом реформаторов, вне всякого сомнения, было бы, как вы предлагали, повышение уровня морали в обществе. Это и было побудительным мотивом для Белой ленты. Я готов допустить, что, по крайней мере в настоящее время, вопрос о том, является ли государственный контроль наилучшим средством, останется открытым. Но останется другой вопрос: а что делает государство для повышения морального уровня общества? Прилагает ли оно усилия, чтобы случаи, о котором рассказал ваш корреспондент, выглядели в глазах общественности отвратительными, и стремится ли оно сократить количество таких случаев? Разве манера, в которой правительство осуществляет контроль этого порока, наоборот, не поощряет его? Генри Норман в своей книге «Настоящая Япония» достаточно ясно показал нам процедуру, посредством которой девушки получали государственную лицензию на занятие проституцией. Как пишет Генри Норман, «вся система строится на теории контракта» и, если несчастная девушка не желает вести жизнь, к которой ее принудили, и попытается что-либо предпринять, хозяин публичного дома совершенно не обязательно «откажется от владения ею в результате гражданского иска о возвращении долга ее родителям или поручителю». Будет ли смысл, если государство прекратит разрешать занятие проституцией любой девушке? Если полиция строго следит за числом проституток в публичных домах, а обязательное медицинское освидетельствование будет проводиться как прежде? В этом, как мне кажется, и состоит огромное преимущество, превозносимое сторонниками лицензирования порока. Но девушка, вовлеченная или проданная в гнездо позора, должна иметь возможность позже вырваться из этого круга без страха возвращения обратно в рамках граждан-

ского иска против ее родителей или тех, кто вовлек ее в это. Если хозяин публичного дома ссужает кого-то деньгами с целью пополнить свой «запас» проституток, то пусть делает это на свой страх и риск, зная, что у него нет законных оснований на компенсацию в случае побега девушки.

Уважаемый господин, я пишу не для того, чтобы лишь критиковать или пытаться найти виноватого. Всей душой желая, чтобы это ужасное зло было стерто с лица земли, а все мужчины относились к любой женщине как к своей матери или сестре, я понимаю, что этого нельзя достичь быстро. Реформаторы общества, так же как и радетели умеренности, должны воздержаться от крайностей. Но пока мы трудимся над повышением общего морального уровня людей, не могло бы государство делать больше для противостояния злу? Может ли государство ничего не делать, дабы облегчить участь девушек, стремящихся к свободе и чистоте? Разве не может государство помочь девушке укрыться от сладострастных взглядов мужчин, а не отдавать ее в руки негодяя хозяина публичного дома, принуждающего ее часами быть мишенью похотливых взглядов и неприличных высказываний развратников с единственной целью приумножить доход заведения? Разве государство делает все, что может и должно, чтобы девушкам было легче держаться в стороне от такого позорного образа жизни, если они того хотят? И разве в то же время оно усложнило владельцам этих проклятых домов возможность захвата и удерживания бедных девушек? По этим двум пунктам, а именно лицензирование девушек в управлении проституции и разрешение публичной демонстрации обитателей публичных домов, Япония осталась далеко позади других цивилизованных стран. И именно эти два явления более всего шокируют иностранцев. Не могли бы наши газеты, которые имеют такое сильное влияние на общественное мнение страны, делать больше, чем они делают сейчас, для изменения настоящего положения вещей?

Благодарю Вас за любезное предоставление мне места на Ваших страницах. При сем прилагаю свою визитную карточку и остаюсь

8 марта 1899

с уважением, Помощник.

Уважаемый господин, комментируя опубликованную в прошлом выпуске статью «Вопрос общественного значения», редактор заявил, что он не изучал проблему легальной проституции достаточно глубоко и потому не может дать авторитетного заключения, однако этот факт не удержал его от высказывания замечаний, выражающих мысль о том, что он считает существующую систему наилучшей в рамках сложившихся обстоятельств.

Ваш покорный слуга изучал проблему общественного порока и потому просит уделить ему место для следующих комментариев.

Утверждение, что существование сообщества (проституток) при системе государственного лицензирования безопаснее, чем при альтернативной системе (запрете), не подтверждено фактами. Напротив, в провинциях Гумма и Вакаяма, где проституция была запрещена, венерические заболевания перестали быть преобладающими, как в местах, практикующих легальную проституцию. Действительно, процент заболеваний в провинциях и городах, официально разрешающих порок, оказался выше. Это приводит к решению проблемы санитарии, а то, что после запрещения сотни и тысячи бесправных девушек освободились от оков самого омерзительного духовного рабства, решает моральную проблему.

Редактор также говорит об «эффективном контроле», защищая идею о том, что лицензирование действительно помогает локализации и контролированию порока, но это же совершенно не соответствует действительности. Возьмите родной город редактора, Токио например. В 1897 г. там было 6393 проститутки с лицензией и более 2000 гейш, занимавшихся своим ремеслом официально. Но в то же время от 3000 до 5000 женщин занимались тем же нелегально, вне всякого контроля, кроме тех 304, что были арестованы за прелюбодеяние.

С лицензией или без, порок, конечно, будет некоторое время существовать, но это не оправдывает государство в его стремлении сделать его существование легким и безопасным. Несомненно, изначальная идея лицензирования была призвана ограничить, уменьшить и запретить распространение зла за пределы установленных мест, но тщательное ис-

следование показывает, что зло не только не уменьшилось, а на самом деле расплодилось вширь.

То, что некоторые женщины продают свои тела, а жестокие родители — своих дочерей с безнравственными целями, не дает государству права становиться партнером в таких сделках и получать от 30 до 35 иен в год с каждой девушки, как это происходит сейчас. Также ваш покорный слуга не понимает, какую пользу обществу приносят законы, которые принуждают беспомощных девушек подчиняться условиям контракта, составленного другими так, что за попытку покинуть публичный дом тех можно оштрафовать или даже заключить в тюрьму.

Случай, описанный выше, и тысячи таких же по всей нынешней Японии не могли бы произойти ни в Гумма, ни в Вакаяма, ни поблизости от них.

Пытаться улучшить общественную мораль, оставив проблему без изменений, означает лишь напрасно потраченные усилия, и это понимает каждый, кто пытался изменить что-либо в обществе. Государство должно прекратить оказывать поддержку и принять единственно логичное и безопасное для государства решение об абсолютном запрещении порока, тогда у нас появился бы реальный шанс сделать хоть что-нибудь для изменения морального климата в обществе.

А что касается порока, который гордо шествует по улицам многих городов Европы и Америки, то редактор использует свои или чьи-то еще впечатления, убеждая нас в его наличии. Надеюсь, что время, когда благополучие беспомощных невинных девушек будет рассматриваться в той же мере, что и безопасность, и удобство сладострастных мужчин, уже не за горами.

Искренне Ваш

10 марта 1899

Реформатор.

«ДЖАПАН ТАЙМС». РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ.

14 МАРТА 1899

Мы ощущаем определенное нежелание обсуждать вопрос о легальной проституции, потому что он является настолько деликатным по природе и многогранным, чтобы стать пол-

ноценной темой для газетной дискуссии, которая неизбежно будет короткой и неполной и которая в данном случае породит множество неверных интерпретаций и просто непонимание. Тем не менее, уже позволив себе несколько замечаний в связи с недавней перепиской по теме, мы не можем совсем не принять к рассмотрению некоторые из вопросов, поставленных двумя другими нашими корреспондентами, чьи письма напечатаны в соседних колонках.

Помощник пишет: «Японцы твердо убеждены, что большинство девушек, заполняющих публичные дома этой страны, попадают туда отнюдь не по своей воле и содержатся на положении мало чем отличающемся от рабства». Мы можем спросить нашего корреспондента: а так ли отличается положение несчастных девушек аналогичной профессии в других странах от того, что мы видим в этой стране? Если допустить наличие свободной воли в выборе профессии, то отличия начинаются на уровне мотивов, повлиявших на их решения. Если нищета, голод и дурные привычки составляют основание причин, толкающих женщин на аморальный путь в прочих странах, то здесь определяющим мотивом является неправильно понятая идея дочернего долга. В любом случае выбор оказывается свободным или таковым, в каком смысле понимается выражение «свобода воли». Все это вряд ли имеет отношение к проблеме легальной проституции. До тех пор, пока девушки будут готовы вступить на путь позора во имя исполнения извращенно понятого дочернего долга, и до тех пор, пока общество остается прежним, запрещение легальной проституции не покончит с явлением, описанным Белой лентой на примере той девушки.

Однако Помощник не выступает категорически против системы легальной проституции, напротив, он «готов допустить, что, по крайней мере в настоящее время, вопрос о том, является ли государственный контроль наилучшим средством, останется открытым». Но ему не нравится, как действует система, и он жалуется, что правительство не все делает, чтобы препятствовать пороку. Он считает, что ситуацию может улучшить лишение официального одобрения контрактов, которые в настоящее время привязывают проституток к их работодателям, с тем чтобы последние в случаях побега своих работников не могли настаивать на испол-

нении контракта. В этом предложении что-то есть, но мы сильно сомневаемся, не сделает ли это жизнь несчастных девушек еще тяжелее. Предположим, что владелец публичного дома не будет располагать законными средствами воздействия на девушку, сбежавшую из его заведения, тогда он приложит все усилия, чтобы такого не произошло. И что это значит? Это неизбежно приведет к ограничению свободы всех его служащих, которые окажутся в результате на положении галерных рабов. Наш оппонент может сказать: ну отчего же, полиция может ведь вмешаться. Да, может, но в определенной степени, поскольку трудно ожидать, что ее строгость и усердие полностью смогут удержать беспринципных и изобретательных хозяев публичных домов от осуществления плотного контроля за каждым шагом подчиненных им проституток. В результате мы получим еще большее увеличение невзгод несчастных созданий.

Что касается обвинений правительства в недостаточности усилий по обузданию этого социального зла, мы должны сказать, что полицейские власти, только с одобрения которых девушки могут начать жизнь проститутки и получить лицензию, работают в рамках строгих инструкций, не позволяющих определить девушку в публичный дом нечестным путем и против ее воли. И существует множество примеров, когда обнаружение подобных обстоятельств служило поводом для отзыва официальной лицензии. Тем не менее мы допускаем, что система в ее теперешнем виде требует реформ и улучшений. Одним из них, как указывает Помощник, было бы запрещение выставления обитателей публичных домов на всеобщее обозрение. И мы надеемся, что полицейские власти скоро осуществят это.

Другой корреспондент, именуемый Реформатор, заявил, что он, «изучив проблему общественного порока», отрицает, что «для окружающего общества существование системы, которая локализует социальные пороки и осуществляет над ними строгий контроль, все же лучше с точки зрения и морали, и санитарии, чем альтернативная система или вообще отсутствие таковой». Он пишет, что «в провинциях Гумма и Вакаяма (sic), где проституция была запрещена, венерические заболевания перестали быть преобладающими, как в местах, практикующих легальную проституцию» и что

«процент заболеваний в провинциях и городах, официально разрешающих порок, оказался выше». Это очень смелое утверждение, не совпадающее с мнением тех медицинских экспертов, кто проводил специальные исследования вопроса. К сожалению, статистических данных не хватает, но общеизвестно, что санитарные власти министерства внутренних дел согласились с вердиктом о том, что венерические заболевания заметно более распространены в местах, где не существует официальной проституции, чем в лицензированных локальных образованиях.

Реформатор возражает против нашего определения «эффективный контроль» и приводит некоторые сведения о нелегальной проституции в Токио. Стоит ли говорить, что словосочетание было использовано в относительном смысле. Ни один здравомыслящий человек не подумает, что порок возможно контролировать в абсолютном смысле. Также ни один из таких людей не сможет отрицать, что улицы Токио относительно свободны от присутствия тех неприятных персон, которые роятся в городах, явно требуя большей цивилизованности и просвещенности, что можно получить только при системе локализации, принятой здесь. Мы, конечно, не ожидаем, что Реформатор осознает этот факт, пока сам не навестит свою родину и не увидит, как порок открыто шествует по улицам отдельных городов. Такое путешествие было бы весьма полезным и другим реформаторам общества.

ЗАМЕТКИ О ДЗИГОКУ, ИЛИ О НЕЛЕГАЛЬНЫХ ПРОСТИТУТКАХ

Дзигоку. Это настоящие представительницы древних ётака (ночных бродяг). Как сообщает обычная японская энциклопедия, слово зародилось в XVIII веке, когда на улице Ёсида в Токио стоял дом Ётакая (под знаком ночного ястреба), где женщины подкрашивались и принаряжались, поскольку разрушительное действие болезней сделало их внешность совершенно непрезентабельной. Тяжелобольные женщины гримировались, чтобы выглядеть молоденькими девушками, старые перечницы чернили углем брови и укладывали волосы в модные прически. Носы многих из этих проституток были

съедены сифилисом, и они восстанавливали потерю с помощью крашеного воска. Среди них встречались немые, глухие, хромые, полностью слепые и страдающие прочими болезнями, приобретенными благодаря сифилису и не позволяющими им работать в нормальном публичном доме. Цвет лица маскировался пудрой, сифилитические язвы и раны замазывались косметикой, а платки, которыми они повязывали голову, не позволяя их толком разглядеть, делали все остальное.

Эти женщины в грязных, засаленных хлопчатобумажных платьях рыскали по улицам в бледном свете ущербной луны, носясь как души проклятых в поисках жертвы. У них была привычка носить с собой кусок циновки или коврик, назначение которых было настолько очевидным, что не требовало пояснений. Они приставали к прохожим с предельным бесстыдством, и цена их благосклонности составляла несколько медяков за ночь! В период с 1711 по 1735 год явление разросло настолько, что множество таких женщин насильно определили в легальные проститутки и силами властей водворили в Ёсивара. Согласно отчету от 27 марта 1746 года, в период между 1711 и 1746 годами количество женщин, направленных властями в Ёсивара в качестве легальных проституток, отработавших там свой срок и освобожденных, составляло всего 246.

ПРИЛОЖЕНИЯ

УПРАВЛЕНИЕ «ГОРОДОМ, КУДА НЕ ПРИХОДИТ НОЧЬ»

С тех пор как в июне 1899 года было напечатано первое издание этой книги, в японском законодательстве произошло много изменений, призванных улучшить положение проституток, и автору кажется, что краткое описание положений, в рамках которых сейчас функционирует Ёсивара в Токио, будет небезынтересным для западного читателя.

Все нижеприведенное необходимо предварить словом предупреждения. Рассматривая в целом, правила кажутся хорошо продуманными и даже справедливыми, но пусть читатель не обманывается кажущейся гладкостью изложения!

Необходимо помнить, что в замкнутом пространстве, населенном теми, чей бизнес состоял в богопротивной торговле человеческой плотью и человеческой честью, не могло оставаться много места для сантиментов и милосердия! Будьте уверены, что в так называемом «городе, куда не приходит ночь», где обитают жестокие, бессердечные мужчины и падшие, бесстыдные женщины, где частыми гостями являются хулиганы, закоренелые преступники и прочие отбросы общества, никакие законы и правила, сколь угодно мудрые и гуманные, не будут действовать эффективно! Несмотря на все то, что было и будет сделано, Ёсивара остается сущей преисподней, полной черного отчаяния, поскольку является местом отдыха самой безнравственной и развращенной части мужского населения, предающейся веселью в его пределах. Единжды попав на это кладбище скромности и добродетели — дом крайней невоздержанности и половой извращенности, женщина становится фактической рабыней хозяев публичных домов, многие из которых упразднили закон вну-

три четырех стен своих мерзких притонов и с помощью своих раболепствующих приспешников терроризируют и угнетают несчастных женщин, обреченных проводить годы страданий в обществе бесстыдных развратников и проституток! Кто-то может спросить: «Если у этих женщин есть права, то почему они не обратятся в полицию или в суд?» Ответ прост. Некоторые пробовали, но лишь единицы смогли обрести свободу. Большинство продолжают молча страдать под давлением обстоятельств и общественного мнения. Большая часть их почти неграмотна, не знает своих прав и находится под постоянной угрозой террора, которая лишает их воли к борьбе за свою свободу. Прочие под влиянием ложного чувства долга перед своими родственниками и друзьями (которые в результате заключения контракта с хозяином публичного дома оказались ответственными за долги) воздерживаются от жалоб или иных действий, а над всем царят неумирающие традиции квартала, держащие свои жертвы железными тисками. Полиция, в силу своего знакомства с этой категорией женщин, относится к ним достаточно грубо и неприязненно, и даже Верховный суд империи, к стыду судебных чиновников, постановил, что долги, сделанные проститутками при совершенно аморальных обстоятельствах, находятся на совести самих женщин и их поручителей! После такой преамбулы мы продолжим описание системы контроля, действующей в Ёсивара, который является важнейшим и самым крупным кварталом публичных домов в городской префектуре Токио, а потому и самым типичным.

Общее положение лиц, занимающихся проституцией, детально описано в предписании № 44 «Правила надзора за проститутками», изданном министерством внутренних дел 2 октября 1900 года, за подписью Сайго Цугумити, впоследствии первого заместителя министра внутренних дел. Данное предписание распространялось на всю империю, но имело ряд дополнительных пунктов, касающихся надзора за кварталами проституток в различных префектурах. Правила устанавливают, что ни одна женщина моложе 18 лет не может ни стать проституткой, ни искать места проститутки до тех пор, пока ее имя не будет занесено в «Регистр проституток» (сёги мэйбо), находящийся в полицейском участке, под чьей юрисдикцией находится заведение, и что зареги-

стрированные таким образом женщины попадают под надзор полицейских властей.

Для обеспечения насколько возможной защиты неопытных претенденток женщинам, желающим продавать свое тело, предписано лично являться в полицейский участок, где их тщательно опрашивают и предупреждают об опасности такого шага. Затем им предлагают заполнить документ, детально отражающий следующие вопросы.

1. Обстоятельства и причина желания стать проституткой.
2. Дата рождения.
3. Получено ли согласие ближайшего старшего родственника или главы ее семьи.
4. Получено ли (в случае несовершеннолетия) согласие настоящего отца, а при отсутствии таковой возможности а) настоящей матери, б) настоящего деда или в) настоящей бабушки (именно в таком порядке).
5. Место, куда она собирается наняться проституткой.
6. Предполагаемое место жительства.
7. Настоящий источник средств существования. Если на иждивении — подробно указать.
8. Занималась ли проституцией раньше, и если да, то указать даты начала и окончания работы, заведение, прежнее место жительства и причину прекращения работы.
9. Профессиональное имя, принимаемое проституткой в публичном доме.
10. Предположительный срок работы.
11. Дополнительные детали по требованию властей различных префектур.

Во избежание мошенничества и подделки данное заявление должно обязательно сопровождаться:

- 1) соответственно заверенной копией свидетельства о регистрации (косэки тохон);
- 2) документами о согласии (сёдакусё), подписанными и заверенными печатями лиц, дающих согласие;
- 3) сертификатом подлинности печатей лиц, дающих согласие (сёдакусё-но инкан сёмэйсё), надлежащим образом заверенным главой города (си), округа (ку), городского поселения (тё) или деревни (сон).

Полиция по своему усмотрению может отказать любому заявителю, но, если заявление принято, женщина обязана

пройти предварительное медицинское обследование у дежурного врача в соответствии с правилами конкретного административного образования.

Имена женщин, которым было запрещено заниматься проституцией или пожелавших прекратить это занятие, вычеркиваются из полицейского регистра. При добровольном желании прекратить занятие проституцией заявительница, как правило, должна явиться лично и подать заявление в письменной или устной форме. В определенных обстоятельствах полиция может освободить заявительницу от личного посещения. Никто не может препятствовать отмене регистрации в качестве проститутки. Лица, замеченные в изменении записи в регистре вопреки воле женщины, подлежат наказанию штрафом или тюремным заключением.

Свобода женщины, внесенной в регистр, оказывается ограниченной, поскольку она не может заниматься своим ремеслом нигде, кроме лицензированного публичного дома, и не может проживать нигде, кроме места, отведенного префектуральными властями для публичных домов. Кроме того, она не может покинуть указанное место пребывания ни по какой другой причине, кроме посещения полицейского участка, за исключением отдельных случаев, но при наличии на то разрешения полиции, действий в рамках некоторых законов и уложений или в соответствии с каким-либо официальным приказом. Впрочем, когда местные законы допускают свободу женщины в определенных пределах, вышеприведенные ограничения могут различаться *mutatis mutandis*¹.

Чтобы предотвратить ограничение свободы и незаконное вмешательство в личное пространство женщин, населяющих публичные дома, пункт 12 предписания рассматривает как незаконное любое ограничение общения с друзьями, возможности получать и читать письма и газеты, владения вещами, совершения покупок и других личных свобод.

Лица, нарушившие это предписание, подлежат тюремному заключению на срок не более 25 дней или штрафу, не превышающему 25 иен (примерно \$12,5 или J2,10).

Все женщины, занесенные в полицейский регистр, обязаны проходить периодические медицинские осмотры, и в

¹ С изменением того, что подлежит изменению (*лат.*).

случае обнаружения инфекционного заболевания или любого другого заболевания, делающего их нетрудоспособными, им под страхом штрафа или тюремного заключения надлежит прекратить свою деятельность, дожидаться полного выздоровления и получить соответствующий сертификат.

Как уже говорилось выше, полицейские власти обладали правом выдавать или отзываться лицензии. Губернатор провинции мог приостанавливать или запрещать занятие проституцией, а префектуральные власти имели возможность вносить в рамках предписания более детальные инструкции.

Женщины, занятые легальной проституцией на момент выхода предписания в 1900 году, были зарегистрированы без процедуры заполнения формального заявления, приведенного выше.

В предписании имелось несколько пунктов, касающихся наказаний в виде штрафа или тюремного заключения, налагаемых на лиц, нарушивших те или иные инструкции.

В дальнейшем публичные дома (касидзасики), чайные дома (хикитэдзая) и проститутки (сёги) в городской префектуре Токио управлялись в соответствии с предписанием № 37, изданным 6 сентября 1900 года, столичным департаментом полиции за подписью комиссара Оура Канэтаке. Это предписание, заменившее предписание № 40, вышедшее в июле 1896 года, предусматривало (*inter alia*¹), что содержание публичных домов, чайных домиков и занятие легальной проституцией возможно лишь в пределах определенных кварталов (юкаку), определенных столичным департаментом полиции, исключение делалось лишь для тех лиц, которые на момент обнародования предписания уже имели свое дело за пределами кварталов, и для их наследников (содзакунин).

Лица, желающие открыть дело в сфере содержания публичных домов или чайных домиков, должны предоставить в полицию подробные планы строений и получить соответствующую лицензию. При каких-либо изменениях или перестройках процедура повторялась. Во избежание несчастных случаев в домах должны быть построены лестницы определенной ширины, а на каждые 30 цубо (99 м) дополнительной площади помещения строится дополнительная лестни-

¹ Среди других вещей или дел (*лат.*).

ца. Ширина таких лестниц должна быть не более 1,2 м и не менее 0,9 м.

Ни одно здание не может быть принято в эксплуатацию без официального освидетельствования, одобрения и выдачи лицензии, кроме того, за пределами квартала строить с целью привлечения внимания зданий в три и более этажа запрещалось.

Уже построенные здания должны быть приведены в соответствие с данными требованиями.

Держателям публичных домов дозволяется заниматься только конкретно этим видом предпринимательства и, под страхом приостановления или отзыва лицензии, категорически запрещается совмещать свое дело с ресторанным или организацией групп певич (гейш). Такая возможность заниматься побочным бизнесом была отменена 1 октября 1900 года.

Лицензия подлежала отзыву, если дело не осуществлялось в течение трех месяцев или приостанавливалось на двенадцать. Обо всех изменениях персонального статуса, места жительства и т. п. необходимо в трехдневный срок известить полицию.

Танцы, пение, музыка и т. д. в публичных домах и чайных домах за пределами кварталов публичных домов после полуночи запрещены, также подобным заведениям запрещается устанавливать привлекательные вывески, яркие лампы, фонари и прочее, что может бросаться в глаза на улицах.

Хозяева публичных и чайных домов обязаны вести регистрационные книги гостей (юкякудзин мэйбо), куда должны вносить подробное описание всех визитеров. Эти регистрационные книги должны заверяться печатью полиции, а в случае порчи или потери книг полиция должна быть извещена в течение трех дней.

С целью контроля за передвижениями наемных работников хозяевам публичных и чайных домов запрещено нанимать людей, не имеющих «трудовой книжки» (ятонин мэйбо), а при найме или увольнении они обязаны в течение трех дней известить полицию о положении, месте жительства, имени, возрасте и т. д. работников.

В целях предотвращения нелегальной проституции в публичных домах хозяева последних обязаны в 24 часа известить полицию о любой женщине, квартирующей в доме.

Для защиты клиентов хозяевам публичных и чайных домов строжайше запрещалось: 1) принуждать гостей к заказу закусок и напитков помимо их желания, 2) рассылать зазывал (кякухики) или склонять людей к распутству через рекламу или другими способами, 3) привечать лиц студенческого или ученического возраста, носящих эмблемы своих школ или колледжей, 4) утаивать присутствие гостей в доме и препятствовать встрече с ними, 5) принимать от гостей в качестве уплаты или в залог одежду и другие предметы, если только хозяин не получит разрешения на подобную сделку от офицера в полицейском участке, куда он должен явиться вместе с гостем.

Чтобы хозяева публичных и чайных домов не уходили от ответственности, им предписано исполнять все инструкции полиции, связанные с их предпринимательской деятельностью, кроме того, нести персональную ответственность за нерадивость и проступки своих слуг или членов семьи, если это касалось вопросов предпринимательства.

В целях поддержания общественного порядка без получения специального разрешения полиции на улицах кварталов публичных домов запрещается посадка цветущих деревьев и кустарников, декорирование строений и проведение зрелищных мероприятий. За пределами кварталов полиция полностью запрещает любые публичные действия, имеющие отношение к публичным или чайным домам. Также предписывается занавешивать оконные проемы так, чтобы внутренние помещения не были видны с улицы. Кроме того, таким домам запрещается публичная демонстрация постельных принадлежностей¹.

Чтобы оградить женщин от грубого обращения, владельцам публичных домов строго запрещается жестоко обращаться с обитательницами и принуждать их к неоправданым займам. В случае болезни хозяева публичных домов обязаны предоставить лекарства и медицинское обслуживание, а с тем, чтобы девушки были ознакомлены со своими законными правами, каждому публичному дому предписывается вывешивать копии правил в местах, где все, кого это касается, могли бы легко с ними ознакомиться. Но хотя

¹ В низкоразрядных домах существовал обычай проветривать постельные принадлежности на балконах, выходящих на улицу.

закон и стоял на стороне женщин и оберегал их благополучие, о любом нарушении инструкций со стороны проститутток следовало докладывать в полицию, и делать это обязаны хозяева публичных домов.

В целях насколько возможной локализации проституции владельцам чайных домов не разрешалось предоставлять кров или ночлег ни гостям, ни проституткам или гейшам (певицам и танцовщицам).

Чтобы упростить работу полиции и установить более эффективный контроль над этими гнездами порока, инструкции предписывали создание системы, которую можно было бы назвать «местным самоуправлением», охватывающей в той или иной степени всех, имеющих отношение к веселым кварталам. Пункт 26 предписания № 37 столичного департамента полиции гласит: «Хозяева публичных и чайных домов, а также проститутки каждого из кварталов публичных домов должны организоваться в гильдию (кумий) и разработать соответствующий устав»¹.

Гильдии должны были избрать себе исполнительных директоров (торисимари) и их заместителей (фукуторисимари), но за полицией остается право не одобрять кандидатуры, смещать ранее назначенных глав или заместителей и назначать новые выборы. Главы гильдий должны блюсти коллективные интересы и обязаны информировать членов обо всех изменениях в законах и инструкциях и о содержании специальных предписаний властей.

Пункты с 30-го по 39-й (включительно) предписания № 37 детально регулируют статус проститутток. Среди прочего обязывают извещать полицейский участок в случае изменения условий службы, запрещают всем женщинам без исключения проживать и работать за пределами лицензированных домов, извещать полицейский участок в случаях перемены места работы, причем в письменном виде с подписями самой проститутки и ее нынешнего хозяина. Изменение места жительства должно регистрироваться в полиции, если это место находится под юрисдикцией другого полицейского участка, оформление производится через прежний полицейский участок. Обо всех изменениях имен,

¹ Оригинально здесь употреблялось слово «кияку» (規約 — «договор» или «ковенант»), но по смыслу здесь больше уместен термин «устав».

положения, псевдонимов, условий оплаты (агэдай), приостановке или возобновлении работы полиция должна быть извещена в течение трех дней. Далее указывается, что в качестве слуг проститутки могут нанимать только лиц, имеющих «трудовые книжки», и что обо всех случаях найма или увольнения таких работников они должны в трехдневный срок известить полицию. Кроме того, во избежание распространения венерических заболеваний проституткам предписывается периодически проходить обязательный медицинский осмотр. Также проституткам запрещается покидать квартал публичных домов без официального на то разрешения и игнорировать особые распоряжения полиции. За пределами квартала женщинам запрещается появляться в ярких или красочных нарядах и слоняться без дела по улицам и в местах видимых с дорог общего пользования.

В пунктах с 40-го по 46-й (включительно) предписания № 37 формулируются условия полного контроля над наемными работниками публичных и чайных домов и проститутками. Эти лица обязаны всегда иметь при себе «трудовую книжку», в которой должны быть отражены такие сведения, как регистрация, положение, ранг, место жительства, имя и все его изменения, имя нанимателя, дата поступления на работу и увольнения, срок службы, подвергался ли владелец «книжки» наказанию со стороны властей, как часто и за что. Таким образом, все перемещения подобных работников известны полиции, которая время от времени проверяет и заверяет печатью такие книжки. Кроме того, полиция вправе конфисковать «трудовую книжку», воспрепятствовав таким образом лицу, неоднократно нарушавшему инструкции и распоряжения, продолжить трудовую деятельность. Если книжка повреждается или пропадает, в трехдневный срок должно быть подано заявление о выдаче новой, а если владелец книжки хочет прекратить свою деятельность в квартале, соответствующее заявление также должно быть подано в трехдневный срок.

Если владелец публичного или чайного дома является несовершеннолетним или недееспособным (киндзисанся), за его поступки отвечает его официальный представитель (хотэйдairинин). При ограниченной дееспособности (дзюнкиндзисанся) ответственность может нести его опекун (хосанин).

При нарушении, совершенном юридическим лицом, на руководящее лицо (гёмутантонин) может быть наложен штраф.

ПОДРОБНЕЕ О «ТРУДОВЫХ КНИЖКАХ»

Их делают из прочной бумаги (миногами), изготавливаемой в г. Мино. Каждый лист свернут вчетверо¹, и в книжке их не менее шести. Обложка делается из плотной бумаги, и все прочно склеивается в виде фукуротодзи². Сведения, вносимые полицией, не могут быть внесены или исправлены владельцем книжки. Грубо говоря, книжки поделены на две части: а) записи, касающиеся нанимателя, найма, увольнения, дат и б) записи, касающиеся изменений регистрации, места жительства или имени, а также действий властей.

Форма заполнения книжки выглядит так:

Образцы записей в «трудовой книжке».

Изменения регистрации, положения, места жительства и имени	Наниматель и даты найма и увольнения.
<p>Переехал в день месяца года в (деревня, город, район, уезд, префектура или городская префектура)</p> <p>Переехал в день (так же, как выше)</p>	<p>Принят на работу (дата) кем (имя) из (название публичного или чайного дома) адрес Син-Ёсивара</p> <p>Уволен (дата) вышеупомянутым (имя) по причине истечения срока контракта</p>
<p>ПОСТАНОВЛЕНИЕ</p> <p>Наказан штрафом (сумма) за (причина)</p> <p>Дата</p> <p>.....Полицейский участок</p>	

¹ Гармошкой. (Примеч. пер.)

² Фукуротодзи — брошюровка мешком, старинный японский способ, при котором внутренние соприкасающиеся стороны каждых двух страниц остаются пустыми и не разрезаются. (Примеч. пер.)

ГЕЙШИ

ФОРМА ЗАПОЛНЕНИЯ «ТРУДОВОЙ КНИЖКИ»

(Лицевая сторона)

(Обратная сторона)

Дата.....	Предупреждение владельцу данной книжки
«ТРУДОВАЯ КНИЖКА»	<ol style="list-style-type: none">1. Изменения регистрации, места жительства, имени, даты и детали таких изменений должны вноситься лично.2. При найме или увольнении даты, названия заведений, имена нанимателей и вся необходимая информация должны вноситься лично.3. Данная книжка должна постоянно находиться у ее владельца.
Имя.....	Дата.....
Из..... (деревня, город, район, уезд, префектура или городская пре- фектура)	
Проживающий..... (деревня, город, район, уезд, префектура или городская пре- фектура)	Подпись.....
	<div>Печать поли- цейского участка</div>

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ПРОСТИТУТОК

Предписание столичного управления полиции № 39, изданное 10 октября 1900 г. за подписью комиссара полиции Оура Канэтаке и заменившее предписание № 22, изданное в марте 1894 г., сообщает о медицинском осмотре публичных женщин следующее.

Все проститутки обязаны проходить регулярные и специальные осмотры. Регулярные осмотры проводятся раз в неделю, и для Токио определены следующие дни.

ДЖОЗЕФ ДЕ БЕКЕР

Район	Дни осмотра
Син-Ёсивара	Понедельник, вторник, среда и четверг
Сусаки	Пятница и суббота
Синагава	Понедельник
Найто Синдзюкумати	Среда
Сэндзимати и Минамисэндзимати	Четверг
Итабасимати	Суббота
Хатиодзимати	Пятница
Футюмати	Пятница
Тёфумати	Вторник

Специальное обследование проводится:

1. Когда женщина становится проституткой.
2. Когда женщина находилась за пределами публичного дома, к которому приписана, и желает возобновить обслуживание клиентов после семидневного перерыва.
3. Когда пациентка выписывается из госпиталя.
4. Когда женщина болела, но выздоровела и желает возобновить свое занятие.
5. Когда женщина обнаруживает, что она заразилась.
6. Когда врачи считают такое обследование необходимым или целесообразным.

Дни проведения специального обследования в Токио:

Район	Дни осмотра
Син-Ёсивара	Каждый день, кроме воскресенья
Сусаки	Каждый день, кроме воскресенья
Синагавамати	Понедельник, среда, пятница и суббота
Найто Синдзюкумати	Понедельник, вторник, среда и пятница
Сэндзимати и Минамисэндзимати	Вторник, четверг, пятница и суббота
Итабасимати	Понедельник, вторник, четверг и суббота

ГЕЙШИ

Район	Дни осмотра
Хатиодзимати	Понедельник, четверг, пятница и суббота
Футюмати	Понедельник, вторник, четверг и суббота
Тёфумати	Понедельник, вторник, четверг и суббота

По занесении в регистр проституток все вновь прибывшие подлежали осмотру врачами из конторы инспектора (кэнсадзё) в один из дней специального обследования. Чтобы выявить как можно больше случаев заболевания, проводилась специальная подготовка, а всех инфицированных женщин направляли в венерологическую лечебницу для дальнейшего лечения под угрозой наложения штрафа, не превосходящего 1,95 иены (\$0,97). Пациентки, собирающиеся выписаться из госпиталя, должны получить у главного врача медицинский сертификат (синдансё). Как правило, обследования проводятся с 10 утра до 3 дня, после чего женщины получают медицинский сертификат (дзикэн-сосё), заверенный печатью врача.

ПРАВИЛА РАБОТЫ ГОСПИТАЛЯ

Существует множество инструкций, но те, что применяются в большой венерологической лечебнице Ёсивара, являются типичными. Они были обновлены в марте 1900 г. и в основном выглядят так.

Назначение лечебницы. Лечебница основана с целью лечения проституток, страдающих от венерических заболеваний, чахотки и других заразных болезней, приобретенных или развившихся в квартале публичных домов Ёсивара.

Персонал. Постоянный персонал составляют около пятидесяти человек, включая нескольких врачей, секретаря, четырех фармацевтов, медсестер, клерков, слуг и т. д. под руководством главного врача. Функционирование лечебницы находится в ведении полицейских властей.

Медицинский персонал. Обход пациентов производится дважды в день. При этом в каждом случае в карточку боль-

ного (бёсё нисси) для информирования главного врача вносятся сведения о его состоянии и примененном лечении. При тяжелом заболевании или медленном выздоровлении необходимо известить главного врача, а в случае, если симптомы указывают на непосредственную опасность, немедленно известить хозяина публичного дома, откуда поступила женщина. После выздоровления медицинское заключение должно быть подписано лечащим врачом, после чего пациента лично осматривает главный врач. В обязанности врачей входит назначение диеты, инструктаж и надзор за медсестрами, с тем чтобы все необходимые инструменты были в наличии и в должном состоянии. Каждый врач в порядке очереди выходит на ночные дежурства. Чтобы пресечь сплетни и возможность сговора, врачам разрешается входить в палаты только в сопровождении медсестры, а во избежание ненужного риска при лечении хирургические операции могут проводиться только с разрешения главного врача. В свободное время врачам дозволяется заниматься медицинскими исследованиями и с разрешения главного врача публиковать результаты этих исследований.

Записи, счета, статистика и отчеты. О каждодневной и финансовой деятельности лечебницы должны вестись соответствующие записи. Сюда должны входить сведения о приеме и выписке и детальная статистика. Месячный отчет должен быть предоставлен к 5-му числу следующего месяца, а годовой к 10 января следующего года. Главный фармацевт представляет ежедневный отчет об отпущенных лекарствах и заверяет его у главного врача.

Разное. Детальные инструкции предписывают содержать койки и помещения в чистом с точки зрения санитарии состоянии, регламентируют проведение дезинфекций и т. д., а также работу медсестер.

Жалованье. То, что персоналу лечебницы сильно недоплачивают, станет понятно из следующего обзора месячного жалованья:

	Иены	Доллары США	Фунты стерлингов
Главный врач	от 80 до 150	от 40 до 75	от 8 до 15
Заместитель главного врача	от 50 до 80	от 25 до 40	от 5 до 8

ГЕЙШИ

	Иены	Доллары США	Фунты стерлингов
Врачи	от 25 до 50	от 12,5 до 25	от 2,10 до 5
Секретарь	от 20 до 30	от 10 до 15	от 2 до 3
Главный фармацевт	от 25 до 50	от 12,5 до 25	от 2,10 до 5
Фармацевт	от 10 до 25	от 5 до 12,5	от 1 до 2,10
Финансовые и административные	от 10 до 25	от 5 до 12,5	от 1 до 2,10
Старшая сестра	от 10 до 20	от 5 до 10	от 1 до 2
Медсестры	от 3 до 10	от 1,5 до 5	от 0,6 до 1
Слуги	от 4 до 10	от 2 до 5	от 0,8 до 1

Р. С. При отсутствии на работе более двух недель месячное жалование не выплачивается, а при отсутствии более месяца возможно увольнение. Правда, это не касается случаев болезни.

Финансы. Средства на содержание госпиталя собираются путем сбора недобровольных пожертвований с владельцев публичных домов в Ёсивара. Примерная смета годовых затрат в письменном виде составляется главой квартала (нануси) и исполнительным директором гильдии хозяев публичных домов каждый год до 20 марта и передается на одобрение полицейским властям. В случае нехватки средств глава квартала и исполнительный директор гильдии могут предпринять совместные шаги к исправлению ситуации.

Изменения в правилах. При необходимости совместными усилиями главного врача, исполнительного директора и заместителя гильдии в правила могут вноситься изменения при условии получения на то одобрения полицейских властей.

Комнаты больных и санитарная профилактика. Правила предписывают наличие отдельных палат¹ для различных групп пациентов и обязательный изолятор для инфекционных больных. Все помещения должны быть чисто вымыты, а материалы, соприкасавшиеся с инфекцией, сожжены. Полотенца и постельное белье не должны использоваться

¹ Палаты делятся следующим образом: 1) для больных сифилисом, 2) для больных гонореей, 3) для больных с язвами, 4) для больных с кожными заболеваниями, 5) для больных с прочими заболеваниями, 6) для серьезных случаев, 7) изолятор для инфекционных заболеваний.

случайным образом. Простыни надлежит дезинфицировать горячим паром, в помещениях должны находиться плевательницы с 5%-ным раствором карболовой кислоты, столовые принадлежности должны мыться горячей водой, содержащей сулему (в пропорции 1 к 1000), использованная бумага, соприкасавшаяся с инфекцией, должна быть сожжена, а не соприкасавшаяся не должна продаваться до полной дезинфекции. Пациенты, получившие на то разрешение врачей, должны каждый день принимать ванну перед утренним обходом.

Посетители. Не допускаются в палаты, за исключением случаев, когда пациент не может двигаться и получено специальное разрешение лечащего врача. При определенных условиях посетители могут встретиться с пациентами между 9 утра и 3 дня в специальной комнате (осэцудзё), находящейся отдельно от палат.

Правила для пациентов. Во время лечения пациенты должны быть вежливы и уважительны в речи и поведении по отношению к персоналу госпиталя, носить предписанное хлопковое платье и выполнять правила внутреннего распорядка. Пациентам запрещается покидать госпиталь во время лечения. Пациентам предписывается убирать волосы в простые прически, воздерживаться от посещения других палат и помещений без особой на то причины, не носить обычно принятые в публичных домах сандалии на толстой подошве (такадзори), аккуратно складывать использованную бумагу в специальные ящики, не шуметь и не создавать беспорядка, не петь, не скандалить и не писать всякие глупости на стенах и мебели. Также запрещалось занимать или одалживать деньги, играть в азартные игры и т. д., принимать (без разрешения лечащего врача) пищу и лекарства, поступившие из-за пределов госпиталя. При желании приобрести что-либо за пределами госпиталя требовалось через медсестер получить на то разрешение лечащего врача.

Физические упражнения. Возможны каждый день во дворе госпиталя в определенные часы.

Жалобы. Жалобы на медсестер и другой персонал подаются непосредственно лечащему врачу.

Что же касается реальной работы госпиталя Ёсивара, то некоторые язвительные высказывания содержатся в книге

«Юаку-но римэн» («За кулисами квартала публичных домов»), изданной в Токио в 1903 г. В резко обвинительном духе автор пишет следующее:

«Отвратительное состояние госпиталя Ёсивара и постоянный недостаток там надлежащего персонала настолько известны, что нет нужды заострять внимание на этой части проблемы, но попробуем выяснить некоторые другие детали функционирования этого заведения. Если мы попытаемся представить себе, как выглядит или как должен выглядеть госпиталь, то, естественно, перед глазами встает красивый высокий дом, окруженный прекрасными зелеными деревьями, радующими глаз кустарниками и цветущими растениями с хорошо проветриваемыми палатами, которые содержатся в безупречной чистоте и обставлены кроватями под белоснежными покрывалами без малейшего намека на пятна или грязь. Но госпиталь в Ёсивара невероятно далек от того, чтобы быть таковым. Мы склонны сравнить его с тюрьмой, но в действительности даже такая тюрьма, как Сугамо, гораздо чище и лучше оснащена, так что сравнение с точки зрения общей чистоты и порядка будет просто неуместным! Палаты имеют площадь от 13 до 17 м, и в такие душные камеры набивается по 12—13 человек. Зачастую обитательницы госпиталя делят одну кровать на двоих и рядом оказываются женщины из разных публичных домов, совершенно незнакомые друг с другом. Что касается лечения, то да, их осматривают дважды в день, но им приходится оплачивать свое питание, лекарства и уход. Предполагается, что деньги на все это вносят владельцы публичных домов, а на деле это деньги пациенток, полученные в виде займов, которые придется позже погашать. Даже в нынешние непростые времена, когда жизнь стала гораздо дороже, чем раньше, выясняется, что больничное питание оценивается в 7—8 сенов (3,5—4 цента) и что снабжать женщин вкусной и питательной пищей просто невозможно. То, что они получают три раза в день, гораздо хуже, чем в иной тюрьме, и состоит из:

1) утром: вареный ячмень, перемешанный с рисом (бакухан);

2) днем: вареный ячмень, перемешанный с рисом (бакухан), немного овощей или маленькая рыбка;

3) вечером: вареный ячмень, перемешанный с рисом (бакухан) и немного неудобоваримых, зловонных маринованных овощей (ко-но моно).

Регулярные осмотры всех проституток проходят раз в неделю, причем каждая улица приходит в свой день. Например, если Эдоте-иттэмэ проходит осмотр по пятницам, то Агэямати по средам. Во время осмотра выкликаются имена проституток, и они по очереди проходят частичный осмотр. Если женщина явно больна, врач определяет ее в госпиталь, но перед тем она возвращается в свой бордель за вещами, а уже затем в сопровождении слуги отправляется в госпиталь. В госпитале работает несколько сестер милосердия, однако сколь привлекательно само звание сестры милосердия, столь ужасны женщины, носящие его. Они напоминают старых ведьм (яритэ) из публичных домов, готовых за деньги на все. По этой причине проститутки, поступающие в госпиталь, имеют при себе некоторое количество карманных денег, и только в таком случае они могут рассчитывать на то, что их мелкие прихоти будут удовлетворены. По истечении трех или четырех дней, если проститутка пользуется популярностью, как владелец публичного дома, так и все те, кто терпит убыток в результате ее отсутствия, делают все возможное с помощью разумных подношений, чтобы ускорить ее выздоровление, поэтому особых неудобств она не испытывает. С другой стороны, если в госпиталь поступает никому не известная дебютантка или непопулярная проститутка, то с ними обращаются так, что страшно сказать. Все, что они получают, — это крохи сострадания старших проституток из публичного дома, к которому они принадлежат. Услышав сигнал к обеду, эти несчастные несутся в столовую и, сражаясь за еду, проглатывают ее с волчьей жадностью, подобно духам в буддийском аду! Что до обстановки, в которой пребывают обитательницы госпиталя, то большинство из них заняты чтением неприличных повестей и рассказов, но это длится недолго, и они переходят к обсуждению своих клиентов и знакомых мужчин, пению, отпусканию оскорбительных замечаний в адрес владельцев и служащих их уважаемых заведений. Или они начинают танцевать и скакать, играть в карты, писать жалобные письма и постепенно доводят ситуацию в госпитале до состояния пансиона для душевнобольных. Так что обстановка

в этом жутком месте заставляет иных проституток с ужасом относиться к перспективе попасть в госпиталь. Большая часть общества с серьезным доверием относится к эффективности медицинских осмотров, но прискорбное заблуждение думать, что они могут защитить от заболеваний. Многие врачи в кварталах проституток жалкие шарлатаны, которым наплевать на свою репутацию, и к тому же настолько продажны, что берут у хозяев публичных домов деньги за то, чтобы беспрепятственно пропустить женщин заведомо больных венерическими болезнями, — деяние столь же опасное, как выведение диких тигров на охоту в город! Но это еще не все. Кое-кто из молодых врачей, хоть и с лицензией, повышающих свое мастерство на практике, умышленно пропускают сложные случаи, которые без госпитализации становятся неизлечимыми и крайне опасными для окружающих. Делается это частично из сочувствия, частично из желания обрести популярность в среде порочных девиц, которые отлично знают, как приворожить впечатлительного молодого человека с помощью брошенных искоса эротичных взглядов. Конечно же это очень неправильно, но взгляд красивой молодой женщины с одинаковым успехом может подтолкнуть как к добру, так и к злу! А что еще хуже, многие девушки обманывают врачей по сговору со своими хозяевами. Такие девицы нанимают какого-нибудь шарлатана, бродящего по кварталу, для предварительного осмотра, и если они оказываются инфицированными и имеют шанс оказаться в госпитале, то ко дню официального осмотра «приводят себя в порядок», обработав воспаленные места препаратами, которые временно, но эффективно скрывают видимые признаки заболевания. По этой причине лучше все-таки полагаться на официальный медицинский осмотр. Но это еще не все секреты профессии. Случается, что эти знахари обнаруживают случаи, которые невозможно скрыть при осмотре никакими ухищрениями, тогда хозяева борделей частенько просят продажных шарлатанов изготовить липовую справку, говорящую о необходимости перемены климата. Вооружившись таким сертификатом, хозяева делают вид, что пациентка отбыла в деревню, тогда как на самом деле, тщательно спрятанная в доме, она лечится у тех же шарлатанов. В результате множество женщин, которые обслуживают гостей и выглядят здоровыми, на самом деле являются ужасной

угрозой обществу и так же опасны, как скрытые острия отравленных жал, чьи страшные уколы несут смерть и разорение всем, кто встречается на их пути. Санитарное состояние квартала не имеет ничего общего с законами гигиены. Несмотря на внешний блеск дворцов разврата в Ёсивара, грязь является их неотъемлемой частью. В незаметных углах, грязных дворах и проулках лежат кучи гниющего мусора, содержащие зародыши всех мыслимых заразных болезней. В то время как с помощью периодических обследований делаются некоторые попытки обуздать венерические заболевания, внутренние болезни остаются практически без внимания, поэтому бессердечные владельцы публичных домов пользуются этим обстоятельством и принуждают девушек (которые действительно больны и их место в больничной палате) принимать гостей и позволяют женщинам, страдающим от чахотки или сифилиса глаза, продолжать свое занятие. Частью из-за бездушия хозяев и частью из-за их безразличия к вопросам санитарии имело место множество случаев, когда женщины не только передавали своим гостям самые отвратительные заболевания, но и на самом деле умирали от болезней на общем ложе с клиентом. Приличия не позволяют подробно описывать все ужасы, творящиеся в этих борделях, но один-два примера безобразного пренебрежения правилами санитарии мы все-таки приведем. В некоторых небольших домах владельцы слишком скаредны, чтобы организовать ежедневные ванны, поэтому женщины частенько появляются перед гостями не изнедав прикосновения мыла или воды. В таких домах девушки содержатся как кошки или собаки, годами пребывая в тесных грязных комнатах, известных как камбэа, в которых есть лишь драные постели, грязные настолько, что от них исходит непереносимый запах пота! При отсутствии горячей воды в этих конурах обитатели вынуждены мыться холодной, но зимой, когда холодно, они не делают и этого, тем самым увеличивая риск заразиться самим и заразить гостей. С другой стороны, если они моются, как предполагается, то частое соприкосновение с холодной водой ведет к развитию различных форм внутренних заболеваний, обрекающих несчастных на пожизненные муки. В переулках, где находятся рестораны (дайя), лежат груды покрытых плесенью рыбьих костей, полуразложившихся объедков и даже кучи

экскрементов, соперничая друг с другом в омерзительности и ядовитости испарений и демонстрируя реальное положение дел, касающееся санитарии прекрасных обитательниц этой клоаки. Вот такие понятия о гигиене существуют в великом токийском квартале Ёсивара!»

Все ли правда в том, что автор пишет о медицинском персонале Ёсивара, или нет, но, оценивая результаты исследований, можно сказать, что автор не сообщил ничего сенсационного, потому что скандалы в этой области происходят периодически, и, если вспомнить о нищенском жалованье врачей, станет ясно, что ни один приличный специалист не станет там задерживаться надолго. Из проверенных источников автор узнал, что толпы нечистых на руку знахарей шныряют по кварталам и помогают держателям публичных домов обманывать официальных медицинских инспекторов и что докторам приходится расплачиваться за грехи этих шарлатанов.

А если вспомнить о полном отсутствии внимания к вопросам санитарии в этой клоаке общества, то вряд ли можно преувеличить чувство отвращения, вызываемое этим отвратительным местом, или недооценить опасность заражения, которой подвергаются бездумные завсегдатаи таких кишачих зародышами болезней грязных заведений, отравляющих атмосферу и повсюду распространяющих семена недуга и смерти.

Ежемесячный отчет госпиталя содержит сведения о различных формах заболевания.

ИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Сифилис:

1. Первичные уплотнения и язвы.
2. Неболезненные бубоны.
3. Заболевания лимфатических узлов.
4. Кожные болезни.
5. Заболевания слизистых оболочек.
6. Офталмия.
7. Заболевания костей и надкостницы.
8. Болезни суставов.
9. Заболевания мышц.

10. Заболевания внутренних органов и мозга.
11. Мягкий шанкр.
12. Острые бубоны.
13. Гонорея.
14. Зуд.
15. Туберкулез.
16. Прочие.

НЕИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

17. Заболевания органов пищеварения.
18. Заболевания органов дыхания.
19. Заболевания органов кровообращения.
20. Заболевания мочеполовой системы.
21. Заболевания органов воспроизводства.
22. Нервные заболевания и заболевания органов чувств.
23. Заболевания, влияющие на общее развитие и питание организма.
24. Кожные и мышечные заболевания.
25. Заболевания костей и суставов.
26. Заболевания, требующие хирургического вмешательства.
27. Прочие.

МЕДИЦИНСКАЯ СТАТИСТИКА

Медицинская статистика по Ёсивара за семь лет (1898 — 1904) выглядит так:

Год	Количество осмотров	Количество зараженных	Зараженных на 100	Количество обслуженных гостей
1898	134 602	7506	5,58	1 237 885
1899	108 268	5333	4,95	1 367 639
1900	108 109	5117	4,76	1 428 136
1901	108 572	4864	4,48	1 157 492
1902	107 260	4653	4,33	1 065 674
1903	106 121	5006	4,74	1 167 969
1904	119 148	8592	7,22	1 285 424

**ОБСЛЕДОВАНИЕ ПРОСТИТУТОК НА ПРЕДМЕТ СИФИЛИСА
ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ**

Год	Места осмотра на конец года	Среднее количество в день	Количество осмотров					Подтвержденные на 100%
			Инфицированные			Незараженные	Всего	
			Подтвержденные	Неподтвержденные	Зараженных на 100%			
1892	484	30 687	8364	43 237	16,21	1 379 598	1 431 199	3,61
1893	487	31 253	9339	40 858	18,60	1 408 813	1 459 010	3,44
1894	476	34 023	6327	52 963	10,67	1 553 422	1 612 712	3,68
1895	471	37 518	5937	50 056	10,60	1 644 110	1 700 103	3,29
1896	472	39 079	7231	65 049	10,00	1 707 565	1 779 845	4,06
1897	498	43 570	8856	61 004	12,68	1 960 407	2 030 267	3,44
1898	495	48 780	11 692	56 816	12,07	2 190 325	2 258 833	3,03
1899	518	49 553	8650	52 508	14,14	2 171 964	2 233 122	2,74
1900	536	52 305	11 493	59 406	16,21	2 249 276	2 320 175	3,06
1901	530	40 855	9117	50 493	13,29	2 427 909	2 496 518	2,75
Всего	Средн. 496,7	Средн. 40 762,3	Средн. 8700,5	Средн. 54 139,0	Средн. 13,45%	Средн. 1 869 338,9	Средн. 1 932 178,4	Средн. 3,31%

Цифры показывают, что за семь лет средний уровень заболеваемости составлял 5,18 на 100, но являются ли эти показатели верными, определить трудно. В любом случае, даже если что-нибудь не так, это «официальная» статистика.

Принимая во внимание вышеозначенные результаты, получается, что цифры по всей империи, приведенные в «Годовом отчете Центрального санитарного бюро Департамента внутренних дел» (опубликованном в 1905 г.), неверны, поскольку на 1901 г. они указывают средний уровень от всего лишь 0,43 по префектуре Коти до 6,20 по префектуре Кагосима. В префектурах Хёго, Иватэ и Аомори средний уровень показан как 9,69, 13,75 и 14,52 соответственно, а по всем 46 префектурам страны всего лишь 2,75. Такие расхождения трудно объяснить чем-либо еще, нежели тем, что строгость осмотра различается в зависимости от места его проведения.

В следующей таблице приводятся довольно сомнительные результаты обследования проституток по всей Японии за 10 лет со средним показателем в 3,31 на 100.

ОБЗОР ПРАВИЛ ГИЛЬДИИ ЁСИВАРА

Общие. В декабре 1901 г. в соответствии с пунктом 26 предписания столичного управления полиции № 37, изданного в 1900 г., держатели публичных домов, чайных домов и проститутки Ёсивара объединились в гильдию, а в феврале 1904 г. устав гильдии был пересмотрен.

Цель. Цель объединения в сохранении и регулировании отношений внутри гильдии, защите интересов «дела», сохранении древних традиций квартала.

Исполнительный директор. Гильдия, контора которой находится по адресу № 462 Нитёмэ, Сэндзокумати, район Асакуса, Токио, управляется исполнительным директором (торисимари) и его заместителем (фукуторисимари), которые выбираются путем открытого голосования всех, кто имеет право голоса.

Если количество голосов равно, выбирается старший по возрасту, а если даты рождения также совпадают, вопрос решается жребием. Срок полномочий два года; если вакан-

Записи в этой книжке производятся в течение года
с.....19.....до.....19.....

Гербовая
марка

(ЦЕНА

Имя проститутки.....

Дата

Всегоиен.....

За прием одного гостя.....иен.....

1. Доля хозяина.....иен.....

2. Доля женщины.....иен.....

О соглашениях относительно заработков женщины, помимо означенных выше, должно немедленно известить полицейский участок.

Карманные деньги.....за каждый прием
гостя выплачиваются при окончательном подсчете.

Количество принятых гостей

	иен	сенов
Оплата за прием гостя.....		
Сумма, причитающаяся женщине		
В счет погашения займа (месяц)		
Карманные деньги женщины		
Занесено в дебитный баланс.....		
Баланс:		
Заем.....		
Поступление текущих процентов.....		
Всего		

сия освобождается, назначаются дополнительные выборы. Исполнительный директор располагает штатом финансовых административных и прочих работников.

Обязанности членов. Лица, вступающие в гильдию, подписывают соответствующее заявление и обязательство исполнять устав. Кроме того, новые члены должны найти поручителя, который будет представлять их интересы в случае их неспособности сделать это самостоятельно. Поручители должны быть из того же круга, а хозяева публичных домов должны выступать поручителями своих проституток.

Все контракты заверяются исполнительным директором. Все финансовые соглашения между проститутками и владельцами публичных домов должны быть представлены исполнителю директору за подписями обеих сторон.

«Трудовые книжки». Владельцы публичных домов и женщины должны завести и хранить «*трудовые книжки*» следующего образца и предоставлять их на заверение исполнителю директору не позднее 10-го числа каждого месяца.

Изменения в членстве и т. п. Обо всех изменениях членства или передвижениях работников должно извещать исполнительного директора. Члены гильдии не должны нанимать уволенных работников без согласия предыдущего нанимателя.

Меры противопожарной безопасности. В целях предотвращения пожаров эксперт (назначенный исполнительным директором) периодически проводит инспекции керосиновых ламп, использующихся для освещения.

Право исключения. Лица, нарушающие устав гильдии, могут быть исключены решением общего собрания.

Изменения устава. Изменения в устав могут быть внесены на общем собрании, созванном исполнительным директором по запросу 30 членов.

Консультативный комитет держателей публичных домов. Для защиты взаимных интересов держатели публичных домов образуют консультативный комитет (кёгиин), члены которого избираются так же, как и исполнительные директора. Этот комитет может потребовать от исполнительного директора созыва общего собрания в любое время.

Отчеты о доходах. Каждый хозяин публичного дома обязан ежедневно докладывать исполнительному директору о своем общем доходе и количестве обслуженных клиентов.

Цены. Расценки на услуги должны быть вывешены в каждой комнате, где принимают гостей. Сюда должны входить цены на напитки и закуски. Лица, сопровождающие гостя, но не нанимающие женщину, должны оплачивать половину счета.

Демонстрация женщин. Женщины могут не выставляться в «клетках» после часу ночи с ноября по апрель или после 2 часов ночи с мая по октябрь. В случае беременности исполнять обязанности проститутки запрещается за три месяца до и три месяца после разрешения от бремени.

Медицинские издержки. Владельцы публичных домов должны ежедневно передавать через работников гильдии средства на лечение каждой из их женщин, находящейся в госпитале.

Публичные и чайные дома. Публичные дома, чьи женщины получают по 1,5 иены (\$75 или J3), могут вести дело при посредстве чайных домов, при обязательной выплате комиссии последним.

Страховые взносы. В качестве страховки от потерь владельцы публичных домов платят в специально организованную службу (укэхараидзё) по 1% с суммы, полученной от чайных домов, взамен укэхараидзё гарантирует оплату счетов чайных домов. Все деньги, причитающиеся публичным домам с чайных домов, выплачиваются через укэхараидзё, и, если какой-либо чайный дом оказывается несостоятельным, все деловые отношения с этим заведением прекращаются, вплоть до разрешения проблемы. Если персонал чайных домов ведет себя неподобающе, владельцы публичных домов вправе бойкотировать эти дома и прекратить деловые отношения с их владельцами.

Расходы, оплачиваемые владельцами публичных домов. Владельцы публичных домов должны нести следующие расходы: 1) госпиталь в Ёсивара; 2) контора инспектора по венерическим заболеваниям; 3) контора исполнительного директора; 4) чрезвычайные ситуации; 5) публичные представления и другие мероприятия; 6) проведение собраний; 7) жалованье исполнительного директора и его персонала; 8) резервный

фонд. Эти расходы определяются и одобряются консультативным комитетом в мае и ноябре каждого года и доводятся до сведения владельцев публичных домов через исполнительного директора. В январе и июле каждого года исполнительный директор готовит и предоставляет на рассмотрение отчеты по расходам за истекший период. Вопрос о дополнительном бюджете может быть внесен на рассмотрение консультативного комитета, но, если он не касается вышеперечисленных восьми пунктов, требуется одобрение общего собрания владельцев публичных домов.

Счета за лекарства. Счета за лекарства должны закрываться не позднее 25-го числа следующего месяца. Членам гильдии лекарства отпускаются по цене, составляющей половину от той, по которой обычные врачи отпускают лекарства широкой публике.

Владельцы чайных домов. Владельцы чайных домов выбирают свой консультативный комитет, двух счетоводов и нескольких нэмбан («годовые караульные»). Общие собрания владельцев чайных домов созываются исполнительным директором в соответствии с резолюциями консультативного комитета. Члены сообщества чайных домов депонируют по 50 иен как залог оплаты счетов публичных домов, с которыми они работают. Члены сообщества могут присоединиться к укэхараидзё, или «клиринговой службе» гильдии, и тогда все деньги в публичные дома будут поступать не прямо, а через эту службу. С владельцев публичных домов взимается комиссия в размере 10% от суммы, поступающей в публичный дом из чайного дома, однако размер комиссии может быть изменен по соглашению между комитетом и владельцами публичных домов. Месячные отчеты касательно количества гостей, сумм, полученных за напитки и закуски, приглашения гейш и т. п., должны направляться исполнительному директору не позднее 3-го числа следующего месяца. Если чайные дома не могут выполнить свои обязательства в отношении публичных домов, «клиринговая служба» (укэхараидзё) возмещает недостающую сумму, а банкрот либо исключается из сообщества, либо его деятельность приостанавливается.

Обязанности проституток. Проституткам, входящим в гильдию, надлежит «заботиться о своем здоровье, быть экономными, использовать свободное время для образования,

рукоделия и т. п., с тем чтобы быть готовыми со временем занять свое место в нормальном обществе». За пределами квартала они должны одеваться как обычные женщины. Внутри же им предписывается поддерживать хорошие отношения с товарищами, вежливо и уважительно относиться к гостям, не отказывать гостям без «веской причины».

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В настоящее время долговые обязательства, подписанные проститутками, считаются правомерными и подлежат рассмотрению в судебном порядке, несмотря на то что контракты, принуждающие женщин работать в публичных домах в счет погашения займа, могут быть признаны незаконными. Прецедентом является дело Окума Кин (и еще двоих) против Ватанабэ Масэ, по которому было вынесено решение в первом гражданском отделе Верховного суда Японии (дело «О» 398 от 1901) 6 февраля 1902 г. Сформулированные принципы изложены следующим образом: «Проституция является официально признанной сферой деятельности, и потому вступление проститутки в договорные отношения со своими кредиторами с целью перечисления доходов от ее деятельности на погашение долга не вступает в противоречие с общественной моралью и не подрывает порядок». Автор считает, что судьи допустили здесь очень серьезную ошибку и, толкуя закон, как указано выше, проглядели совершенно ясное намерение законодателя. Проституцию, даже в Японии, не предполагалось превращать в санкционированный легитимный бизнес, и если закон относится к ней терпимо, то эта терпимость проистекает из желания ограничить и поставить порок под контроль в интересах общественного порядка. Общественная и личная безопасность требует постоянного контроля, а как показал японский опыт, это возможно, когда публичные дома собраны в одном месте. Но облагораживать бесчестное и губительное занятие, ставя его на один уровень с другими разрешенными профессиями, равносильно защите этого бизнеса в целом, предоставляя юридическую защиту лич-

ностям, зарабатывающим средства путем ведения и поощрения самого распутного образа жизни. Нет сомнений в том, что японская система хороша как она есть, но то, что факт терпимого отношения судебных властей и налогообложение проституток и хозяев публичных домов ставит их в один ряд с добропорядочными гражданами, а их грязные дела попадают под защиту имперского законодательства, порождает у судей склонность к вольному пониманию морали и ложное понимание истинного места персон, чьим занятием является поощрение порока и потворство похотливым желаниям толпы. Искоренить порок мы не можем, контролировать и регулировать можем и должны, но закон заходит слишком далеко, накладывая определенные обязательства на богопротивное занятие без осознания того, что все это по своей сути аморально!

«ЯРО» — PECCATUM ILLUD HORRIBILE, INTER CHRISTIANOS NON NOMINANDUM

Предмет настолько отталкивающий и противный, что автор предпочел бы закрыть глаза на существование такой ужасной стороны человеческого порока и промолчать, но друзья, на чье суждение он полностью полагается, указали, что сама природа этой работы требует хотя бы упоминания о той омерзительной форме распутства, что существовала в Японии в позднем Средневековье.

В начале эпохи Эдо (где-то 1578) следы традиций, сформировавшихся в предшествовавший период междоусобных войн, продолжали существовать в виде неестественных отношений (зародившихся в военных лагерях), были занесены в метрополию и распространились в городах, где конечно же нашлись обнищавшие люди, готовые удовлетворить любые пакостные желания. Среди театральных актеров было определенное число порочных и распутных представителей, кто без колебаний был готов потворствовать своим покровителям и согласиться на любое физическое унижение за деньги.

После театральных представлений в провинции Идзумо актрисы вошли в моду, но, поскольку общество было боль-

но и испорчено, власти запретили женщинам появляться на сцене¹. Это вывело на первый план молодых актеров-мужчин. Выступления этих привлекательных юношей пленили публику и разохотили множество сластолюбцев. Порок распространился настолько, что в 1-й год Дзёо (1652) подобные выступления были запрещены вообще, но уже на 2-й год того же периода (1653) под давлением определенных персон было получено разрешение на драматические представления под названием мономанэ кёгэндзукуси (различные комические пьесы).

Наученные горьким опытом и в надежде воспрепятствовать распространению порочной практики власти предписали актерам брить волосы надо лбом², и прозвище «вакасю» (юноша) было официально заменено на «яро» («прохвост»). Чтобы обойти закон и свести на нет его предписания, актеры, играющие роли женщин, повязывали полотенце, чтобы скрыть бритую голову, и надевали шелковые или креповые шляпы³. Облик этих мужчин настолько превосходил красоту настоящих женщин, что, невзирая на все усилия властей, тяга к неестественным наслаждениям захватила весь город. В русле общей тенденции были изобретены и поступили в продажу игры «яро карута» (карты с изображениями яро) и «яро сугороку»⁴. Кроме того, предприимчивые люди печатали картинки с изображениями яро или издавали хёбанки (нечто вроде театрального справочника). Волна безумия достигла таких масштабов, что безрассудные фанатики заходили столь далеко, чтобы оставлять в буддийских и синтоистских храмах молитвенные таблички во здравие этих омерзительных яро!

¹ Имеется в виду ранний вариант театрального жанра кабуки, поскольку во всех прочих жанрах женщин не было и раньше. (Примеч. пер.)

² То есть чтобы прическа выглядела несомненно мужской. (Примеч. пер.)

³ Подробнее см.: Гришелева Л.Д. Театр современной Японии. М.: Искусство, 1977. (Примеч. пер.)

⁴ Я р о с у г о р о к у — настольная игра в кости с передвижными фишками. На доске изображен маршрут в виде картинок, с препятствиями и знаками, облегчающими их преодоление. Бросая кости, играющие передвигают фишку по клеточкам поля в соответствии с числом набранных очков. Выигрывает тот, кто быстрее достигнет финишной клетки поля. (Примеч. пер.)

Оазисами этого подлого сообщества были Нэгимати в Эдо (Токио), Миягавамати в Киото и Дотонбори в Осаке. Дома, где проживали яро, в просторечии звались кодомоя (детский дом). Такие заведения нанимали, а затем предлагали клиентам привлекательных мальчиков точно так же, как поступали публичные дома с женщинами. Здесь мальчиков обучали кое-какому актерскому мастерству, и затем они попадали на сцену. Тех, кто участвовал в представлениях, называли бутайко (дети сцены), тех, кто только обслуживал вечеринки, называли кагэма, а тех, кто путешествовал по стране, называли тобико (прыгающие или летающие дети).

В основном в такие дома свиданий (агэя) наведывались представители воинского сословия и священнослужители, но также услугами этих молодых людей пользовались и немало женщин. Поначалу юноши лишь прислуживали гостям на банкетах, развлекали их танцами, но со временем их отношения с клиентами приняли форму обычную для женщин-проституток. Молодые люди стали копировать стиль женщин, чернили с помощью охагуро зубы (по женской моде тех времен) и имитировали манеры, присущие прекрасному полу. Изначально они одевались в характерные костюмы, известные как вакасю сугата (стиль молодого человека), но постепенно их пристрастия в одежде претерпели изменения, и в годы Мэйва и Анъэй (с 1764 по 1781) они уже одевались в изящные наряды ярких расцветок с длинными струящимися рукавами, как у женщин, носили широкие пояса и по-женски укладывали волосы.

В период Гэнроку (1688—1704) распространение порока пошло на убыль, но обычай приглашать яро оставался так же популярен, как приглашение проституток, и в годы Мэйва и Анъэй (с 1764 по 1781) достиг своего пика. В те времена в Эдо существовало не менее десяти мест, где можно было воспользоваться услугами яро, а именно Ёситё, Кобикитё, Хатёбори в Канда, на подворье храма Юсима Тэндзин (!), перед храмом Симмэй (!) в Сиба, неподалеку от храма Хатиман (!) на Итигая и т. д. Тогда в столице своим постыдным промыслом занимались 230 яро.

Вскоре, однако, то ли природа взяла свое, то ли законы, принятые в годы Кансэй (1789—1801), возымели свое дей-

ствие, но к периоду Тэмпо (1830—1844) осталось лишь четыре места, где можно было найти яро¹. Из них наибольшей популярностью пользовалось Юсима, но и там оставалось всего 25 юношей. В 13-м году Тэмпо (1842) при правлении Изёси (1792—1853) — 12-го сёгуна Токугава — в рамках реформ, проводимых губернатором провинции Итидзэн Мидзуно Тадакуни (1794—1851), порок был почти полностью искоренен, и с тех пор неестественные сексуальные отношения в Эдо прекратились. В период Канъэй (1624—1644) в Эдо появилось несколько так называемых «парфюмеров» (когуури), которые предлагали своим клиентам неестественные услуги, а к годам Гэнроку (1688—1704) подобный бизнес окреп и развился. Красиво одетые, привлекательные, слегка женственные молодые люди передвигались по городу, имея при себе в коробочках из дерева кири (павлония войлочная) образцы различных благовоний, завернутые в ярко-синий шелк. Под видом продавцов своего товара они просачивались в дома аристократов и мелкопоместных дворян, но со временем такой промысел был запрещен. В те времена среди распутных женщин было обычным делом нанимать актеров и предаваться с ними аморальным развлечениям. Такие женщины после просмотра пьесы приглашали актеров в чайные дома и развлекались с ними так же, как развратники-мужчины с куртизанками.

Приведенное выше описание яро взято из книги «Нихон фудзокуси»², однако автор хотел бы добавить, что литература периода Гэнроку, несколько типичных образцов которой имеется в его распоряжении, очевидно, демонстрирует, что в XVII в. порок существовал совершенно открыто и безо всяких признаков стыда. Заинтересованных читателей можно отослать к «Дансёку окагами» («Зерцало мужской любви») (1687) и «Дансёку кино мэдзукэ» («Ростки мужской любви») (1703) как к образцам подобной литературы³.

¹ Ёситё, Хатёбори, Симмэй и Юсима.

² «История нравов и обычаев Японии». (Примеч. пер.)

³ Это редкие издания, и японское правительство не разрешает их перепечатывать. Язык этих книг ни в коей мере не груб, а напротив, весьма цветистый и приятный. Небезупречно только содержание.

ГОЛГОФА

(Последние часы, смерть и похороны куртизанки)

Ниже приводится описание последних часов, смерти и похорон обитательницы Ёсивара, как это изложено в «Юаку-но римэн» («За кулисами квартала публичных домов»), изданной в 1903 г.

Даже если куртизанка была некоторое время популярна и настолько искусна, что разбила сердца многих мужчин, какова будет ее судьба, если она вдруг серьезно заболеет? Я верю, что нет судьбы более печальной, чем судьба куртизанки из далекой провинции, чье тело продано в квартал публичных домов и которая ощущает себя одинокой и печальной, без друзей или родных и без возможности обратиться к кому-либо за помощью!

И вот она заболела и оставила свое занятие на месяц или два, а мириады гостей, которые раньше толпами приходили посмотреть на нее, пока она была элегантно одета и привлекательна лицом, не прислали ей ни единой строчки. Слуги, которые называли ее ойран, пока она была в зените славы, и которые раболепно служили ей в ожидании щедро раздаваемых подарков, постепенно становятся несговорчивыми и неучтивыми. Более того, они начинают дурно отзываться о ней и злословить за ее спиной. Она совсем падает духом и остается наедине со своими муками. Ее счет за лекарства растет. Никто ее не утешает и не подбадривает. Трудно вообразить всю глубину ее страданий, когда она мечется в полузабытьи на своей постели в этом несчастном месте, удрученная тем, что трудно вынести и что больно слышать.

Постепенно ее болезнь усиливается и подходит к черте, когда пропадает надежда на выздоровление и остается только ожидать прихода смерти. Наше воображение отказывается рисовать картину состояния несчастной куртизанки, которая скоро отойдет в мир иной лежа на холодном, тонком и жестком матраце в маленькой пустой комнатке под задней лестницей своего заведения, и во всем мире нет ни единой души, готовой помочь ей. Когда смерть уже готова войти через рваные бумажные окна, в комнате нет света, все вокруг, подобно смоле, черно. В верхних комнатах

дома гейши весело играют на своих сямисэнах, а танцовщицы танцуют и резвятся под музыку. Звуки возбужденного смеха, музыка и веселые голоса режут ей слух и действуют на нервы, и она лежит в страданиях в ожидании смерти, мучаясь от одиночества, боли и тоски на краю могилы, в свой смертный час получает в насмешку хор веселых голосов, полных распутной радости и чувственного наслаждения. Ее члены становятся холодными и неподатливыми, ее глаза, из которых ушел свет жизни, становятся тусклыми и безжизненными и, оставаясь открытыми, с ужасом смотрят в темноту. В это время кто-нибудь из куртизанок, спустившихся вниз к сидячей ванне, или живущая в заведении старуха (яритэ), проходя по коридору, заметит, что дыхания больше не слышно, заглянет в дверь и скажет: «А, уже все...» Вот и все, что будет сказано, а две или три ее подружки, возможно, обронят пару слезинок жалости. Владелец заведения тут же заявит, что тело передавать некому и, даже не дожидаясь рассвета, спешно переправит бранные останки в крематорий, где они навсегда исчезнут в дыме, выходящем из трубы. Как грустно и страшно видеть такое!

А где же прах будет предан земле?

Если кому-нибудь интересно, куда попадают белые кости несчастной куртизанки и кто будет сопровождать несчастную женщину в ее последний путь, то пусть он выйдет из главных ворот Ёсивара, где завяли и осыпались цветы, пройдет по Годзиккэндори на холм Эмондзака и осторожно пройдет налево от канавы в Дотэхатё.

Перед его взором по обе стороны канавы откроется вид на красивые поля и сады. Направо, насколько может видеть глаз, разделенные полосами залитых водой рисовых полей, на разную высоту поднимаются ряды крыш публичных домов Коцугаппара и Сэндзю. За этим обитаемым уголком появляются группы зеленых деревьев и бамбуковые рощицы. Дальше, если погода ясная, виднеются белые паруса лодок в верховьях реки Сумида и, конечно, пурпурные склоны горы Цукубаяма, закрытые облаками. Посмотрев налево от канавы, можно увидеть скопление съёмных домов, построенных на месте бывших полей. Между деревьями видны высокие кровли нескольких храмов. Вид леса, венчающего

высокий хребет, тянущийся от Уэно к Хигураси, создает приятное ощущение в душе. И если продолжать двигаться в прежнем направлении, то вы придете к воротам боен, где вам в ноздри ударит запах крови, принесенный ветерком. Пройдя еще немного вдоль канавы, вы попадете на дорогу, напоминающую старинные улицы с деревьями по обе стороны. С этого места, если вы оглянетесь назад, вы увидите крыши квартала проституток Ёсивара. Высокие здания квартала, такие как башенка с часами на Эбия, Хикота и Синагава, возвышаются столь величественно, что может показаться, вы смотрите на большой город замков. Если ускорить шаги и пройти еще один или два тё, канава исчезнет и взору предстанет железнодорожная насыпь, под углом пересекающая путь. Под этой насыпью стоит храм, и именно здесь будут гнить и разлагаться кости несчастной куртизанки. Слева лениво течет похожий на канаву грязный поток с перекинутым через него старинным каменным мостиком. Этот поток проходит по краю храмовой земли и, омывая буйные заросли дикого бамбука, теряется за железной дорогой. Умиротворенные полной тишиной и уединенностью места, вы переходите через мост и оказываетесь у черных ворот храма Дзёкандзи. А! Дзёкандзи в Минова! Люди со всех уголков мира, даже если никогда здесь не были, знают это название из книг.

Пройдя через ворота, вы увидите небольшую хижину, где продают цветы. Обойдя слева не очень большой хондо (главный павильон), вы попадаете в место, густо утыканное несметным количеством могил, надгробий и сотоба¹. Рядом с живой изгородью и там-сям среди могил стоят старые кривые эноки (китайское железное дерево), чьи ветви колышутся грустно и печально, когда ветер проходит сквозь них с заунывным, как рефрен погребального песнопения, плачущим звуком. Взглянув на почти нечитаемую надпись, вырезанную на первом попавшемся камне, мы можем разобрать посмертное имя 柳生院花容童女之墓 (Рюсёин Каё-додзё-но хака) или слова 口口樓代々の墓 (фамильный склеп публичного дома.....). Также здесь встречаются камни, на

¹ С о т о б а — длинная узкая дощечка с буддийскими текстами, вертикально устанавливаемая на могилах. (Примеч. пер.)

которых вырезано по два имени, мужское и женское. Высота таких камней не превышает 60—90 см, все они маленькие и грязные, и похоже, долгое время никто не зажигал перед ними благовоний и не возлагал цветов.

Пройдя в глубину этого уединенного места, вы попадаете за спину главного храма. Здесь вся земля пропитана сыростью и гнетущий, похожий на могильный запах окутывает все пространство. Похоже, солнце столетиями не заглядывало сюда. Мертвые листья эноки лежат там, куда они опадали год за годом. Они свалились в кучи, заплесневели и сгнили, а из затхлой черной почвы пробиваются наверх мириады причудливых уродливых ядовитых поганок и зловонных грибов, пугающих своим видом и цветом. О, какой зловещий вид имеет это место! Пришедшие сюда вскоре проникаются глубоким чувством тоски и ощущают себя посетителями холодного подземного склепа. В этом мрачном унылом месте покоятся кости куртизанки, которая только вчера напоминала прекрасную бабочку или прелестный цветок, появляясь во всем великолепии своих нарядов, со сверкающими черными волосами, украшенными золотом, а сегодня сменила все это на погребальный саван.

Смотрите, позади двух больших эноки высится каменная стена. На ней стоит каменная колонна с шестью китайскими иероглифами 新吉原無縁墓 (Син-Ёсивара муэн дзука — «Могила тех из Син-Ёсивара, у кого нет ни родственников, ни друзей»). Вокруг все заросло травой и бурьяном, а рядом до сих пор стоит высокая ступа, установленная в память о погибших в великом землетрясении 2-го года периода Ансэй (1855). В самом деле, куртизанки, похороненные в муэн дзука, в полной мере несчастны, потому что большинство такого рода женщин все же находят покой в семейных склепах владельцев публичных домов. Тела же тех, кто не смог получить даже столь незначительной доли почета, родом из далеких провинций или не имеет никого, кто мог бы позаботиться о них после смерти, украдкой выносят через заднюю дверь публичного дома в серой предрассветной мгле... В любом случае конец женщин из публичных заведений печален и достоин сожаления, и с этой точки зрения на свете нет ничего более жуткого и омерзительного, чем описываемый нами квартал.

**ПЯТЬ ЛЮБОПЫТНЫХ ОФИЦИАЛЬНЫХ
ДОКУМЕНТОВ, ДЕЙСТВОВАВШИХ В ЁСИВАРА
В 1902 Г.**

№ 1

СОГЛАШЕНИЕ

Поскольку я, не имея иных средств существования, даю свое согласие на исполнение обязанностей проститутки в вашем заведении с целью содержания себя, настоящим соглашаюсь со следующим.

Пункт 1. Я осведомлена и подтверждаю факт того, что дала согласие на исполнение обязанности проститутки в вашем заведении сроком

Пункт 2. Настоящим я подтверждаю получение суммы в иен от вас в качестве аванса под годовой процент в размере

Пункт 3. Основная сумма и проценты, указанные в предыдущем пункте, должны выплачиваться из дохода, полученного мною от занятия проституцией. Вознаграждение за обслуживание одного клиента устанавливается в размере, откуда поступает на мои карманные расходы, а сумма в размере поступает на возмещение основной суммы и процентов.

«Вознаграждение за обслуживание» может быть повышено или понижено по вашему усмотрению, и в таком случае распределение денег будет производиться в той же пропорции, как указано выше.

Часть моего вознаграждения, поименованного выше как ваше, направляется на нужды госпиталя Ёсивара и другие нужды, но свое пребывание в госпитале я оплачиваю сама.

Если в будущем мне будет предоставлен еще аванс или вы любезно согласитесь оплатить лекарства или мое пребывание в госпитале, то деньги должны быть возвращены в следующем порядке:

- 1) лекарства;
- 2) пребывание в госпитале;
- 3) проценты по всем авансам;
- 4) основная сумма дополнительного аванса;
- 5) основная сумма первоначального аванса.

Пункт 4. Стороны соглашаются в том, что она в обязательном порядке будет проживать в вашем доме и добросовестно исполнять свои обязанности в течение срока действия соглашения, что она будет строго следовать всем правилам, касающимся ее деятельности, а также любым другим распоряжениям и обычаям квартала публичных домов. Также она ни при каких обстоятельствах не оставит и не приостановит свое занятие и не сменит место жительства до тех пор, пока вам не будут выплачены основные суммы и проценты. Также стороны соглашаются в том, что в случае передачи вашего дела в другие руки по вашему усмотрению или необходимости смены места жительства ваши распоряжения и желания не встретят никаких возражений, кроме наличия действительно веских на то причин.

Пункт 5. Моя часть дохода определена в параграфе 1 пункта 3. И посему я не претендую на какие-либо другие доходы, возникающие в связи с деятельностью вашего заведения.

Пункт 6. Что касается ее личного имущества, то оно является залогом безопасности аванса, поименованного в пункте 2, безотносительно, существует ли оно уже сейчас или будет обретоно в будущем по мере исполнения обязанностей. Поименованное имущество не может быть вынесено за пределы заведения, передано другим лицам, заложено, продано или отчуждено каким-либо другим образом.

Пункт 7. Если заболит до наступления полного погашения аванса и не сможет исполнять свои обязанности, она должна пройти медицинский осмотр в госпитале Ёсивара, и, если диагноз не позволит ей продолжать свое занятие, заложенное имущество, принадлежащее, должно быть продано вами в присутствии одного из поручителей, а вырученная сумма пойти на уплату основного аванса и процентов. Если вырученных денег не хватит, ответственность совместно и персонально принимается на себя поручителями и основным должником, а указанные поручители распределяют ее между собой.

Пункт 8. Если она скроется, поручители должны провести поиск и вернуть ее к исполнению своих обязанностей. Время, проведенное ею за пределами заведения с разрешения полицейских властей, приплюсовывается к сроку, оговоренному в соглашении. Если ее не удастся разыскать или

она умирает, заложенное личное имущество должно быть продано вами в присутствии одного из поручителей, а вырученные деньги пойти на погашение аванса и процентов. Если вырученных денег не хватит, ответственность совместно и персонально принимается на себя поручителями и основным должником, а указанные поручители распределяют ее между собой. В случае смерти основного должника поручителям передается ее тело.

Пункт 9. Если на момент окончания срока соглашения останется неоплаченная часть аванса, вы вправе продать заложенное имущество и добавить недостающую часть в оплату аванса. Любую недостачу покрывают поручители, и вы будете защищены от потерь и беспокойства.

Пункт 10. Если какой-нибудь пункт данного соглашения будет нарушен или между сторонами возникнут разногласия, дело попадает под юрисдикцию либо токийского, либо окружного суда.

Пункты соглашения принимаются сторонами, обязующимися не нарушать их. И, чтобы избежать недопонимания и проблем, мы составили данный документ, подписали его и заверили своими печатями.

Дата

(Подписи)

№ 2

ДОКУМЕНТ О ЗАЙМЕ

Сумма иен вместе с процентами в размере в год.

Настоящим мы подтверждаем, что вышеуказанная сумма была взята у вас взаймы, чтобы удовлетворить требованиям, связанным с исполнением обязанностей проститутки. Возврат денег будет производиться в соответствии с условиями соглашения от, и мы ожидаем, что вы исполните свою часть соглашения.

И, чтобы избежать недопонимания и проблем, мы составили данный документ, подписали его и заверили своими печатями.

Дата

(Подписи)

№ 3

ДОВЕРЕННОСТЬ

Я,, начиная исполнять обязанности проститутки в городской префектуре Токио, настоящим передаю и предоставляю следующие полномочия:

1. Производить все действия, связанные с получением лицензии на занятие проституцией, и подписывать и заверять все необходимые документы.

2. Заключать соглашения о будущих займах или займе с хозяином публичного дома, пока исполняю обязанности проститутки за иен, а также подписывать и заверять все связанные с этим документы.

3. При смене места жительства по усмотрению хозяина публичного дома занимать деньги у нового хозяина, определять условия возврата долга, заключать новые соглашения, связанные с исполнением обязанностей проститутки, подписывать и заверять все необходимые документы и составлять прочие документы.

4. Вести все мои дела, пока я занимаюсь проституцией.

5. Назначать себе замену для ведения доверенных дел.

Настоящим подтверждаю, что все перечисленные полномочия должным порядком переданы вам, и прошу вас вести дела в соответствии с правилами. Я заверяю вас в том, что я не буду возражать против любых ваших действий в рамках вышеизложенного и что данная доверенность не будет отозвана без вашего согласия.

В подтверждение вышеизложенного я составила данную доверенность, подписала и заверила печатью.

Дата

(Подпись)

№ 4

РЕШЕНИЕ СЕМЕЙНОГО СОВЕТА

Пункт 1. Дано разрешение работать проституткой в городской префектуре Токио.

Пункт 2. может взять в долг у хозяина публичного дома, заключать договоры о дальнейших

займах, не превышающих, заключить соглашение (согласно приложенному).

Пункт 3. В случае, если хозяин публичного дома по своему усмотрению закрывает дело или велит сменить место жительства, может взять в долг у нового хозяина сумму в иен, заключать договоры о дальнейших займах, не превышающих иен, определять условия возврата долга, заключать новые соглашения, связанные с исполнением обязанностей проститутки, подписывать и заверять все необходимые документы и составлять прочие документы.

Пункт 4. Для подписания и заверения прочих документов, связанных с пунктами 2 и 3, может назначить себе замену и передать ему соответствующие полномочия.

Дата

(Подписи)

№ 5

ПИСЬМЕННОЕ ХОДАТАЙСТВО

..... готова заняться проституцией, и потому я премного вам благодарен за ваше любезное согласие быть моим поручителем при заключении контракта. В этих обстоятельствах я обещаю строго выполнять условия контракта и не причиню вам какого-либо беспокойства. Если возникнет необходимость подписать и заверить у властей документы, связанные с занятием проституцией, я прошу вас любезно подписать и заверить их, а также, в случае необходимости, документы касательно дополнительного займа в качестве доверителя и поручиться за возвращение этих займов. Далее я прошу вас присматривать за всеми вопросами, касающимися моих интересов, пока она исполняет обязанности проститутки. Если вы согласны, сторона основного должника не будет поступать вопреки вашим указаниям и также не будет возражать.

В подтверждение вышеизложенного я составил данное ходатайство, подписал и заверил его печатью.

Дата

(Подпись)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
История Ёсивара юаку	10
Нихон цуцуми («Японская дамба»)	24
Микаэри янаги («Ива прощального взгляда»)	25
Ёсивара дзиндзя (храм Ёсивара)	25
Аисомэдзакура («Сакура первого свидания») и Кома цунаги мацу («Сосна для привязи боевого коня»)	26
Рёдзин-но идо («Колодец странников»)	27
Доска с государственными постановлениями и узаконениями на Омон	27
Омон сейчас	27
Почему поход в Ёсивара называли «тё-э юку»	29
Классы публичных домов	29
Хикитэдзья (Чайные домики для знакомств)	35
Дзюхатикэн дзя (Восемнадцать чайных домиков)	45
Амигаса дзя (Чайные домики плетеных шляп)	45
Кудзяку нагая	46
Кэмбансё (Контора, ведающая делами гейш)	47
Классы проституток	48
Камуро (Девочки-служанки)	54
Синдзо	56
Яритэ (Женщины-распорядительницы)	59
Куцува	61
Вакаймоно (Слуги-мужчины)	62
Хокан и гэйся	65
Европеизация Ёсивара и появление куртизанок с островов Рюкю	78

Дзэгэн (Сводники)	79
Одежда куртизанок	86
Прически юдзё	90
Комнаты юдзё	95
Цумиягу-но кото	
(Демонстрация постельных принадлежностей)	97
Собана (Круговые чаевые)	100
Сёкай (Первое свидание) и митатэ (Выбор женщины)	101
Ицудзукэ-но кото (Несколько дней, проведенных в публичном доме)	104
Отя-о хiku тою кото (Измельчение чая)	104
Сикидзомэ-но собабурумаи-но кото	
(Угощение гречишной лапшой по случаю первого использования ночных одеяний)	105
Сясин митатэтё	
(Фотоальбомы, облегчающие выбор женщин)	106
Сёги-но нэдан аидзируси	
(Тайные знаки, сообщающие о гонораре куртизанок)	108
Сангё тёмэн-но цукэката	
(Система бухгалтерского учета у куртизанок, в публичных и чайных домах)	109
Юдзё-но хикифуда (Реклама публичных домов)	113
Агэя-но сасигами (Повестки в агэя)	117
Курува котоба, или диалект Ёсивара	119
Сёги-но окнау дзюхо (Магические ритуалы Ёсивара)	123
«Попурри» из Ёсивара	138
Дайя-но кото (Кухни Ёсивара)	139
Достопримечательности Ёсивара, а также уличные торговцы, разносчики и попрошайки	142
Проверка лицензированных женщин на наличие венерических заболеваний	144
Мусэн юкё (Поход развлечься без денег)	147
Ёсивара гаёи-но дзинрикия (Рикши в Ёсивара)	149
Сангяума датиндзукэ (Цена наемных лошадей в и из Ёсивара)	153
Рётю оёби инсёку-но кото	
(О болезнях проституток и об их еде)	155
Хикэ-но кото (Время закрытия Ёсивара)	155
Котё-но кото (Следующее утро)	155
Хирудзимаи ёдзимаи-но кото	
(Дневные и вечерние ангажементы куртизанок)	156

Ракусэки-но кото (Удаление имен из реестра Ёсивара)	156
Гайсюцу оёби тобо (Выход или бегство из Ёсивара)	158
Юдзё бёси оёби дзёси-но кото (Смерть и двойные самоубийства куртизанок)	160
Син-Ёсивара-но бодайдзи (Кладбище Син-Ёсивара)	163
Каритакү-но кото (Временные кварталы проституток)	164
Дотю-но кото оёби цукидаси-но кото (Шествия юдзё и первые появления «рекрутов» в Ёсивара)	167
Ёмисэ сугаки-но кото (Ночной показ и сугаки)	176
Дайдзинмаи-но кото (Танцы богатых кутил)	180
Дайкокумаи-но кото (Танцы дайкокумаи)	183
Вступительная песня для дайкокумаи	184
Дотэбуси-но кото оёби хаяриута (Песни дотэбуси и популярные песни)	186
Хроника года	189
Накано-тё-но ханауэ (Посадка цветов на Накано-тё)	198
Торо-но кото (Фонари)	200
Танцы нивака	202
Тори-но мати (Праздник Отори-но ками)	209
Ёсивара нана фусиги (Семь тайн Ёсивара)	210
Ёсивара-но кёка (Комическая поэзия)	210
Ёсивара кайрокки (Хронология пожаров в Ёсивара)	211
Фурикодэ кадзи (Большой пожар годов Мэйрэки)	215
Мэйги рякудэн (Короткие заметки о жизни известных куртизанок)	219
Такао	219
Ханаоги	222
Тамакото	224
Кацуяма	225
Сэгава	227
Усугумо (Легкое облако)	228
Осуми	230
Комурасаки (Маленький пурпурный цветок)	231
Каору (Благоухание)	234
Коконоэ (Девять складок)	235
Кинокуния Бундзаэмон (1669—1734)	237
Законодательство, имеющее отношение к публичным домам	241
Образцы контрактов между публичными домами и куртизанками	253

ДЖОЗЕФ ДЕ БЕКЕР

Медицинский аспект.....	258
Статистика, касающаяся социального зла в Японии, за 1898 год	262
За и против	262
Приложения	
Управление «городом, куда не приходит ночь»	273
Подробнее о «трудовых книжках».....	282
Медицинское обследование проституток	283
Правила работы госпиталя	285
Медицинская статистика.....	294
Обзор правил гильдии Ёсивара.....	296
Юридическая сила долговых обязательств	301
«Яро» — Peccatum illud horribile, inter Christianos non nominandum.....	302
Голгофа (Последние часы, смерть и похороны куртизанки).....	306
Пять любопытных официальных документов, действовавших в Ёсивара в 1902 г.	310

Бекер де Джозеф
ГЕЙШИ
История, традиции, тайны

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.Н. Должникова*

Корректор *Т.В. Вышегородцева*

Подписано в печать 17.12.2009.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Уч.-изд. л. 19,03 + вклейка = 19,87.

Тираж 3 000 экз. Заказ №

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14